



(1914)



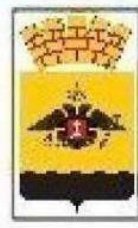
(1968)



(1974)



(1994)



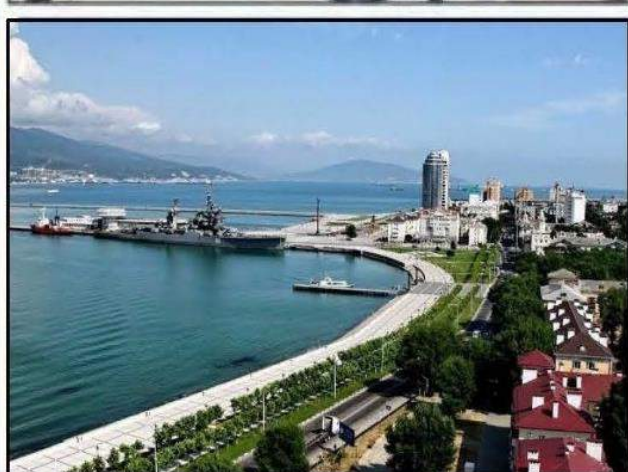
(2006)



Альманах

Истоки

Выпуск № 8





**Игорь Константинов. У цементного завода. Место жесточайших боёв.
Новоросийск. 1**



**Виктор Саморезов. Артиллеристы Черноморского флота
в обороне Новоросийска. 1942 год. 1955**

История. Культура. Краеведение

ИСТОКИ

Альманах имени Н.Т. Турчина

№ 8

Новороссийск
2023

Благодарность

«Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом: звёздное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Так сказал еще в XVIII веке философ и один из центральных мыслителей эпохи Просвещения Иммануил Кант. Именно этот нравственный закон внутри человека диктует ему поступки, которые многие считают нерациональными, не приносящими выгоду, а значит, и не имеющими практического смысла. Однако есть люди, которым их нравственный закон диктует другие устремления и приоритеты. И сохранение памяти, как и воспитание на ней наших детей – один из краеугольных камней их понятия о главном правиле жизни, об их ответственности как перед своими родителями в частности и предками вообще, так и перед будущими поколениями. Это их взгляд на верность развития будущего: без иванов, не помнящих родства, и без националистических и нацистских идей, без ненависти к людям без и уничтожения человечности в них. И тогда они вкладывают свои убеждения, свой взгляд на жизнь и свои материальные ресурсы в то, что и называется нравственными законами Человека.

Коллектив редколлегии историко-краеведческого альманаха «Истоки» и объединение ветеранов, старожиллов и хранителей истории «Истоки» выражают искреннюю благодарность депутату городской думы г. Новороссийска VII созыва по одномандатному избирательному округу № 3 Дмитрию Владимировичу Баринову за чуткость и поддержку, понимание и помощь, оказанные в издании этого выпуска альманаха.

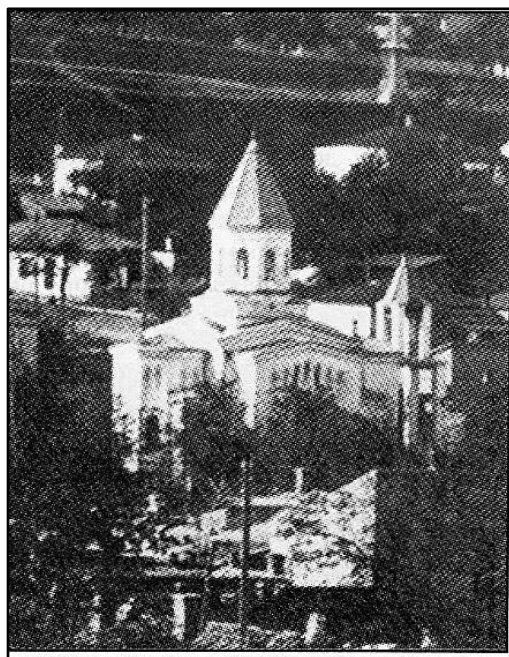
Радуется, что в нашем городе живут и трудятся такие замечательные люди с большим добрым сердцем, как Дмитрий Владимирович. Такому человеку хочется пожелать новых свершений, энергии и оптимизма, благополучия и стабильности, бодрого настроения и крепкого здоровья, удачи и процветания в делах. Гордимся взаимопониманием.

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Энциклопедия от Игоря Гусенина

От А до Г...

Армяно-григорианская церковь – церковь была построена в 1908 году на пересечении улицы Дмитриевской (*ныне* Энгельса) и Раевского бульвара (*ныне* Новороссийской Республики) по проекту архитектора Васильева и инженера Чемесова. В 1894 году представители новороссийской армянской диаспоры подали прошение о выделении им участка для строительства на нем церкви. Доверителями подателей прошения были Аким Мустафаев, Сергей Ахаджанов, Яков Пахалов и Давид Хаджеев. Финансировать строительство предполагалось за счет добровольных пожертвований и взносов. В 1895 году два плановых участка под кадастровыми номерами 493 и 496 (между современной ул. Сипягина и ул. Видова) в размере 900 кв. саженей были безвозмездно выделены для строительства церковного здания. Однако в 1898 году попечительский совет снова обратился в городскую управу с прошением выделить им другой участок, так как возле участка, уже выделенного под строительство церкви, находилось несколько публичных домов. В итоге церковь была построена на углу нынешних улиц Энгельса и Новороссийской Республики.



В 1929 году церковь закрыли и отдали под клуб армянской общины. Согласно схематическому плану с указанием разрушений кварталов и отдельных зданий за 1944 год, за подписью главного архитектора В.С. Данини, по окончании боев за Новороссийск сохранность здания составляла минимум 70 процентов. В 1946 году община евангелистских христиан-баптистов обратилась в Новороссийский горисполком с просьбой передать им во владение помещение бывшей армяно-григорианской церкви, но им было в этом отказано. Церковь снесли в процессе послевоенной реконструкции города. И на ее месте в 1955 году построили здание, в котором сейчас располагается администрация центрального района города.



Байбаракова дом – доходный дом члена городской управы Е.П. Байбаракова был построен в 1890 году. В 1899 году в доме арендовали помещение комиссионер по фамилии Маврогордато, а также городской врач доктор Френкель. В доме Ефрема Байбаракова в разное время располагались кинотеатры «Вулкан» (в начале 1900-х годов), «Совкино» (в 1928–1940), «Ударник» (1940–1948). По окончании боев за Новороссийск сохранность здания составляла

более 70%. Дом Байбаракова сохранился до наших дней и находится на ул. Советов, 48. В течение длительного времени в здании находится городской совет РОСТО-ДОСААФ.

Беркова дом – предположительно принадлежавший Георгию Беркову дом находится по ул. Свободы, 36. По окончанию боев за Новороссийск дом практически не пострадал.



Бобовичей дом – здание находилось на месте нынешней гостиницы «Черноморская» и принадлежало представителям семьи старинного и влиятельного караимского рода Бобовичей. Трехэтажный доходный дом с куполом был построен в 1912 году на углу улицы Серебряковской (ныне чётная сторона ул. Советов) и Агентского (ныне Мичуринского) переулка. На первом этаже располагался модный галантерейный магазин младшего поколения семьи – торгового дома «Братья С. и И. Бобович», на втором этаже – Волжско-Камский банк. Третий же этаж арендовало Новороссийское общественное собрание. После октябрьской революции в здании размещался клуб им. Энгельса, клуб советских торговых работников. Сохранность здания после войны составляла не более 30%. Фактически же от дома братьев Бобовичей остался только купол, венчающий развалины. И восстанавливать уже было нечего. Дом, в котором жили Бобовичи, был весьма скромным (ул. Шевченко между ул. Шуваловской и Спенцовской).

Богадельня – благотворительное заведение для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек и выздоравливающих). Было построено в 1913 году на Карантинной площади (ныне территория ЖК «Резиденция» и «Новосити») под руководством городского архитектора Прилипского. Богадельня, основанная новороссийским обществом пособия бедным, носила имя Матрены Николаевны Векслер. Михаил Андреевич Векслер пожертвовал городу на эти цели 10 000 рублей. Во время войны здание богадельни было наполовину разрушено. Снесено уже в послевоенные годы.

Богарсукова дом – жилой дом купца 1-й гильдии Никиты Павловича Богарсукова построен в начале 20 века. Дом находится по ул. Конституции, 16. Во время войны дом практически не пострадал.



Буджака дом – предположительно принадлежавший Филиппу Буджаку дом находится по ул. Горького, 24. Построен в 1914 г. Дом во время войны практически не пострадал.

«Венеция» гостиница – дом, принадлежавший Р. Садрадзе, в котором находилась гостиница, был построен в 1910-м году на улице Воронцовской. Современный адрес звучал бы как ул. К. Маркса, 13. Освящение и открытие гостиницы и ресторана состоялось 14 января 1914 года в 12 часов пополудни.

Гостиница всегда считалась менее комфортабельной, чем, например, гостиница «Франция». В 1916 году номер в гостинице стоил от одного рубля до трёх. В ресторане при гостинице можно было вполне сытно и вкусно пообедать. Обед из трех блюд в вышеупомянутом году стоил 75 копеек. Гостиничный ресторан с просторным общим залом и отдельными кабинетами угощал клиентов блюдами европейской и кавказской кухни, для увеселения публики пианист играл на рояле.

На сегодняшний день мне не подалось ни одной фотографии фасада гостиницы. И каким он был, мы можем гадать только по фотографии, датированной 1936-м годом. На фотографии запечатлен снос старых домов для строительства кинотеатра «Москва». А гостиница «Венеция» попала в кадр слева.



В период нахождения в городе белогвардейских войск в годы гражданской войны обязательным постановлением черноморского губернатора по гражданской части от 1 декабря 1918 года «Венеция» была отнесена к гостиницам второго разряда. Причем в этом постановлении гостиница уже значится в доме некоего Агзбеукиана.

В 1925 году адрес гостиницы звучал уже как ул. К. Маркса, 27.

В годы Великой Отечественной войны здание было повреждено. По окончании боев за Новороссийск сохранилось более половины здания. Тем не менее здание было полностью восстановлено в 1954 году.

И немного моих личных воспоминаний: моя бабушка жила в доме напротив, и я часто, бывая в детстве у нее в гостях, смотрел на бывшую гостиницу с балкона или из кухонного окна. Здание удивляло меня своей заброшенностью и тем, что было опоясано стальными балками, дабы совсем не развалилось. Удивляли ступеньки в подъезде на верхние этажи, они были неестественно маленькие. Уже много позже я такие же ступеньки увидел на даче Стамболи в Феодосии. Меня страшило, что в доме никогда не горел свет в окнах, да и в самом подъезде было темновато даже днем, потому я, маленький, ни разу не отважился забежать в это здание. Еще в детстве мне старожилы рассказывали, что якобы между бывшей гостиницей и домом напротив существует подземный ход, но правда ли это, я не знаю, не проверял.

Последнее время в здании на первом этаже располагалась «Медтехника», а на верхних этажах жилые помещения. Это единственное здание, которое снесли из-за аварийного состояния, да и особой художественной ценности оно не имело. На освободившемся месте по тому же адресу построен 11-этажный с мансардой дом в стиле хай-тек. Точную дату сноса здания установить мне не удалось, примерно начало нулевых годов.

Георгиева дом – двухэтажный доходный дом Леонида Полихроновича Георгиева находился на углу ул. Серебряковской (ныне чётная сторона ул. Советов) и Романовской (ныне ул. Свободы) на плановом участке под номером 664. Дата постройки неизвестна. Первое упоминание на фотографии датируется 1910 годом. Некоторое время в доме Георгиева располагался городской банк. После переезда банка в Городской дом здесь размещалось Второе общество взаимного кредита. В 1915 году здесь же обучали письму на пишущих машинках, вели переписку и, согласно рекламе того времени, переводы со всех языков и на все языки. На первом этаже располагался магазин железоскобяных товаров, красок и бичевых товаров, разные конторы, в том числе изостудия. Согласно схематическому плану города за 1944 год здание уцелело и эксплуатируется. Дом снесён предположительно в 1959 году.



Георгиевский православный храм села Васильевки – первые упоминания о васильевском приходе относятся к 1871 году. Церковь построена в 1873 году на средства местных жителей. И 4 мая 1873 года произошло ее освящение. Здесь проводились венчания, крещения, отпевания и все церковные праздники. Рядом был погост, где захоранивали ее служителей. Здание храма было каменным, крыто черепицей, престол в нем освящен именем Святого Великомученика Георгия. Изначально церковь была приписана к Новороссийской Николаевской церкви, но позже получила самостоятельность. 28 июня 1938 года Новороссийский горсовет вынес постановление о закрытии Георгиевской церкви. А 8 июля того же года принято постановление о передаче церкви под школу, но до официального постановления в помещение уже бывшей церкви было разрешено ссыпать зерно нового урожая. По воспоминаниям старожил, Георгиевская церковь не действовала уже с 1935 года – в ней был устроен клуб, сделана сцена. С закрытия храма по 1942 год в клубе показывали различные фильмы и ставили спектакли. В 1942 году, когда в селе находились румынские и немецкие оккупационные войска, церковь восстановили. Разместили в храме иконы и использовали здание по прямому назначению. Но после освобождения села в 1943 году иконы убрали, а церковь ис-

пользовали под сарай и склад. В 1965 году здание было разобрано, и рядом с тем местом построен клуб из камня разобранной церкви.

Герта дом – дом построен на плановом участке под номером 123 в 1901 году и принадлежал Дмитрию Павловичу Герту, управляющему у грека Акритаса – второго хозяина мельницы братьев Асланиди. Во время войны здание получило незначительные повреждения, уцелело более половины постройки. Дом сохранился до наших дней и находится по ул. К. Маркса, 21. Сейчас здесь расположен



Новороссийский политехнический институт Кубанского технологического университета.

Городской дом – на улице Советов, 40, сохранилось самое роскошное дореволюционное здание, которое когда-то занимали городская Управа и городская Дума. Благодаря этому здание и прозвали Городской дом. Он был первым крупным административным зданием в Новороссийске, сразу же стал городской достопримечательностью и считался лучшим в то время на Черноморском побережье. Его изображения печатались на почтовых открытках, и о нем непременно упоминали путеводители.

В 1906 году Дума объявила закрытый конкурс на проект собственного здания. По условиям конкурса оно должно было быть обязательно каменным, фасадным и иметь помещения для Думы, Управы, банка и торговых помещений, со стоимостью проекта не более 120 тысяч рублей. Победителем стал проект «Медуза», автором которого был только что назначенный городским архитектором Семен Акимович Каллистратов.

23 сентября 1907 года в 12 часов дня состоялась торжественная закладка здания, где присутствовали губернатор А.А. Березников, вице-губернатор А.Ф. Мосолов, правитель канцелярии Черноморского губернатора П.Г. Лючиев, городской голова П.К. Калинин, другие первые лица города и много простых жителей. После молебна в фундамент был замурован цинковый ящик, в котором находились медная закладная доска, акт торжества и копия плана Городского дома.



Уже 9 июля 1909 года газета «Черноморское побережье» извещала своих читателей: «15 июля последний срок, когда Управа должна перейти в Городской дом. Заменяющий на тот момент городского Голову С.М. Пенчул отдал распоряжение архитектору о немедленном завершении работ по Городскому дому. Вполне отделан и закончен дом будет к 15 августа, так как никаких тормозящих постройку причин уже быть не может. К этому же числу откроются и все магазины, выходящие фасадом в сторону базара.

И 28 июля этого же года администрация города и Дума переехали в новое помещение, где занимали центральную часть здания и правое крыло второго этажа. В левом крыле располагался городской банк. Здание в длину имело более 100 метров и было оборудовано центральным отоплением, в думском зале имелись паркетные полы. Весь первый этаж и подвалы сдавались в аренду предпринимателям. Здесь располагались самые лучшие городские магазины, например, гастрономический Губарева и Терещенко, модной и элегантной одежды Рембашевского, торговый дом братьев Кешишьян, ювелирные магазины Фельдмана и Кога-на, типография Рабиновича. Кроме того, в здании находилась публичная библиотека. А на

втором этаже имелся зал на 350 мест и туалеты современной на тот момент конструкции, чертеж которых сохранился в городском архиве.

Тротуар возле Городского дома впервые в Новороссийске был асфальтированным. Правда, вместо 120 тысяч по смете на постройку ушло 178 тысяч. Несмотря на то что была создана специальная думская комиссия для проверки отчета о строительстве, виновника растраты найти не удалось.

Благодаря Городскому дому удалось прикрыть бардак Торговой площади со стороны улицы Серебряковской (*ныне* четной стороны ул. Советов), ведь Серебряковская в те годы являлась витриной города.

Через некоторое время после окончания строительства, 10-11 апреля 1912 года, здание испытало на себе все прелести новороссийской боты. Норд-ост причинил ущерб зданию на 150 р.

27 октября 1917 года в здании Городского дома состоялись заседания новороссийского Совета и городской Думы. На нем был избран военно-революционный комитет (ВРК), принявший на себя всю полноту власти. После установления советской власти второй этаж здания в разное время занимали горкомхоз, службы военной обороны, редакция газеты «Новороссийский рабочий» и коммунальный банк. С 1920 года здание именовалось Домом обороны благодаря как раз таки военным службам, квартировавшим в центральной части здания.

В 1927 году у здания появились пристройки к торцам, где с одной стороны разместился музей Революции, с другой – кафе и столовая.

С марта 1936 года, по одним сведениям, и с 1938-1939 года, по другим, бывший Городской дом был отдан под Дворец пионеров.

С началом Великой Отечественной войны в подвалах размещался командный пункт ПВО города.

В годы войны в здании немцами для офицеров Вермахта был организован дом терпимости под вывеской «Кабаре». Немцы отобрали туда самых красивых девушек из местных жительниц.

На момент освобождения города сохранилось более 70% здания. В его менее пострадавших помещениях разместились первые послевоенные городские службы.

Еще в начале 1950-х годов на крыше здания сохранялся наблюдательный пункт ПВО времен войны. Но к концу 50-х его демонтировали. После войны в здании в разное время размещался Дворец пионеров, педагогический колледж, продовольственный магазин, выставочный зал Новороссийского музея-заповедника.

1 октября 1957 года на здании была закреплена мемориальная доска «Дом, в котором размещалось правительство Советской Черноморской республики в 1917-18 гг.». Мемориальную доску изготавливал судоремонтный завод.

В начале 1980-х годов были демонтированы одноэтажные пристройки у торцов здания. Сделано это было с целью открыть вид на море с улицы Советов, расширить пешеходное пространство. Другой вариант предусматривал расширение улицы Рубина и переулка Мичурина также за счет сноса пристроек. И, кроме того, планировалось вернуть зданию первоначальный архитектурный вид.

В 2010-х годах здание снова приобрело одну пристройку, которая нарушила общую геометрию здания. Вообще пристройки планировалось две, но что-то пошло не так.

Кстати здание Городского дома является единственным в городе памятником архитектуры федерального значения.

**Игорь ГУСЕНИН,
краевед**

Продолжение следует...

АТУ ЕГО, АТУ!

Или как в Новороссийске боролись с верующими

Апрель 1961 года окрылил антирелигиозную пропаганду в СССР. Человек стал равен, нет, он превзошёл бога!

МЫ САМИ БОГИ

И дело, конечно, не в том, что Юрий Алексеевич «в космос слетал, а бога там не видел» – этот аргумент годился для совсем уж примитивов, каких и сейчас полно и для которых вся вера уместается в освящение верб на Вход Господень в Иерусалим (знают ли они вообще название этого праздника?) и крашенных яиц на Пасху. Как будто бы бог – это седобородый старец, почивающий на облаке (в космосе, кстати, и облаков нет никаких, кроме пылевых). Разумеется, никакого такого бога из иллюминатора космического корабля не увидишь.

А в том вся штука, что массовый советский человек перестал нуждаться в сверхъестественной силе, обретя несокрушимую веру в свою собственную. Человек уже «запер Днепр, чтобы, падая с вершины, побеждённая вода быстро двигала машины и толкала поезда». Кстати, «бетона триста тридцать три вагона» из знаменитого стихотворения Самуила Маршака «Война с Днпром» были заготовлены из новороссийского цемента, о чём городская газета, следившая за ходом грандиозного строительства, с совершенно справедливой, замечу, гордостью рапортовала.

Человек успешно одолевал природу, разгадав и подчинив себе законы физики и даже научившись их, как в случае с полётами в космос, преодолевать.

ЗА ШИВОРОТ К КОММУНИЗМУ

Портили картину только «отсталые элементы», упорно шедшие каким-то узким путём из вздорных церковных книжек и не желавшие выходить на широкую дорогу социалистических преобразований, к горизонтам маячившего уже в полутора шагах, как тогда казалось новым, коммунизма.

Винили лекторов в плохо поставленной лекционной и агитационной работе, из-за чего «развелось много церковников и сектантов». И задерживалось мероприятие, обещанное тогдашним генсеком Никитой Хрущёвым, – демонстрация советскому народу «последнего попа».

В 1963 году в Новороссийске это обещание выглядело излишним, поскольку единственного попа можно было застать только в бывшей кладбищенской церкви на горке на Гладкова. Вся борьба таким образом сосредоточилась на баптистских общинах, которым не нужны были храмы, они довольствовались молитвенными собраниями в окраинных частных домах, подальше от глаз бдительных строителей коммунизма.

Лучшие перья партии были на острие на это «мракобесие». В «Новороссийском рабочем» за 1963 год мне попались несколько статей уважаемых авторов, чьи фамилии я приводить не буду – кто знает, в каком мировоззрении застал их последний час земной жизни! Скажу лишь, что «избиение младенцев» было поручено штатному сотруднику редакции и успешному лектору городского отдела общества по распространению политических и научных знаний.



ЧИТАЛ ЖЕНЕ АТЕИСТИЧЕСКИЕ КНИГИ

«Черный клин» – так называлась одна из статей.

«В семейном альбоме хранятся фотографии, изображающие молодую симпатичную женщину в белом платье и ее мужа, торжественного и гордого. Сколько счастья желали им, молодоженам! И оно было. Были общие мысли, общие трудности, общие радости, общие интересы. Сейчас растут две девочки. В доме имеются телевизор, диван, ковры – всё, что сегодня рисует быт наших людей, своим трудом обеспечивающих благополучие. А счастье?»

А счастье оставило эту семью. Черным клином между людьми встала религия...»

Далее автор рисует портрет молодой ещё женщины, лишившей себя «многих настоящих радостей жизни». Имена членов разваливающейся семьи, включая детей, указываются без стеснения – частная жизнь не священна. Пусть каждый – сосед по дому, напарник по работе – узнает заблудшую овцу. И всей мощью общественности загонят её в отару.

«Астахова – активный член баптистской общины, в сентябре 1962 года (несмотря на летательные аппараты, собак-путешественниц и человека в космосе! – *авт.*) приняла водное крещение. В доме она прячет от мужа евангелие, изданное в США (вон ещё когда пендосы нас разлагали! – *авт.*), часто посещает молитвенные собрания.

Ее муж – рабочий вагонного депо Виталий Астахов. Вот уже длительное время он переживает семейную драму, читает жене атеистические книги, водит в планетарий, облегчает ей хлопоты по дому – все для того, чтобы вырвать ее из пут религии...»

В общем, уставший муж подумывает о разводе. А что дети?

«...мать внушает им с самого раннего возраста неправильное представление о мире. Какая же мать вместо того, чтобы вывести детей на правильную дорогу, заставит их блуждать в дебрях мракобесия?»

Далее следует рассказ об ещё одной семейной драме, но там муж оставил семью.

«Прискорбно то, что общественные организации предприятий, где работают члены этих семей, занимают позицию невмешательства, не ведут пропаганду научного атеизма».

«В конце концов ... следует помочь определить детей в интернат ... создать нормальную обстановку для их развития», настаивает автор.

Наверное, автор был искренен в желании помочь, но ничего не напомнило?

ПРИЗЫВАЛИ ПРАВОСУДИЕ

Большим экраном в это время в городе шли антирелигиозные фильмы. «Вот и сейчас новоросийцы смотрят фильм «Армагеддон» ... Сюжет картины, пожалуй, не нов. Возвращается домой демобилизованный солдат и застаёт любимую девушку в лапах сектантов. И, как всегда в таких фильмах, к сожалению, неуклюже начинает за нее бороться. Но не об этом пойдет разговор. Важно, что создатели фильма показали нам еще одну группу злобствующих, ненавидящих всю нашу советскую жизнь, ханжески лицемерных...» – интригует читателей «НР».

Подкованные московские лекторы выступали в провинциальных газетах с критикой церковных проповедников. В статье «Церковь приспосабливается», которую тиснули не только в городской газете Новоросийска, но и в сотнях других по стране, высмеивалось желание проповедников сблизить заветы Нагорной проповеди с нормами коммунистической морали.

«Нередко духовенство ссылается на «заповеди господни», которые якобы во многом сходны с принципами морального кодекса строителя коммунизма. Включая в эти заповеди некоторые в общем-то правильные моральные нормы, церковники умалчивают о том, что эти нормы идут вовсе не от бога, а выработаны самими народами в тысячелетней борьбе против социальной несправедливости и порочных поступков людей в общественной жизни». Статья большая, а завершается она посылом о необходимости усиления научно-атеистической

пропаганды. «Это поможет верующим людям ... стать на путь активного участия в борьбе народов за торжество великих идеалов коммунизма».

Разоблачать, в общем, симпатичные христианские воззрения получалось не очень. Оставалось выискивать в этой среде людей, видимо преступивших закон, что было не трудно, поскольку система заранее поставила их вне закона, вынесла за скобки само их существование.

«Оборотень» – в этой статье другого автора клеймили старого человека, пошедшего на правонарушения в стремлении выжить.

«Кто из новороссийских баптистов не знает чистенького на вид и довольно бодрого ещё старичка Кукарцева Михаила Николаевича, который сейчас работает дворником при железнодорожной больнице? Кто из них не слышал, как он распинается об откровении, братстве, дружелюбии, смирении и прочем, окружая себя ореолом праведника и обманывая легковерных?»

Знают и слышали, потому что у него в доме (даже в нарушение закона) проходят молитвенные собрания братьев и сестер во Христе.

А каково же истинное лицо человека, который носит имя Кукарцева?»

Далее следует история, каждый эпизод которой должен (и, думаю, вызывал) праведный гнев читателей советской газеты. Вкратце: в начале 30-х годов в глухой сибирской деревеньке жил себе некто Брыков. В годы коллективизации его отец был раскулачен, а сам антигерой получил десять лет за антисоветчину (как уж там было на самом деле, не знаем, статья вышла за много лет до времени массовой реабилитации и публикаций об этом), из тюрьмы бежал.

«Петлял по жизни, как заяц по снегу», – сравнивает автор, впрочем, безо всякого сочувствия к человеку, на которого объявлен гон. Завербовался беглый на прииск в Уссурийской тайге, но начавшаяся паспортизация вынудила его бежать и оттуда. Как-то добрался до родной глухомани, жил в бане, скрываясь от односельчан, нечестным путем добыл чужой паспорт и по нему махнул в Среднюю Азию. «На станции Джамбул проделал ещё один мошеннический трюк». А именно: заявил в милиции, что у него украли документы, а сам надорвал паспорт и бросил его в арык, вода смыла чернила, и он снова пришел в милицию — документы де нашлись. С безымянным документом подал и справку на украденном из сельсовета бланке с печатью, в который вписал новое имя.

Дальше, как повествует автор, Брыков-Кукарцев скитался по всей стране, всюду боясь разоблачения. Был учётчиком транспорта, слесарем, возчиком на лесоучастке, счетоводом, кучером, пастухом, завмагом, агентом промартели... Так, в скитаниях, прошли тридцать лучших для мужчины лет.

И вот, уже старика, его вызвали в паспортный стол горотдела милиции, где он вынужден был сознаться во лжи.

«Минуло много лет с тех пор, как сын кулака Брыков сбежал из тюрьмы и совершил другое преступление, похитив чужое имя. Не будем предрешать, как поступит закон правосудия. Но есть суд совести...»

Какие кары обрушила советская власть на «оборотня», мы не знаем. Но мне почему-то жалко этого человека, родившегося в одной стране, в одночасье очутившегося в другой – непонятной и враждебной для него. Разве многие из нас не пережили этого жалкого состояния в своей жизни, и, может быть, уже дважды?

Мне отчего-то вспомнился дед моей мамы, приехавший с большой семьёй в Сибирь, от бескормицы, в надежде обещанных правительством империи трём миллионам малоросских крестьян земельных наделов. Ехали в «столыпинском вагоне» в начале прошлого века, до того, как товарняки стали использоваться для перевозки заключённых и название стало зловещим. Семья была многодетная (по счастью, много мальчиков, крепкие руки в хозяйстве), работящая. Прадед тоже считался кулаком и отсидел в тюрьме посёлка Кубитет почти до самого того времени, как его сыновья пошли на фронт Великой

Отечественной (награждены боевыми медалями, свидетельствовавшими об отваге, один – посмертно).

Вспоминаю, как его невестка, моя бабушка, подняла шестерых детей, дождалась мужа с фронта без единого ранения, с наградами за боевые заслуги. Вера ли была ей в том подмогой? Но она всю жизнь не оставляла вечерней молитвы и среди тяжёлых крестьянских забот находила силы открывать Священное писание.

Я далека от мысли кого-либо за что-либо агитировать. Вера, считаю, дело глубоко личное. Мой голос за то, чтобы бдительные соседи не вторгались в это наше интимное пространство, чтобы людей не преследовали за их убеждения, не бросали на наковальню государственной идеологии под молот закона.

Оставьте нам спальни и молельни.

Марина РЫБКИНА,
журналист

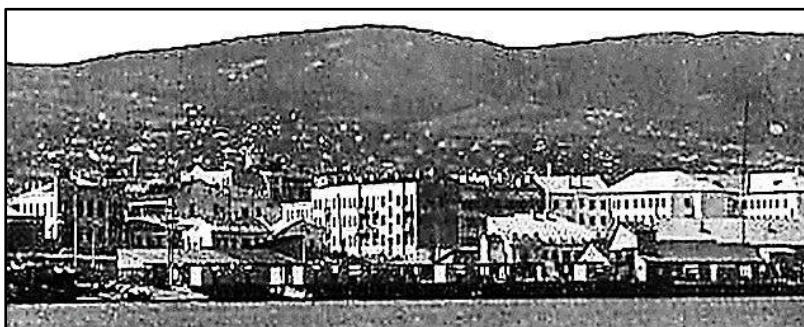
Им имя – новороссиец!

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА

Посвящается мальчишкам и девчонкам середины прошлого века из домов по улице Морской (Мира), 8, 10, 12, 29, со старой наб. «Жертв Августа» (им. адмирала Серебрякова), 1, 3, 5, ул. Революции 1905 года (Красноармейская), 1, 3.

История домов портовиков в городе Новороссийске начинается с ввода их в эксплуатацию в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века. Квартиры были коммунальные, и заселяли их в основном семьи работников водного транспорта, Новороссийского морского торгового порта и его подразделений.

Дома портовиков в 1950-е годы



В эти годы значительно возрос грузооборот Новороссийского порта. В год к его причалам швартовалось более 400 судов, значительно увеличилась численность персонала порта, достигшая более двух тысяч человек, в том числе более пятисот грузчиков.

Были построены семь

домов на берегу Цемесской бухты, напротив морского вокзала на Каботажной пристани.

Справа налево дома по ул. Мира, 8, 10, и левое крыло 12-го углового дома и ул. Революции 1905 года, 1.

Кроме того, в 1927 году по нечётной стороне ул. Мира, 29 (ул. Морская, 27), был построен седьмой коммунальный дом портовиков и образованный им двор получил название в народе «Седьмуха».

Седьмой коммунальный дом портовиков



Квартал домов шестого двора

Дом двенадцатого дома по улице Революции 1905 года; с южной стороны двор был отделён железной дорогой, проложенной на каботажный причал и в сторону водолечебницы на Суджукской косе.

Дома образовывали большой двор, ограниченный с южной стороны кварталом домов по улице Мира, с восточной – крылом двенадцатого дома по улице Революции 1905 года; с северо-западной стороны от моря двор был отделён железной дорогой, проложенной на каботажный причал и в сторону водолечебницы на Суджукской косе.

Огромный двор получил название «Шестой», в народе – «Шестуха». Название двора возникло, очевидно, по количеству шести домов его образующих, или по конфигурации домов в виде огромной буквы Ш, если смотреть сверху со стороны улицы Мира.

Разрушение домов портовиков при оккупации города в годы Великой Отечественной войны

Масштаб разрушений городских кварталов в 1942 году видно на аэрофотосъёмке германского самолёта-разведчика.



На аэрофотосъёмке частично разрушенный квартал жилых домов 6-го и 7-го дворов. В центре, у основания каботажной пристани, видны дома со светлыми крышами по ул. Мира, 8, 10, 12, 29, и ул. Революции 1905 года, 1 после разрушительных бомбардировок люфтваффе.

Дома имеют значительные повреждения, но у них частично сохранились крыши, сохранился пристроенный к торцу здания дома ЗТП-6кВ (закрытый трансформаторный пункт 6кВ) и капитальный общественный туалет напротив центрального проходного подъезда дома по ул. Мира.

Угловой дом 6-го двора полностью разрушен попаданием авиабомбы



Одно крыло этого дома снесено до арки между 10-м и 12-м домами, полностью разрушена его угловая центральная часть и снесено второе крыло этого дома по улице Революции 1905 года.



Частично разрушенные дома портовиков

Встреча 16 сентября 1943 года при штурме города десантников-малоземельцев с бойцами 1-го батальона 290-го полка НКВД у домов портовиков на перекрестке ул. Мира с ул. Новороссийской республики, 6 (Парижской коммуны, 2)



Восстановление жилого фонда и новое строительство

В период обороны, оккупации и освобождения города Новороссийска в 1942-1943 годах дома портовиков были разрушены и восстановлены после освобождения с привлечением строителей из числа пленных германского Вермахта.



1950 год – восстановленные дома 6-го и 7-го дворов.



В 6-м дворе одновременно с восстановлением велось и новое строительство. Были заложены и построены три новых дома на Набережной им. адм. Серебрякова, 1, 3, 5, и заново построен угловой дом на ул. Мира, 12, ул. Революции 1905 года, 3.

1955 год – новый 6-й двор, образованный из трёх построенных после войны домов на Набережной им. адм.

Серебрякова, 1,3,5, и восстановленных домов по ул. Мира, 8,10,12



1953 год – строительство новых домов по ул. Мира

Шестой двор и ребята, жившие на его территории



Шестой двор домов портовиков после войны в пятидесятые годы прошлого века представлял собой целый квартал, образованный шестью домами.

Вид сверху современного 6-го двора со стороны ул. Мира



Современный квартал домов шестого двора сформирован:

– из двух восстановленных довоенных домов с номерами 8, 10 по ул. Мира;

– вновь построенного дома в 1950-х гг. взамен полностью разрушенного углового дома по ул. Мира, 12, и ул. Революции 1905 года, 3;

– трёх новых домов, построенных и введённых в эксплуатацию в 1950-х гг., с номерами: 1, 3, и 5, по Набережной адм. Серебрякова и ул. Революции 1905-го года;

– семиэтажного дома постройки начала 2000 гг. по улице Новороссийской республики, 2.



Дома современного 6-го двора со стороны Набережной им. адм. Серебрякова после ввода в эксплуатацию семиэтажного дома, замкнувшего двор по ул. Новороссийской республики, 2



На снимке угловой дом шестого двора, расположенный по улице Мира, 12, и улице Революции 1905 года, 3



Шестой двор и детская площадка сегодня. В прошлом здесь была спортивная площадка, голубятня и «ракушка» – летняя деревянная сцена под навесом, где летом показывали фильмы и ставились спектакли филиалом клуба портовиков

В 50-60-х годах прошлого века в разное время в домах шестого двора жили 120 ребят послевоенной поры.

В доме № 1 по Набережной им. адм. Серебрякова жили **Хашимовы Михаил и Василий, Казацкер Игорь, Борисовы Алла, Раиса, Наталья и Нина, Черномор Татьяна и Владимир, Зенякин Александр, Попов Виктор, Тюлька Александр, Щербатых Алексей и Людмила, Аколджанов Эдуард и Аркадий, Макиенко Анатолий и Александр, Заворотинский Николай, Лесото Юрий и Евгений, Лысенко Виктор, Федорец Алла и Людмила, Зятьев Евгений, Дубенко Валентина, Князев Евгений.**

В доме № 3 по Набережной им. адм. Серебрякова жили **Корячко Геннадий, Омельченко Николай, Артюхов Валерий и Татьяна, Спирины Игорь и Юрий, Бреев Юрий, Туркины Юра и Юля, Бритцовы Людмила и Лариса, Цыба Сергей, Гончаровы Олег, Виталий, Владимир, Валерий, Наталья и Людмила, Кузнецовы Сергей и Татьяна, Фофановы Наталья и Татьяна, Фуга Людмила, Канцур Александр, Михайлов Анатолий, Чертов Александр, Попова Надежда, Артюховы Валерий и Татьяна.**

В доме № 5 по Набережной им. адм. Серебрякова жили **Бойко Дмитрий, Юрий и Вика, Кугели Лёва и Лена, Круговы Владимир и Надя, Любинские Григорий и Наталья, Кривошаповы Олег, Владимир, Виктор и Александр, Цыганковы Пётр, Николай и Людмила, Жгутовы Юрий и Владимир, Пегов Александр, Фёдоров Алексей, Маслюк Александр, Черкашины Владимир и Николай.**

В доме № 8 по ул. Мира жили **Шиян Борис и Светлана, Кандалинцевы Антонина и Наталья, Пауков Анатолий, Молчанов Евгений, Синюк Николай.**

В доме № 10 по ул. Мира жили **Кобелевы Александр и Валерий, Коляда Евгений, Выставка Лилия, Борисовы Пётр и Вадим, Скоробогач Владимир, Новичихин Валентин, Козявины Владимир и Люба, Мупасериди Константин, Ткаченко Виктор, Холодовы Анатолий и Виктор.**

В доме № 12 по улице Мира и Революции 1905 года жили **Головки Илья, Владимир и Николай, Загородние Виктор и Александр, Ужаков Сергей, Чалый Николай, Елфинова Ирина, Медведевы Татьяна и Владимир, Белозёровы Юра и Ирина, Расторопины Александр и Евгений, Бурминские Алик и Анна, Соловьёва Галина, Ткаченко Владимир и Лось Людмила.**

Седьмой двор и ребята, жившие на его территории



Вид на дома седьмого двора, расположенные в виде буквы «Г», на заднем плане часть домов шестого двора в настоящее время

Двор, образованный новой конфигурацией домов, пристроенных к дому по ул. Мира, 29, по улице Новороссийской республики, 6, и ул. Губернского, 22, среди местных жителей, получил название седьмой двор – «Седьмуха» – по имени довоенного дома. Он имел три входа. Первый – через центральные ворота с юго-западной стороны от ул. Губернского, 22. Второй – с северо-

восточной стороны от ул. Мира, 29. В «доме со шпилем», пристроенном к седьмому комму-



нальному дому, имелся второй вход – через проходной подъезд с выходом во двор.

В 1954 году было завершено строительство в Новороссийске «дом со шпилем», который был пристроен с торца дома водников по улице Мира, 29

Третий был с восточной стороны от военного инфекционного госпиталя на ул. Мира, 33. Этот путь во двор проходил через пустырь с деревянным общественным туалетом, стоящим на возвышенности между тремя начала прошлого века одноэтажными домиками под черепицей. Расположенные внутри двора от ул. Губернского до ул. Мира, они отгораживали двор с четвёртой – юго-восточной стороны.



Седьмой двор со стороны ул. Новороссийской республики, 6, и Губернского, 22

Наш двор было любимым местом игр местной детворы и ребят постарше, которых в домах было более сотни, и двор звенел от их весёлых голосов.

В доме по ул. Мира, 29, жили **60** ребят.

В первом подъезде – **Татьяна Нехода, Дина и Вячеслав Бесовы, Людмила Боровая, Владислав Шиматюк, Татьяна и Леонид Лоскутовы и Владимир Воробьёв.**

Во втором подъезде **Сергей и Наталья Федоренко, Антонина Петриченко, Валерий Кожин, Павел Захаров, Олег и Наталья Кузменко, Владимир и Галина Ферманьян,**

Владимир Беланов, Люба, Тамара, Николай и Валентина Потарыкины, Светлана Волкова.

В третьем подъезде – **Михаил и Борис Пайкины, Александр Весёлкин, Евгений и Виктор Шалимовы, Анатолий и Нина Телега, Вячеслав и Владимир Котенко, Ольга Куликова, Игорь Торбеев, Владимир Розенберг, Тамара, Надежда, Виктор и Василий Гапоченко.**

В четвёртом подъезде – **Виктор Тищенко, Владимир и Юрий Богуны, Зоя, Людмила и Саша Безуглые, Леонид Пятлин, Владимир Винник, Виктор и Сергей Буравкины, Евгений Боржухала, Татьяна Ванюкова, Геннадий, Александр и Наталья Гуляй, Михаил Семёнов, Виктор и Валентина Мамай, Татьяна Соколова, Виктор и Анатолий Суровцевы.**

В первом «доме со шпилем», расположенном по ул. Губернского, 22, и ул. Новороссийской республике, 6, жили более полусотни ребят.

В первом подъезде – **Николай Корягин, Виктор Маштаков, Николай Коломийцев, Михаил Поветкин, Владимир и Сергей Джавадовы, Юрий Борзенков, Татьяна Янковская, Ирина Ковалёва, сёстры Элла и Лиля Цама, Инна и Александр Юсько.**

Во втором подъезде – **Светлана и Галина Покрышевы, Александр и Екатерина Прийма, Алла Зяблова, Нина Пищальникова, Людмила Надыкина, Владимир и Ольга Перченко, Людмила Кузенкова, Людмила и Виктор Грозовы.**

В третьем подъезде – **Виталий Потёмкин, Сергей Бурков, Людмила и Ирина Житенёвы, Виктор и Людмила Сапожниковы и Джон Иванов.**

В четвёртом подъезде – **Людмила, Раиса и Александр Локтевы, Евгений, Владимир и Людмила Трушины, Пётр и Татьяна Степанец, Виктор и Кристина Резник, Константин Антушов, Людмила, Татьяна и Александр Никитины**

В домах, ограничивающих двор с южной стороны по ул. Губернского, 24 и 26, жили – **Виктор Кипин, Геннадий Насурдинов, Сергей Монахов, Виктор Чмирь, Виктор Андриянов, Виктор и Владимир Лопаревы.**

В доме, ограничивающем двор с северо-восточной стороны по ул. Мира, 31, жили – **Сергей и Варвара Лысенко.**

**Виктор БУРАВКИН,
член Российского союза
профессиональных литераторов**

Город моей любви

ОКТАБРЬСКИЙ ПАРК

Отец был офицером Советской Армии, и мы часто переезжали из гарнизона в гарнизон. Жили постоянно на съёмных квартирах, но в Новороссийске в январе 1956 получили собственное жилье. Дом наш был, да и сейчас расположен, чуть выше Октябрьской площади. В центре, в форме пятиконечной звезды, находился памятник революционерам, погибшим от рук белогвардейцев, где указаны фамилии большевиков. В левой части парка тогда ещё сохранились развалины водонапорной башни, где сражался с немецко-фашистскими захватчиками юный защитник Новороссийска Витя Новицкий. Остатки башни убрали, и через много лет на этом месте поставлен памятник, а соседнюю улицу назвали именем пионера-героя.

Площадь имела форму прямоугольника, по краям которого росли старые акации, на ней не было никаких дорожек, зато летом вырастала высокая густая трава, в которой водилось множество стрекоз, бабочек, кузнечиков, что нас, мальчишек, чрезвычайно радовало...

Учился я в школе № 20, которая находилась рядом. Недалеко – пожарная часть, и пожарные в левой части площади сделали тренировочную полосу препятствий. Это параллельно улице Горького между Рубина и Октябрьской. На полосе были всевозможные рвы, бумы, имитация стены дома с двумя окнами, заборы. В конце дистанции стоял большой железный короб, в который во время соревнований огнеборцев наливали и поджигали солярку, пламя следовало гасить огнетушителем. Пожарные были одеты в спецодежду, поверх которой надевались куртка и брюки из плотной огнеупорной ткани. Вероятно, тяжело в такой форме преодолевать препятствия, к тому же голу прикрывала тяжёлая каска. Каждый раз это было незабываемое зрелище...



Как-то летом руководство кинотеатра «Смена» организовало на площади летний кинотеатр. Построили деревянные скамейки и прибили к дереву щит, на который вешался экран. Киномеханик приезжал на грузовой машине и устанавливал проектор. Билет на сеанс стоил 20 копеек. Понятное дело, что никаких ограждений не было, и мы, мальчишки, стояли по краям или сидели на ветвях акаций и смотрели кино бесплатно. Как-то показывали «Человека-амфибию», и мы всю неделю бегали смотреть его. К великому нашему огорчению демонстрация фильмов внезапно прекратилась. Говорили, что это оказалось экономически невыгодно.

Потом пустырь начали благоустраивать: сделали разметку для дорожек, по краям вырыли рвы для посадки кустарника. Грунт был глинисто-каменистым, непригодным для посадок, и решили засыпать рвы чернозёмом. Вместе с привезенной землей попал снаряд от немецкого миномета, на котором подорвался мой друг.

В начале 1960-х годов рядом стали строить пятиэтажные дома, так называемые хрущёвки.

Во время рытья котлована экскаваторщик раскопал склеп, в котором находилась мумия женщины в светлой одежде. Хорошо помню длинные черные волосы и сохранившиеся участки кожи коричневого цвета на лице и руках. Об этом я написал в своём очерке «Хотите – верьте, хотите – нет!»



Каштаны, липы, ели, акации разрослись. Площадь переименовали в Октябрьский парк. Добавились памятники «Узникам репрессий» и «Детям войны». Для нас это лучший парк в городе – его называют «лёгкие Центрального района». Школьники

приходят сюда для занятий физкультурой, а детские школьные лагеря устраивают дневные занятия.

Вячеслав ВОЛКОВ

ГОРОД, ГДЕ СБЫВАЮТСЯ МЕЧТЫ

Я влюблена в Новороссийск, в его набережную, в тихий шепот прибоя, в скверик на улице Советов и даже в серую над Маркотхом бороду.

С городом я познакомилась в июле 1976 года.

После ухоженного и сибаритствующего курортного Сочи Новороссийск показался мне маленькой затрапезной провинцией. Однако душу грело, что родительский дом находился в станице рядом со Славянском-на-Кубани, и из Новороссийска ходил ежедневно прямой автобус. Я могла каждые выходные бывать дома.

Мне довелось жить в доме № 9 на улице Героев-десантников. В конце 70-х я устроилась работать на цемзавод «Пролетарий» и мне, молодой девчонке, дали комнату в общежитии. Всё вызывало мое восхищение – море рядом, несколько минут ходьбы, транспорт ходил исправно, под носом магазин «Новороссийск», в котором можно купить всё – от носков с трусами до шубы, да и продуктовый находился в соседнем доме. Красота! Жить в 3-м микрорайоне в те времена было престижно.

Улица Героев-десантников начиналась от легендарной Малой земли, где еще с войны оставались заросшие бурьяном окопы. Народ через них протоптал тропинки, по которым все, я не исключение, напрямую бегали к морю. Там, где сейчас мемориал и нос корабля, мы купались, загорали и играли в волейбол.

1978 год. В общежитии на ул. Героев-десантников. Читаю стихи на празднике 9-го мая



В конце мая вся пустошь от стелы до моря вспыхивала алым огнем цветения маков. Изобилие цветов поражало. В течение месяца маки радовали взор горожан и не очень многочисленных гостей города.

Люди фотографировались в этом, поистине втором, море цветения, собирали букеты, плели венки, но из года в год, как казалось, маков становилось больше и больше. Я думаю, старожилы хорошо это помнят.

Сейчас трудно поверить в то, что в конце семидесятых годов улица Героев-десантников была последней в 3-м микрорайоне – край географии всего города. С правой стороны улицы стояли пятиэтажные дома, с левой – пустошь и пруды, где рыбаки в камышах сидели с удочками и, представьте, ловили рыбу. А местная детвора в воду пускала бумажные кораблики. Сразу за прудами, где в настоящее время стоят небоскрёбы 10-го, 15-го, 16-го микрорайонов, где сейчас улица Хворостянского и выше, были разбиты виноградники. Куда ни кинь взор, стройными рядами ажурная лоза, радующая глаз малахитом, до самого Мысхако.

Гаджетов и компьютеров не было, телевизор в квартире – уже роскошь, поэтому в свободное время и в выходные мы много гуляли, прокладывая маршруты от лагуны до виноградников. Так изучили ближайшие виноградные карты – знали, где винный виноград растёт, а где столовый. И... конечно же, мы с друзьями воровали виноград. Для этой цели специально была шита сумка из старого болоньевого плаща.



Странно, что нас никто никогда не останавливал. Может, сторож уже спал, а может, его вообще не было. Виноградник был огорожен колючей проволокой, но мы прекрасно знали лазейки и свободно проникали на нужную карту. Нравился ранний сорт винограда «Кардинал». Крупный, синего цвета, сладкий. Правда, брали столько, сколько съедим и, как я думаю, большого вреда государству не нанесли, хотя, порой, и сегодня ощущаю лёгкий стыд...

*1980 год. У Дома культуры
«Украина». Поход в кино*

На «Пролетарии» я встретила свою судьбу. Замечательного, надежного и любящего человека, с которым живем долгую и счастливую жизнь, и, надеюсь, у нас впереди еще много радостных лет. Построили дом, посадили много деревьев и вырастили двоих детей, помогаем растить четырех очаровательных внуков.

Новороссийск стал для меня второй малой родиной. На моих глазах он рос, хорошел, набирался сил, поднимался в небо, и, как ребенок, радовал своими новаторствами. На улицах и скверах этого города бродит мое прошлое и будоражит меня воспоминаниями. Я выросла корнями в этот город, стала его частицей. Теперь я точно знаю, что Новороссийск – город, где сбываются мечты!

Алевтина КОНОВАЛОВА

Страницы жизни

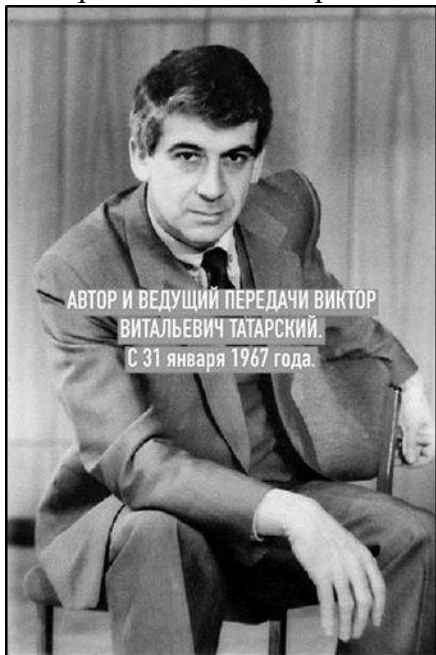
ПОД «ТАТАРСКИМ ИГОМ»

С раннего детства в нашем доме всегда работало радио. Вначале это была чёрная «тарелка» времён Отечественной войны, затем радиоприёмник времён 50-х годов прошлого века. Вещало оно передачи на все в те времена вкусы: от утренней зарядки и «Пионерской зорьки» до симфонических произведений и патриотических опер – таких как «Князь Игорь». Хотя в столь юном возрасте далеко не всё было понятно, а значит и интересно, но на уровне подкорки это откладывалось в голове подрастающего поколения. Одним словом, озвучка нашего досуга продолжалась с 6-00 до 24-00. При отсутствии в доме телевизора радиоточка оставалась основным источником информации и культурного обогащения.

По окончании мною в 1963 году средней школы наша семья перебралась из российской глубинки в южные края к теплому Черному морю, где я определился на обучение в новом индустриальном техникуме, а затем начал трудовую деятельность. Но и здесь при появлении уже иных предметов досуга радиоточка всегда оставалась главным информационным окном.

Появление в 1967 году нового музыкального формата в виде душевной беседы со слушателями ведущего В.В. Татарского не могло остаться незамеченным. «Встреча с песней» вызывала поток писем, в которых люди делились самым сокровенным из своей личной жизни и роли музыки в ней. Празднование Дней победы в Великой Отечественной войне по-

рождало в стране патриотические устремления в музыкальной жизни, всплеск воспоминаний фронтовиков о значимых событиях, происходивших в их жизни в военное лихолетье. Песни о прошедшей войне, героизме советского народа проходили красной нитью в творчестве Виктора Витальевича при подготовке его передачи.



Моя мама, будучи фронтовичкой, очень трепетно относилась к теме войны, военным песням, и мы с нею с нетерпением ждали того дня, когда выходила в эфир эта передача. Мама просила меня написать Татарскому о ней, её фронтовом прошлом, что я и сделал. Но просьбу нашу не услышали, может, потому, что она просила исполнить песню не о войне, а о маме – «Помнишь, мама моя...» Николая Доризо на музыку Никиты Богословского в задуманном исполнении Владимира Трошина.

...Пришла пора влюбляться, обзаводиться семьёй, в общем, устраивать личную жизнь. Встречи с любимой девушкой стали проходить в том числе и под передачу «Встреча с песней». Букетно-конфетный период перетёк в семейную жизнь, появились дети и, к нашей радости, тоже приобщились к посиделкам с «Татарским». Уже они напоминают: «Ты не забыл? В эту субботу «Встреча с песней». Подходит время передачи, мы садимся за стол, пьём чай и слушаем незабываемый голос ведущего, а я рассказываю

им о фронтовых буднях дедушки и бабушки.

Татарский вёл в разное время и другие передачи. В частности, на телевидении литературно-музыкальные рассказы-миниатюры о шедеврах художников, чьи полотна размещены Третьяковской галерее.

Давно я на пенсии, но каждый день спешу к 21 часу завершить дела, чтобы окунуться в далекие времена моей молодости. Так далёкая Москва много лет объединяла мою семью, наполняла теплотой, доверием и любовью к русской и советской музыке, к нашим удивительным душевным и чистым песням.

**Владимир ЧЕРНЫШЕВ,
объединение «Истоки»**

Новороссийск – Европа «барахолка» – Новороссийск

БУДЬ СТОЙКОЙ, ДЕВОЧКА, Или КРУИЗ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ

Порой странно слышать, что, вот, в СССР мы жили! Может, это говорят те, у кого оказались ключи от моей квартиры, кто отоваривался с доставкой на дом спецнаборами, кто принадлежал к той прослойке, которая именовалась блат? Хочется верить, что с кончиной М.С. Горбачева в страну более никогда не заглянет эпоха, к которой прилепилось это имя – перестройка. И вспоминать трудно, и не хочется. Вспоминать облавы на улицах, в банях, в кинотеатрах при Андропове, которые старики сравнивали с периодом немецкой оккупации, вспоминать приказы о разрушении теплиц с помидорами в частных домах, люди якобы не должны богатеть от спекуляций. Но именно спекуляция набирала жир и процветала. Вместо товаров неслось из всех «утюгов» словоблудие, под которое даже в известном новороссий-

цам 37-м продовольственном магазине на полках красовались лавровый лист и хмели-сунели из Грузии.

Материализм, который раньше существовал больше в виде пропаганды взгляда на мир коммунистической партии, теперь прочно занял господствующее положение в виде джинсов, кроссовок, импортных вещей. Все отечественное подверглось остракизму. Появились группы людей, среди которых приличным считалось говорить по-английски, одеваться во все импортное и слушать только заграничную музыку... Эта свора начала прививать нам рыночные отношения вместо дружбы и взаимопомощи, а те, кто жил от зарплаты до зарплаты, думали о том, что же они поставят перед детьми на стол.

Предполагалось, что профсоюзы – школа коммунизма. Но то немногое, что поступало на предприятия, оказывалось на рынке или у знакомых этих деятелей в кооперативных лавочках по совершенно другой цене. Появились талоны на основные продукты питания. Мне, жительнице Мефодиевки, дали талоны на отоварку в Цемдолине. Прямого транспортного сообщения между этими районами не было, а городским транспортом, да по жаре, купить те килограммы сахара на семью оказалось сущим мучением. До сих пор не пойму: это была обычная твердолобость адмработников или уже саботаж.

А наверху... сработала мина замедленного действия, заложенная в Конституции 1922 года товарищем Троцким. И Советского Союза не стало.

А нам надо было жить. А реалии были таковы: безработица, задержка зарплат на несколько месяцев, цены не просто повышались, они летели вверх с космической скоростью. Сбережения сказали прощай! Как противовес безбожной коммерции выросли поганками ОПГ, те и другие искали поддержки у администраторов... Понеслись лихие 90-е.

Новости приходили плохие, например, вооруженный конфликт в Приднестровье. Все началось по известной уже (но еще неизведанной тогда!) схеме: государственный язык – молдавский, кто не согласен – «чемодан, вокзал, Россия». Не согласился Тирасполь. Понеслось. Убийства, стачки, бездействие Горбачева. Но до нас эти события доходили мало, все были заняты просто выживанием, причем официальная пропаганда не могла предложить ничего, кроме лозунгов о благодарности руководству партии...

А люди крутились как могли... Вот тогда и возникло понятие «челнок». Ездили за ширпотребом кто в Турцию, кто в Польшу, кто в Румынию, кто в Китай. После того как руководство конторы, в которой довелось работать в 1992 году, сообщило об увольнении более четырехсот сотрудников, о баулах и торговле очень предметно пришлось подумать и мне. Послушала советы уже побывавших в поездках и стала собирать и свои клетчатые «сумки оккупанта». Понашила из ситца рубашек, собрала по соседям вещи из натуральных тканей. Получилось что-то около пятнадцати мест. Тащить все это на тощей спине – нереально, но помогла маленькая тележка на колесах и передвижение перебежками: надо перетаскивать на себе только часть груза, прочее оставлять кучей в пределах видимости, и так несколько раз.

Что-то длинное предисловие... Но уже сейчас не все верят, что люди, в одночасье оказавшиеся без средств к существованию, часто просто голодали. А у многих на руках старики, дети...

Короче, пришлось загрузить свои сумки с барахлом в багажный отсек «Икаруса» (кто помнит, что это такое?), сжать волю в кулак, гордыню отправить на помойку и отправиться в путь. Выехали рано. Очень скоро по салону потекли запахи свежей выпечки, чеснока с сала, подвешенного на крючках к багажной полке, кофе из термосов. Усмехнулась: набрали воз



провизии, которую уничтожат в самом скором времени, а потом будут пялиться на мой самодельный сыр и подсушенный в духовке хлеб – опыт командировок.

Автобус должен проходить через Таганрог, Мариуполь (совсем недавно переставший быть Ждановом), Донецк. Несколько лет моей жизни прошли в этих местах, не только улицы, но и перелески, по которым пришлось побегать с маленькой рацией в ходе тренировок «охоты на лис» (был такой вид спорта), несли в себе воспоминания. Но Таганрог промчались еще до рассвета, а остановились у Лакедемоновки за Миусским лиманом, теперь здесь расположился со стороны Украины КПП – вагончик, контейнер и туалет скворечником с вырезанным сердечком на дверке. Здесь уплатили первый оброк (общак собрали заранее). Наличными парню с оружием. Сопровождающий утешал: это еще ничего, дальше дороже будет.

Донецк, Днепропетровск, Кривой Рог, Николаев... Никогда мы не считали их заграницей. В Николаеве попросила в магазине пару тюбиков крема для рук за рубли. Хохлушка (не украинка) ответила, что за рубли нычого нэ має. И гордо подбоченилась. Одессу обошли по объездной. Вскоре выяснилось, что КПП у Кучургана (Украина – Молдавия) транспорт из РФ не пропускает. Май 1992 года, вооруженный конфликт в Приднестровье уже горит, стычки со стрельбой здесь и там. Возвращаться? Куратор группы и оба водителя, оба Алики, сидели у обочины приунывшие. Я же в силу финансовых личных ограничений позволить себе такой роскоши не могла. Подошла к ним, немного рассказала о своем опыте автостопщика, предложила решение. Попытка не пытка, – решили дружно и после завтрака повернули на север, на Розалевку.

Очередной поселок, аккуратные беленые домики, не такие горделивые и просторные как в центре Украины, но вполне себе, возделанные поля. Спрашиваем прохожего, где здесь Молдавия, отвечает – еще метров триста вперед и налево. В следующем поселке задаем тот же вопрос. Молдавия? – удивляется тетя с козой. – Да вот Молдавия! Вертинского что ли спеть «В степи молдаванской»...

Информации о Приднестровском конфликте в России было явно недостаточно, сами еще переживали распад Союза и «парад суверенитетов». Ничего не знали мы о событиях в Дубоссарах, когда женщины с вилами в руках разворачивали молдавскую полицию. Здесь на автотрассе был расстрелян автобус Дубоссары – Кишинев, молдаване решили, что в нем едут казаки... Была расстреляна машина начальника ГОВД, МВД вступил в бой с полком 14-й Армии, и понеслось. Тела убитых ополченцев со следами пыток, не просто угрозы уничтожения семей, тела изнасилованных детей вынесли на улицу Старо-Дубоссарскую, штурмовые подразделения Молдовы перешли в наступление по льду водохранилища, но били смывы спущенной водой Дубоссарской ГЭС, обстрелы из «Градов». В силу военной обстановки был поврежден мост через Днестр. Это все весна 1992. В конце мая Президент Молдовы Мирча Снегур объявит, что Россия и Молдова находятся в состоянии войны. И вот в начале мая волей судеб автобус с российскими номерами оказался в Дубоссарах. Конечно, нас и близко не пустили... Остановка. Молдавские ополченцы проверяют транспорт. Выхожу покурить. Человек в джинсе наставляет мне в грудь «калаш». Смотрю в глаза: нажмет на курок. Жестом показывает: сигареты давай. Отдаю последнюю пачку. Потом он получает что-то в кулак от нашего куратора и дает отмашку «проезжай» без осмотра. Курить не хочется до самого Кишинева.

Остановились где-то у парка, недалеко Триумфальная арка с часами и красивый собор с колоннами. Где-то покупаю сигареты «Флуераш» и усаживаюсь подымить на скамеечку.

– Русская?

Хочу уйти прочь, но у человека полковничьи погоны. А формы такой я не видела.

– Русская. Мы мирные. Водки нет, все на КПП забрали.

Он усмехается, закуривает.

– Сиди, сиди. Всех Горбачев сдал. И нас, и вас...

К переходу Леушены подъехали в темноте, встали в конец длинной очереди.

– Подъехали удачно, – сообщил куратор, – всего где-то на сутки задержимся. Туалет один на КПП, вид его счастья не принесет, но он есть, потому как до этого в чистом поле кусты искали...

К веренице машин подходили жители окрестных поселков, предлагали вино, хлеб. Попробовала вино – разбавленное. Недалеко селение Фетяска.

– И вино «Фетяска» там есть? – Спросила.

– И девочки тоже, – был ответ.

С попутчицей взяли по сумке и направились по указанной дороге. Где-то через километр из-за виноградников показались белые мазанки. За рубли по вполне приемлемой стоимости у сухой старушки я купила пару бутылей темной неразбавленной «Фетяски» и кружляк домашнего сыра из коровьего молока, успокоилась, надолго хватит. А хлеб с запасом купили в лавочке втрое дешевле, чем у прилипчивых ребят-«бизнесменов».

...Поездок в Румынию было несколько. Среди торговых дел удалось увидеть и зимнюю Трансильванию, и горные маленькие храмы, и голубой Дунай, и Тису, и Бистрицу.

А пока в маленьких городках на базарчиках следовало избавиться и от содержимого пятнадцати сумок, и прикупить что-то себе. Тон задавали махровые завсегдатайки наших рынков, знавшие что почем, но не спешившие делиться с попутчиками. Пришлось учиться на ходу. Были и вовсе непредвиденные ситуации. Однажды старик острым подточенным ногтем разрезал целлофановый пакет с шоколадом и украл несколько плиток. Как-то в Яссах у меня предложили купить насос для воды за бесценок, я отказала. Одна из «махровых» тетечек прошипела на ухо: теперь украдут. И верно, украли. Деньги взяли людей за горло железной хваткой, они диктовали: прав тот, кто сильнее, хорош тот, у кого доллары.

Небольшие городки Румынии мало чем отличаются друг от друга: набор домиков новых и постарше, церковь, набережная речки, рынок... Старый домик чаще всего мазанка, две крайние комнаты соединены между собой верандой, а то и просто навесом, ступени к которому переходят в террасу перед строением. Климат теплый, так бережно относиться к теплу как в России не требуется. Часты во дворах дощатые хранилища, заполненные кукурузными початками. Но цветов рядом с домами мало. Симпатичная все же земля Румыния, но невооруженным глазом видно, что бедных здесь количество преизрядное. Потому и покупают у нас по цене «лишь бы взяли» и ношенные вещи, и ненужную посуду, и инструмент, и прочее. У старушки всего 13 лей и 20 баней, показывает кошелек – больше нет, но отдаю ей хорошую вязаную шапку, пусть носит зимой.

«Махровые» покупают к вечеру то, что они успешно продадут, у меня другая забота: блузу себе, кофточку и юбку дочке, шерстяной свитер, куртку, ботинки, – все, что понадобится уже завтра, чтобы быть не хуже других. Мелочи себе и подружкам: колготки с рисунком, подделку «Шанель», помаду, белье, красивые пакеты...

Сумки, сумки, сумки, все на тощей женской спине... Рынки, рыночки, торговые места... Товары, покупки, продажи... У кого-то украли мешочек с выручкой прямо из кармана. И жаловаться некому. Но сумок все меньше, в одну из них уже складываю покупки и свернутые мешки с нашитыми ручками. Скоро конец длинной торговой дистанции. А финиш – в Констанце.

Уже купила что надо для семьи, а потому, пока остальные тратят последние леи на свои дела, решаю все же посмотреть, что есть Констанца. Запоминаю место, где стоит автобус. Вижу характерные купола церкви. Византийский стиль, стены из желтовато-розового и белого кирпича полосами, – может, греческая, может, румынская, но православная, и мне, грешнице, зайти туда можно. После яркого солнца на улице помещение кажется несколько темным, но краски росписей зовут поднять глаза вверх. В апсиде над иконостасом видится изображение Девы Марии с Младенцем на коленях, я успокаиваюсь, но дальше от двери не иду. Недалеко от паперти археологическая площадка, законсервированный раскоп древних строений уступами спускается к морю. С высокого берега видно далеко. А море все то же, что и в Новороссийске – Черное. Кажется, тот же ветерок, но ровно на противоположном берегу нашего моря. И до Новороссийска еще ехать и ехать. И сознаю, как же все-таки устала.

А пока рассматриваю площадку. Дома явно небольшие. И где-то здесь Публий Овидий Назон со скорбными элегиями оканчивал свои дни. Современник Христа. Томы или Томис после Рима произвел на поэта гнетущее впечатление. И его настроение сходно с моим, руины многое желали привнести в свою жизнь от Рима, но это уже вторично.

Черноморский ветерок словно теплой рукой взъерошил волосы, словно ответил кто: «У всех бывают неприятности, но ты не жалуйся. Никогда. Будь стойкой, девочка».

Наши «махровые» в ознаменование окончания торговых дел решили наконец-то поехать в каком-то ресторанчике. Теперь сидели на лавке скорбные и унылые: всех денег едва хватило заплатить за обед. В автобусе я обнаружила, что кто-то скоммуниздил мой пакет с остатками сыра и хлеба. Что ж... благо, я по пути еще две сайки на последние леи купила, до Кишинева хватит.

Теперь видно, как устали все, вымотались, откинулись на спинки кресел, спят. А автобус крутит колесами мимо зарослей камыша у русла Дуная под Браиловом, на минуту показывается и сам красавец, и вновь поля, залитые солнцем, цветущие сады. Где-то недалеко земли господаря Молдавского княжества, светлейшего князя России и Священной Римской империи, российского сенатора Димитрия Константиновича Кантемира, приведшего под Рукку Петра Великого своих подданных... Спят в автобусе.

Украина. Рассматриваю в окно поселки. Дома без слова архитектура, но выстроены прочно из кирпичей на 5-9 комнат... Цветут сады, теплый ветер заносит их аромат в приоткрытое стекло. И вспоминается русская деревня, деревянные дома, построенные большей частью при царе-батюшке и оттого уже приходящие в ветхость, пришедшие в ветхость люди, старики, доживающий свой век, а молодых нет. Резные наличники, затейливые крылечки, удобство и уют удивительного изобретения под названием русская изба... И стоят пустые дома, и падают беспризорные сначала словно на колени по окнам, а потом и намертво плашмя. Почему так? На многие вопросы придется самой искать ответ, никто не поможет, политикой, маму ее, заняты. А может не политикой, а простым созиданием полезнее заняться? А то вот даже за обыкновенными ботинками пришлось за море ехать.

Обратно возвращаемся через Крым, я еще пытаюсь распознать остатки оборонительных валов Перекопа, рассматриваю пенные белые брови на свинцовых волнах сурового Сиваша... Остальные спят. Может, оттого и живем так, что спим где не надо? А потом тащим тяжести, ругаем всех и вся, так и не разглядев, не осмыслив того, что рядом? Может, иначе было бы? Но я им этого не скажу. Потому что не желают выслушать. Буду молчать до самого Новороссийска. Но, может, и я неправа?

Последний акт милосердия – водители не едут сразу в контору, а высаживают каждого на ближайшей остановке. А от остановки я уже все свое дотащу. А дома, где меня не очень ждут, буду потом прятать свои опухшие, отекающие ноги под широкими брюками.

У всех бывают неприятности, но ты не жалуйся. Никогда. Будь стойкой, девочка!

Лариса ДОВГАЯ,
член Ассоциации писателей Санкт-Петербурга

Город чувств

ЧЕРНОМОРСКАЯ ЛЮБОВЬ

Или нужно было назвать это письменное воспоминание «Первая любовь». А точнее, влюбленность. Но любовь как-то солиднее.

Но сначала напишу о нулевой любви. Она случилась у меня в детском саду. Детский сад располагался в районе, который назывался «Стандарт». Там, кстати говоря, у меня слу-

чилась историческая встреча (первая и последняя) с новороссийским трамваем. Сейчас мало кто знает, что по Новороссийску ходил трамвай – от Мефодиевки и до цемзавода «Октябрь». С ним-то мы и познакомились шестьдесят пять лет назад. Мама вела меня в детсад, вдруг что-то большое и гремящее проехало мимо нас. «Что это?» – спросил я, спрятавшись за маму. Мама ответила: «Трамвай». Но не в трамвай я влюбился по уши, а в девочку Машу. Она была очень красивая, что собственно и вызвало моё тихое чувство восхищения. Мне казалось, что это чувство – навсегда. Но однажды у Маши выпал передний зуб, она стала некрасивой, и моё чувство безвозвратно пропало. И я не влюблялся долгие десять лет.

Помимо беззубой Маши в тот детсадовский период моей жизни запомнились разговоры с дворничихой. Мама забирала меня поздно, часто последним, и вот мы ходим с бабушкой по двору, смотрим на звёздочки и разговариваем о том о сём. К слову сказать, не только моя мама, за детьми надолго запаздывали и другие родители. Советским людям за переработку платить не полагалось, поэтому начальство под разными предлогами оставляло работников сверхурочно.

Черноморскую любовь звали Люба. Она подошла ко мне сама. Я был застенчивым юношей и к отношениям с девушками был не готов. А Люба была готова на многое. Учителя отобрали нас в команду КВН от школы № 5. Люба училась в 10-м классе, я в 9-м, но поскольку моя мама, увлечённая строительством коммунизма, отдала меня в школу не в семь, а в восемь лет, разницы в возрасте между мною и девушкой Любой не было. Больше того, я был старше на целых три дня.

Игра КВН проходили в центре города в огромном Дворце Пионеров. Отыграли успешно, пошутили, посмеялись и стали жить и учиться дальше. Люба опять проявила инициативу, подошла ко мне на перемене и говорит: «Ты заметил, что снег выпал? А завтра он может растаять. Выходи на горку, на санках покатаемся». Пошёл я вечером на горку, это там, где здание техникума, покатались на санках. Потом я отвёл Любу к её подъезду и попрощался. Уходил быстрым шагом. То, что девушку можно и нужно было поцеловать на прощанье, я не знал. Но мы стали встречаться, ходили в кино гуляли по набережным. Однажды поднимались по улице Энгельса к Ленинскому парку и слышали какое-то грохотание. Люба сказала: «В клубе «Строитель» танцы. Зайдём?» «Нет! – уверенно ответил я. – Это клуб для хулиганов. Порядочным школьникам там делать нечего».

Во время прогулок нужно было о чём разговаривать. Я было попытался читать Любе стихи собственного изготовления, но Люба это дело быстро пресекла. Сказала, что начинающих поэтов выдают банальные рифмы. Декламации были прекращены. Антон Рубинштейн говорил, что творцу нужна похвала, только похвала и ещё раз похвала. А раз её нет...

Говорили о родителях. Я рассказывал Любе, как моя мама строит коммунизм, она коротко поведала о своих родителях. Маму у Любы звали Владилена. Владилена (Владимир Ленин) – это, считай, повезло. Могли назвать Даздраперма (Да здравствует Первое мая) или Лагшмивара (Лагерь Шмидта в Арктике). А ещё было интересное имя – Персодрестава (Первая советская дрейфующая станция Восток-1). От энтузиастов двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия можно было ожидать всё что угодно. Владилена Михайловна работала в экскурсионном бюро. Экскурсии тогда предлагались только в пределах Советского Союза. Начальник Владилены Михайловны часто спрашивал её: «Ну-ка, подскажи мне название города, который я не выговариваю. «Сык-тыв-кар», – по слогам проговаривала Любина мама. Начальник не был хорошо знаком с географией, но был хорошо знаком с кем-то из горкома. Поэтому и выбился в начальники.

Отец Любы – Александр Иванович – трудился на судоремонтном заводе, трудовую дисциплину не нарушал, выпивал редко, и, уж конечно, не за столбом, а дома за столом. Интересно другое, едва выпивал буквально полстакана недорогого винца, начинал он мерно раскачиваться на стуле и повторять: «И выпил спирт неразведённый у разведённого моста... И выпил спирт неразведённый у разведённого моста...» И так много раз до следующего приятия. Супруга сердобольная Владилена Михайловна беспокоилась: «Саша, ну что ты заладил! И где у нас эти мосты разведённые, только тётки-разведёнки».

Действительно, в нашем небольшом приморском городе не было разводных мостов, были одни мосточки и промышленные виадуки. Ну что до этого! Александр Иванович ответил: «Не понимаешь ты, женщина... это любовь... это несчастная любовь и рана душевная – она уходит, мост разводят, а он...» И слёзы появлялись на глазах мастера судоремонтного завода и голос его дрожал. Примерно так рассказывала мне Люба.

Конечно, скучно было девочке со мной, но мы как-то продержались до наступления тепла. Наши прогулки по набережным города стали дольше. Когда шли в кинотеатр «Нептун», смотрели, как снуют-рыскают по бухте прожектора. Один располагался на Шехарисе, другой – в районе Косы. Что-то они искали в вечерней бухте. Временами луч утыкался в точку на морской глади, а потом вновь продолжал беспорядочно высвечивать всё подряд. Два прожектора всю ночь пытались найти хотя бы одного нарушителя... Конечно, толку от них, с точки зрения трезвого прагматика, не было. Но эти два луча были украшением Цемесской бухты. Вероятно, теперь наша бухта вспоминает о них так, как женщина вспоминает о потерянных лучистых серёжках.

Однажды я додумался прокатить девушку на катере. Билет стоил три копейки, вполне по средствам. Маршрут – «Город-Порт». Остановка «город» была рядом с Площадью Героев. Мы прошли на катер и стали ждать отплытия, колыхаясь на волнах. Наконец команда «отдать швартовый», матрос отвязал канат и лихо забросил его на корму. Катер, гремя мотором, отчаливал и – волны, брызги, чайки, портовые краны города-труженика, а минут через семь катер причаливал к улице Портовой. Там мы гуляли у дома культуры моряков, глазели на памятник Коминтерну с таким нетипичным, не исполинским Ильичём – от силы ну метр двадцать ростом. Вместе с кепкой. За Лениным – сталинский ампир. Погуляли, поглазели и – в обратный путь, к Площади Героев. Путешествие – туда-обратно – всего-то час, но сколько счастья! А ещё катером можно было проехать на Косу. Даже в Кабардинку. Когда при капитализме стали считать деньги, катерные перевозки оказались нерентабельны.

А потом Люба, окончив десятый класс, уехала в Ленинград и поступила в институт. Через год и я, окончив десятый класс, поехал в Ленинград и тоже поступил в институт.

Не тот, в котором училась Люба, а совсем, совсем другой. Однажды мы встретились на вокзале, вспомнили былое. Люба спросила, почему в кино мы всегда сидели в седьмом ряду? Я сказал, что седьмой – счастливый ряд. Люба объяснила, что счастливый – последний ряд, потому что там можно целоваться. Я тоже расстроил Любу. И опять стихами. Я прочёл ей полностью стихотворение, из которого его отец знал только последние строки. Стихотворение из репертуара синеглазиков, полный текст я узнал совершенно случайно:

Попу три литра спирта дали,
Чтоб он иконы промывал,
А рано утром все узнали,
Что в реку батюшка упал.

В округе подняли тревогу,
К реке сбежались стар и млад,
Багром попа поймав за ногу,
Спас батюшку кузнец Игнат.

Прознав про всё, на суд и порку
Попа призвал архимандрит,
Распёк его он на все корки,
В конце сказав: «Твою едрит!..»

И молвил батюшка спасённый:
«Прости меня, ради Христа!

Я выпил спирт неразведённый
У разведенного моста!»

И вся любовь...

Андрей МУРАЙ,
член Российского союза писателей,
зам. редактора журнала «Вокруг смеха»

Вместо рубрики: Валера Волков пришел на презентацию «Истоков» № 6 и не скрывал, что приятно поражен такому изданию в городе, считает его необходимым и отметил главное – теплоту и человечность альманаха. А через некоторое время прислал и свой материал. Меньше чем через месяц Новороссийск прощался с журналистом Валерием Волковым. Мы не стали вносить редакторские правки, не успев уточнить с ним некоторые нюансы...

КЕКСИК

В купе скорого поезда Новороссийск–Ленинград было душно и тесно. Картонные ящики с помидорами и фруктами мы уже рассовали в рундуки и теперь сидели в ожидании отправления. Появились и соседи. Супруги попутчики громко и по-деловому переругивались. Очевидно было, что тон во всем задает «слабый пол». Впрочем, о таких в народе говорят определеннее: «Не баба, а конь с яйцами».

Крупная женщина с загорелым лицом хорошо поставленным голосом налево и направо отдавала распоряжения:

– Ну-ка мальчики, поставьте вот этот ящик в нишу. А коробки с виноградом и жерделями будут под нижней полкой, да поосторожнее – не дрова грузите! А ты, Митинька, сразу переоденься, повесь костюм на вешалку, а то изгваздаешься весь как гопник... Да, не забыть бы вынуть плащи, в Питере-то уже, наверное, холодно...

Митинька, оформившийся к пятому десятку в убежденного алконавта организм, видно было по всему, давно уже жил какой-то двойной жизнью. С одной стороны, как законопослушный семьянин, он беспрекословно выполнял приказы жены. Но было заметно и то, что выполнял их настолько формально, что между супругами постоянно возникал риторический вопрос: так кто



же больше дурак? Собственно, вопрос этот как бы и не успевал даже возникнуть, разрешаясь еще в зародыше. Жена была всегда начеку и поэтому допускала паузу между приказом и по-

следующим инструктажем по его выполнению ровно такую, что не позволяла мужу довести начатое до очевидной глупости:

– Ты что, мудило, плащи прешь из чемодана, неужто уже в Питер приехали? – пресекала бдительная супруга попытку Митиньки расстегнуть ремни на огромном фибровом чемодане. – Да не вздумай прямо тута переодеваться, думаешь, людям интересно на твою задницу смотреть... Тварь, ведь целый месяц отпуску не могла заставить в баню сходить, одно только на уме – нажраться...

Вот тут к месту можно поведать о второй, основной стороне жизни Митиньки. Лицо соотечественника, достигшего сизой зрелости в эпоху повального увлечения портвейнами и «Солнцедаром», не выражало ничего, кроме одной думы. О чем-то проблематично-главном и самом существенном.

– Надюша, да что ты все про проблемы... домой ведь едем из этого пекла, – потирая ладони, присел к столику супруг и, кивнув на нас, уже не терпящим возражений тоном добавил, – ладно разговоры говорить, накрывай – хоть с людьми познакомимся... ехать то двое суток!

Но многоопытная Надюша, пропустив мимо ушей преамбулу, легко извлекла суть из поступившего предложения:

– Подожди, не околеешь без стакана. Вот тронемся, проводница начнет чай носить – тогда и ужинать будем. Так что вали-вали из-за стола. И не мылься на сумку – бритым не будешь...

– Та я-то что, – без тени обиды парировал супруг и, кивнув опять на нас, деловито заметил, – перед людьми неудобно. Может, они давно хочут покушать... вот я щас пойду и посмотрю, может там и кипятку не предвидится.

С этими словами, схватив пачку «Примы» со столика, он озабочено вышел в коридор.

За окном уже замелькали фонари первого тоннеля, и в покачивающемся под стук колес вагоне, окончательно утвердилось дорожная жизнь: захлопали двери туалетов, а из тамбура потянуло табачно-пивным смрадом. Перешелестев бесчисленные пакеты, оклунки и сумки, угомонились большие, но проворные руки хозяйки, усевшейся напротив в просторном цветастом халате. Теперь она собралась расчесываться. Изо рта торчало несколько заколок, а на столике появился полиэтиленовый пакет с зеркальцем, гребнями и всякой такой мелочью.

Неужели, подумалось мне, это женоподобное существо с комендантским голосом еще как-то ухитрится ощущать себя женщиной? И ведь таких очень много, особенно на нашей благословенной Кубани. Они преобладают на рынках и в продуктовых магазинах, их воловья мощь используется при ремонте железнодорожных путей и на строительных работах, в любой кухонной преисподней общепита. А в станице, например, такую гром-бабу встретишь при каждой хате, где она как бурлак тянет все многоотраслевое домашнее хозяйство.

И что любопытно, ведь при каждой есть мужик! Эдакий символический хозяин, которого, по сути, держит баба: кормит, обстирывает, одевает, ухаживает в болезни. Что же их связывает? Хозяйство, общие дети, а, может быть, в молодости наладились, да так и остались особые интимные отношения? Спят то все время вместе... Но как я не силился, представить себе эти отношения никак не мог. Не получалось. В воображении всплывали лишь картины из прошлогодней экскурсии на Пятигорский конезавод, да сцены из жизни животных.

Вот взять того же Митиньку. Да какой он муж? Трудно даже найти определение, под которое подходили бы выполняемые им функции. Ближе всего великовозрастный балбес при властной мамаше, подкаблучник себе на уме или просто домашнее животное. Впрочем, любое определение все равно будет неполным. Должен же быть какой-то мотив, объясняющий такие взаимоотношения между полами. Ясно одно: никакой практической пользы от содержания мужа эта женщина иметь не могла. Если внимательно отследить все намерения и телодвижения Митиньки за то время, пока он находился в купе, то результат получается однозначным: за вычетом бестолковой суеты – только живая помеха да ожидание потенциального вреда.

– Скоро будут чай носить, – радостно сообщила, просунувшись в дверной проем, взлохмаченная голова с глазами, неестественный блеск которых объяснял столь долгое отсутствие хозяина, вышедшего в тамбур покурить.

– Вижу-вижу, стакан уже между глаз торчит, – добродушно разгадала маневр супруга жена и, спохватившись вдруг, озабочено добавила, – а к чаю-то у нас ничего и нет...

– Да как же нет, а вон в сетке... – просунулся в купе почти весь организм, в руке которого дымились сигарета.

Но инициатива была сразу же блокирована. Доступ к сетке плотно перегородило тело в халате.

– Димитрий, выйди сначала отсюда с сигаретой! Не дома. И как ты собираешься пить чай, с бормотухой твоей, что ли? До дома все равно ничего не будет – смирись... А вот кексик к чаю я бы с удовольствием съела. Помнишь, мы в Геленджике на автостанции покупали? Тогда он мне очень понравился, такой, из коричневого теста с запеченным изюмом...

– Фу, да что я из-за кексика твоего попрусь через весь состав к ресторану, – возмутился отступивший в коридор супруг. – Хоть на пиво-то дай...

– Ладно, ладно... – примиряясь с выдвинутым требованием и вынимая кошелек откуда-то из-за пазухи, дружелюбно ответила жена, – возьми даже два, если свежие.

Дверь с лязгом задвинулась, и женщина опять уселась у столика. Было видно, что она как-то хочет прокомментировать последнюю сцену. И я отложил газету в сторону.

– Да вы не смотрите, так-то он добрый, – начала она. – Просто в последнее время от рук совсем отбился. А ведь он когда-то был летчик-испытатель, майор. Даже на фотке есть рядом с самолетом. У них там какая-то авария вышла – вот и его списали. Говорит, пить и бичевать начал с горя.

Я его заприметила, когда еще на Сенном рынке капустой квашенной торговала. А он там мешки с картошкой, морковью да всякими другими фруктами таскал. Наблюдала за ним: другие хитрожопые и мешок выбирают полегче, и приспособления у них там всякие. А этот, как выючная лошадь: сколько навалили – столько и прёт. Одним словом, нормального бича сразу видно. Сначала просто прикармливала, беседовали, а потом и к себе взяла... – выдохнув, закончила она.

– Он, когда трезвый, – она мечтательно закатила глаза, – то такой серьезный и хозяйственный, что не подступишься! Все на квартире отремонтирует и уделает так, что любодорого. А оденется прилично и шляпу наденет – ни за что не подумаете, что мешки на базаре тягал. Если бы не винище проклятое – давно бы уже в начальниках ходил. Ну ничего, думаю, скоро очухается: печень и почки ни к черту. Вот и к морю врачи присоветовали ехать. Благо фрукты и овощи у вас здесь копейки стоят, везем вот, хоть дорогу оправдаю.

– А вот и я! – как бы в продолжение рассказа в проеме появилась знакомая голова.

Отодвинув ногой дверь, муж осторожно протиснулся в купе. В побелевших от напряжения растопыренный пальцах он удерживал аж восемь бутылок пива, которые поочередно стал выставлять рядом с только что принесенным проводником чаем.

– А-а, кексики... – не то с удивлением, не то с испугом выдавила из себя вмиг окаменевшая супруга, – А кексики-то где?..

– Э-э, черт... какие еще кексики... – мотая затекшими пальцами, прошипел Митенька, и, умащиваясь поудобнее у столика, ответил вопросом, – А где открывачка? У меня что, восемь рук?..

В купе повисла тягостная тишина. Мы старались смотреть в окно. И лишь покатые, обтянутые ситцем плечи Надюшки – этой гром-бабы, судорожно вздрагивали не в такт колесному перестуку. Она горько и безутешно плакала, размазывая красными от капустного рассола ладонями смешанные с потом слезы.

Валерий ВОЛКОВ,
председатель Новороссийского отделения
«Союза журналистов России»

О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ И ТРУДАХ...

Добро должно быть...

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ КУПЦОВ НОВОРОССИЙСКА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Тема благотворительности в России имперского периода на протяжении нескольких лет является предметом исследовательского интереса. Очевидно, что данная сфера общественной деятельности могла быть доступна лишь определенным слоям населения. Прежде всего, дворянству и купечеству, а также чиновникам высшего ранга, относившимся к вышеперечисленным сословиям, кто мог позволить себе существенные траты. Традиционно российское купечество оказывало поддержку горожанам в разных сферах общественной жизни: образование, благоустройство городов, искусство, строительство церквей, устройство вокально-литературных вечеров, новогодних елок для детей, помощь раненым воинам и семьям погибших на поле боя, создание лазаретов и т.д.

Новороссийское купечество активно занималось благотворительностью. Многие купцы входили в структуру местного самоуправления в качестве гласных Думы. Часто городскими головами избирались представители купеческого сословия. Следовательно, благотворительные инициативы предпринимателей находили серьезную поддержку на уровне городских властей.

Предприниматели Е.Г. Тенедиев, И.П. Кулешевич, И.П. Сарсенти, А.С. Вильяно, П.К. Броверман, Г.А. Анастасов, А.А. Никульский, А.А. Никулин, М.А. Векслер, Н.Г. Кононенко, П.А. Котляров, К.И. Кутуков, братья Богарсуковы, братья Черномордики и другие выступали в качестве благотворителей многих городских инициатив и общественных проектов.

Местной особенностью было то, что купечество активно поддерживало развитие образования и просвещения. Новороссийские купцы входили в состав попечительных комитетов учебных заведений. В круг обязанностей этих комитетов входили поиск «источников для пополнения материального благосостояния училищ и принадлежащих им недвижимым и движимым имуществом и производство всех расходов по учебному заведению, и отчетности по оным».

В 1872 г. в Новороссийске открылось начальное одноклассное женское благотворительное училище. Инициатором его создания стала Надежда Борисовна Пиленко – супруга начальника Черноморского округа генерал-лейтенанта Дмитрия Васильевича. Она же являлась первой председательницей попечительного комитета училища. Школа не только существовала безбедно, но ее доходы превышали расходы. Это происходило благодаря толковому руководству и регулярным финансовым вливаниям со стороны его попечителей. В разные годы ими были М.А. Векслер, Е.Г. Тенедиев, А.А. Никулин, Г.А. Анастасов, братья Богарсуковы и другие.

В 1895 г. в Новороссийске открылась женская прогимназия. В начале XX в. она стала называться Александрьевская восьмиклассная гимназия. Среди ее попечителей в разные годы



были предприниматели И.П. Кулешевич, П.К. Броверман, И.П. Сарсенти, Е.Г. Тенедиев, А.С. Вильяно, В.В. Иванов и другие.

Новороссийские купцы-благотворители вели свои дела в разных сферах экономики. Многие являлись активными общественными деятелями.

Из перечисленного списка попечителей городскими головами были поочередно Поликарп Константинович Броверман в 1898-1901 гг. и Алексей Андреевич Никулин в 1901–1905 гг. Новороссийский купец Елевтерий Георгиевич Тенедиев занимался бакалейной торговлей, рыбным промыслом, являлся одним из соучредителей Черноморско-Кубанского товарищества производства портландского цемента «Бетон». Неоднократно избирался гласным городской Думы.

Ипполит Прокофьевич Кулешевич состоял председателем Товарищества виноградарей и виноделов Черноморского побережья Кавказа. В 1903 г. был избран уполномоченным по сбору пожертвований на открытие и содержание в г. Новороссийске мужской 4-классной прогимназии.

Предприниматель Михаил Андреевич Векслер был совладельцем пароходного агентства «Векслер и Андрейс», являясь стивидором, – юридическое лицо, осуществляющее погрузочно-разгрузочные работы в порту – избирался гласным городской Думы.

Илья Павлович Сарсенти имел экспортную торговую фирму с оборотом около 2 000 000 руб. в год.

Василий Васильевич Иванов владел паровой мельницей в Станичке.

Почетный смотритель Новороссийского одноклассного училища имени В.А. Жуковского екатеринодарский купец 2-й гильдии Никифор Гордеевич Кононенко имел собственный дом в Новороссийске на Серебряковой улице (Советов), где в разные годы торговал бакалейными товарами, вином, табаком, а также сдавал площади внаем. В 1905 г. был награжден за усердную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения императором Николаем II медалью с надписью: «За усердие» для ношения на шее на золотых лентах.

В 1885 г. в попечительный совет женского училища входили купец 2-й гильдии Георгий Анастасович Анастасов, надворные советники Ефрем Петрович Байбарак и Василий Васильевич Ильченко. Георгий Анастасович занимался бакалейной торговлей, принимал активное участие в общественной жизни города. С 1879 по 1882 гг. являлся торговым депутатом вместе с купцом Григорием Бублейниковым и мещанином Георгием Клоссидами. Какие же функции выполняли торговые депутаты? Торговые депутации были учреждены в 1824 г. в Российской империи «Дополнительным постановлением об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний». Они состояли при городских думах и избирались в числе от трех до семи лиц из купцов, заслуживающих особого доверия общества. Им был открыт свободный вход во все лавки, торговые заведения и дома, где производится торг, с обязанностью иметь надзор и на биржах. Торговые депутаты избирались на три года при общих выборах городских обществ на прочие должности.

В 1892 г. попечителем второго одноклассного мужского училища на Станичке становится новороссийский купец 2-й гильдии Н.О. Стамбакио. Николай Осипович в разные годы занимался бакалейной, лесной торговлей, рыбным промыслом, имел гостиницу и паровую мельницу. Входил в число гласных первой городской Думы Новороссийска.

Семья купцов Богарсуковых активно занимались общественной и благотворительной деятельностью в Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире. В 1884 г. купец 2-й гильдии Ни-



кита Павлович Богарсуков вместе с коллежским асессором Матвеем Викторовичем Ральцевичем, надворным советником Корнилием Корнилиевичем Олейниковым был попечителем женского училища Новороссийска. Позже, в 1900 г., этот общественный пост занимал его сын Исаак.

По данным Краснодарского краеведа В.П. Бардадыма, Никита Павлович финансировал строительство Армяно-григорианской церкви в Новороссийске. Она была построена в 1908 г. на углу улиц Дмитриевской (*ныне* Грибоедова) и Раевской (*ныне* Новороссийской республики) по проекту архитектора Васильева и инженера Чемесова. В 1909 г. Исаак Никитович, в честь рождения сына, пожертвовал церкви колокол стоимостью в 700 руб., который доставили из Ростова.

Купцы братья Черномордики занимались продажей леса, строительных материалов и скобяных товаров. Торговый дом братьев Черномордики был зарегистрирован в 1911 г., уже после убийства анархистами Бориса Христофоровича. Александр Христофорович был одним из соучредителей Черноморско-Кубанского товарищества производства портландского цемента «Бетон».

Новороссийские предприниматели вносили существенный вклад и в благоустройство города. Они финансировали создание скверов и парков, строительство дорог, проведение водопровода и т. д.

В 1904 г. городские власти решили устроить сквер на углу улиц Романовской (*ныне* Свободы) и Серебряковской (*ныне* Советов), так как город остро нуждался в озеленении.



Была рассчитана смета, по которой озеленение площади около 1 363 квадратных саженей (квадратная сажень составляет 4,55 м²) по смете должна была обойтись городу в 500 руб. и создание огорода в 100 руб. На создание сквера деньги пожертвовали Л.П. Георгиев 200 руб., Е.Г. Тенедиев 100 руб. и А.А. Никулин 100 руб. и из городских средств было выделено 200 руб.

Еще одним направлением благотворения было строительство и содержание богаделен – заведений для призора дряхлых, увечных и неизлечимых нищих. В 1912 г. в Новороссийске было решено построить городскую богадельню. Первоначальным капиталом послужили деньги, завещанные новороссийской мещанкой Феонией-Прыговой «специально для нужд богадельни капитал в сумме 3 946 руб. 90 коп. (сумма указана уже с банковскими процентами). Этой суммы было недостаточно. Жертвователем выступил М.А. Векслер, который первоначально внес 10 000 руб. В процессе строительства богадельни, как это обычно бывает, денег вновь оказалось мало, и Михаил Андреевич покрыл все задолженности. В новом отстроенном учреждении призирилось до 40 человек. Оно было названо «Богадельня им. М.(Матрёны) Н. Векслер, основанная обществом пособия бедным». Во время работ по сооружению здания Торговый дом братьев Черномордики также внес пожертвование в сумме 300 руб.

Заканчивая повествование, отметим, что автор лишь наметила пути дальнейших исследований о благотворительных инициативах новороссийских купцов. Существенный вклад в раскрытии темы внесли новороссийские историки и краеведы А.Б. Герасименко, А.П. Зорина, Ю.Д. Кочериди, С.Г. Новиков, С.А. Санеев. В статье автор использовала их материалы.

Гильда НАГАЕВА,
к. и. н., доцент
Новороссийского политехнического института –
(филиала) КубГТУ
Это нашей истории строки...

ТРАГЕДИЯ БЕЛОГО ЮГА. 1920 ГОД

(Публикуется в сокращении)

26 августа 1918 г. Новороссийск заняли войска Добровольческой армии. Через его порт союзники стали снабжать Вооруженные Силы Юга России оружием, боеприпасами, военной техникой, включая и танки, продовольствием, обмундированием и др. Город стал местом размещения множества тыловых служб и учреждений, в основном госпиталей.

Бичём обитателей города стал тиф. Он свирепствовал везде, но особенно в местах наибольшего скопления беженцев и в казармах. Вшей, разносивших эту страшную болезнь, вскоре начали называть не иначе как «тифозными танками». Самым гиблым местом стал новороссийский железнодорожный вокзал. Здесь больные буквально валялись из кресел зала ожидания. Специально отведенные для тифозно-больных бараки были переполнены брошенными на произвол судьбы, погибающими людьми. Покойники в лазарете № 7, например, валялись в туалетах, под лестничными маршами и даже на чердаке. От страшного трупного запаха проходившие, подойдя к зданию лазарета, тут же перебежали на противоположную сторону улицы.

Заболевшие беженцы умирали десятками на садовых скамейках скверов, в порту на заброшенных баржах и в вагонах, в вырытых на пустырях норах и в примитивном жилище, сооруженном из обломков досок, картона и парусины. Один из очевидцев описал случай, который он наблюдал в районе железнодорожного вокзала. Из эшелона, прибывшего с фронта, на пустыре расположилась какая-то воинская часть. Когда прозвучала команда: «Встать! Строиться!», поднялась только половина людей, вторая половина осталась лежать. Это были тифозные.



Тиф не щадил никого. От него умерли генералы Мамонтов, Семилетов, Тимановский, известные политические деятели: князь Трубецкой, Пуришкевич, Раевский и многие другие.

Дурную славу в Новороссийске приобрела контрразведка. В городе это название присваивали себе любые учреждения, так или иначе причастные к наведению порядка: уголовный розыск, контора по выдаче пропусков отъезжающим за рубеж и др. Главное же заведение контрразведки, предназначенное для разоблачения большевистских шпионов, размещалось на краю города, рядом с тюрьмой. Крики и стоны, доносившиеся по ночам оттуда, свидетельствовали, что там усердно отработывали свой хлеб специалисты заплечных дел. Агентам контрразведки полагалось 80% от сумм денег, найденных у разоблаченных «комиссаров». Поэтому не удивительно, что «комиссаром» мог стать любой, у кого при обыске находили деньги. Осужденных на смерть до тюрьмы, как правило, не доводили – расстреливали по дороге за «попытку к побегу».

Нелестную оценку белой контрразведке дал сам Председатель Особого совещания генерал А.С. Лукомский.

«...На службу в контрразведку, – писал он, – нормально шел худший элемент, а соблазнов было много: при арестах большевистских деятелей обыкновенно находили много награбленных драгоценностей и крупные суммы денег; так как ответственным большевистским деятелям грозила смертная казнь, то за свое освобождение многие из них предлагали крупные суммы. Наконец, вообще характер деятельности органов контрразведки открывал широкое поприще для всевозможных злоупотреблений и преступных действий».

Была еще одна силовая структура – государственная стража, которая в основном состояла из бывших полицейских, а также профессиональных убийц ингушской, лезгинской и осетинской национальности. Эти стражи порядка устраивали бесконечные обыски, проверки

документов. Тех, кто их не имел, жестоко избивали шомполами и прикладами. Тех же, кто мог заплатить выкуп, тут же отпускали, а у кого денег не было, отправляли в контрразведку, откуда вырваться живым шансов ни у кого не было. За короткое время в Новороссийске были смещены несколько начальников государственной стражи и все за мздоимство, бездействие и преступления по службе.

Прибывающие в Новороссийск по служебным делам, истощенные боевой походной жизнью офицеры, потерявшие семьи фронтовики с острой ненавистью взирали на тех, кто заполнял главную улицу города – Серебряковскую. Как писал журналист Г. Виллиам:

– «Здесь спекулировали все: телефонные барышни и инженеры, дамы-благотворительницы и портовые рабочие, гимназисты и полицейские, дети и инвалиды, полковники и генералы».

Площадь в конце города, где обычно сельские жители торговали своими нехитрыми продуктами, теперь была наводнена залежалыми, негодными товарами, привезенными через Батум из Италии, Франции и Англии. «Штаб-квартирой» спекулянтов было расположенное на Серебряковской кафе «Махно». Его завсегдатаями были спекулянты – константинопольские греки и евреи, хватало и своих, русских. К ним прочно прилепилось название «черная орда», и по духу они очень соответствовали этому ярлыку. Здесь устанавливались цены на валюту, товары и драгоценности, а эти «герои тыла» наносили Белому движению урон не меньший, чем красные войска на фронте. Скупалось и продавалось все: золото и драгоценности, хлебодукты и медицинские препараты, мануфактура и дома, имения и акции. Здесь можно было купить место в воинском эшелоне, каюту на пароходе, отдельный вагон и даже целый поезд.

Администрация города сделала, как ей казалось, радикальный шаг для борьбы с этим злом. Был издан приказ о выселении из города всех приезжих, не состоящих на государственной и общественной службе. Однако по настоянию состоятельных граждан тут же ввели исключение – было разрешено проживание прислуги для тех, кто занят по службе.

Чиновники сразу начали торговать документами для лакеев, поваров, гувернанток и прочей прислуги. Потом власти издали приказ о закрытии всех кафе, ресторанов и харчевен. Но чиновники и на этом приказе стали «греть руки», делая за хорошую мзду разрешения в виде исключения. Хозяева такого рода учреждений сферы обслуживания тоже в обиде не остались, они стали взимать дополнительную плату за тайное посещение их заведений.

По городу слонялись толпы иностранных матросов и солдат, которые меняли валюту, скупали у беженцев ковры и золотые вещи. Были случаи, когда офицеры-дезертиры силой оружия захватывали в магазинах хлеб и потом сбывали его откровенно наживавшимся на этих торговцев. Отдельной, самой выгодной статьей дохода чиновников силовых ведомств была торговля ордерами на обыск и проведение реквизиций. Отвечавший за оборону Новороссийска накануне его катастрофы генерал Лукомский издал приказ, по которому все мужчины до 54 лет должны были отправиться на рытье окопов. Однако добровольно никто на специально созданные сборные пункты не шел, а те, кого отлавливали насильно, могли свободно откупиться у патрулей.

В Новороссийск к «большой воде» слетались видные представители русской интеллигенции, люди с мировыми именами. Ими на скорую руку было создано бюро для регистрации, кассы взаимопомощи, а образованный в это время Союз литераторов и ученых занялся хлопотами перед английской миссией об отправке их за рубеж. Большой проблемой для города было огромное количество находящихся в нем непонятно чем занимавшихся офицеров. Они ходили обвешанные оружием, бесчинствовали и митинговали как солдаты в 1917 г. На



митингах принимались решения о создании «вольных обществ», скрытой целью которых был захват кораблей для отъезда за границу. Деникин требовал от Лукомского направить этих офицеров на фронт. Но Лукомский и Врангель плохо выполнили его приказ. Они стали формировать из них офицерские отряды, задерживая даже военнослужащих – отпускников и выписавшихся из госпиталей, якобы для того, чтобы из них сформировать отряды и потом не одиночками, а уже готовыми подразделениями отправлять их в армию. На это ушло драгоценное время, а сформированные таким образом подразделения потом получили официальную возможность раньше фронтовиков покинуть Новороссийск. Местные власти издавали такое количество противоречивых распоряжений угрожающего характера, что потерявший голову обыватель не знал толком, что же ему делать – регистрироваться, отправляться на окопные работы, мобилизовываться или эвакуироваться.

Самое удивительное было в том, что город был перенасыщен различными органами власти и в то же время безмерно страдал от безвластия. В Новороссийск переехало недавно учрежденное Южно-Русское правительство генерала Богаевского, но оно практически состояло из одного его. Бывшие министры упраздненного Особого совещания прибыли из Ростова и собирались на улице Воронцовой у своего бывшего председателя генерала Лукомского, хотя он должен был вплотную решать вопросы не только эвакуации, но и подготовки Новороссийска к обороне. В результате ни тем, ни другим он вплотную не занимался. Прибывший на помощь Лукомскому генерал Врангель тоже больше был озабочен не беженцами и обороной города, а устройством своего будущего. Имея собственный поезд, он расположил его у



каботажной пристани, и туда зачастили его единомышленники, представители средств массовой информации и политические деятели.

В городе в это время на учете состояло свыше 40 000 человек беженцев, и это только тех, кто получал официальные пособия. Но было немало и тех, кто в пособиях не нуждался, но тоже хотел эвакуироваться. Среди них были состоятельные граждане, которые могли себе позволить

роскошь самостоятельного отъезда на пароходах компании «Триестинского Ллойда». На каждом очередном судне таких пассажиров уезжало до 800 человек.

В первую очередь шли больные и раненые военнослужащие, во вторую – их семьи, в третью – гражданский персонал военных учреждений, в четвертую – все остальные женщины и дети, но за плату. В последнюю очередь эвакуироваться могли все категории начальников и их семьи.

Эвакуация искусственно сдерживалась средствами массовой информации. Газеты пестрели призывами исполнять свой долг до последней минуты, что в перспективе должно было привести к тому, что потом появится лозунг «Спасайся, кто может». Длительное время в обществе, опять же не без помощи средств массовой информации, было принято с осуждением и насмешками относиться к тем, кто подал заявление на включение его в списки на эвакуацию. Как только становилось известно, что какое-то известное в обществе лицо оформляет себе визу для отъезда за рубеж, начиналось его дружное осмеяние, сыпались обвинения в дезертирстве и малодушии. Впрочем, те, кто это делал, как правило, со следующим же пароходом уезжали сами.

Сначала темпы эвакуации были небольшими, и редко какой транспорт уходил полностью загруженный пассажирами. Большинство людей до последнего момента оттягивали момент расставания с родиной. Даже при малейшем улучшении дел на фронте, когда появ-

лялась хоть какая-то надежда на успех, уже получившие места на пароходах, не являлись к их отплытию. Не последнюю роль в снижении темпов эвакуации сыграла и эпидемия тифа. Англичане не рисковали эвакуировать больных, а корабли, которые все же уходили с ними из Новороссийска, проходили длительный карантин в иностранных портах. Потом темпы эвакуации несколько возросли, 6 марта ушел в Пирей приспособленный под плавающий госпиталь пароход «Херсон», увозя 1 042 раненых и больных, затем в Болгарию отправили кадетский корпус.

Как это нередко бывает в подобных ситуациях, находилось немало чиновников, которые хотели уехать за рубеж не с пустыми руками, прихватить не только личное, но и государственное имущество. Генерал И.К. Корниенко в своих воспоминаниях описывал факт, свидетелем которого был лично.

«В Феодосии, – пишет он, – происходит характерный скандал: разгружаются прибывшие из Новороссийска пароходы; сестры милосердия на ручных вагонетках перевозят лазарет, на этом же пароходе ехал какой-то министр и с ним тюки, которые он называл «государственным имуществом». Но раненые досмотрели, что там была мануфактура. И этот министр Деникина, сойдя с парохода, потребовал от сестер, чтобы они дали ему вагонетки для «государственного имущества». Сестры, не обращая внимания на министра, продолжали перевозку, одна сестра остановилась и стала объяснять министру, что вагонетки даны для лазарета и раненых. На это министр сказал: «Вы, дура, сестра!» Сестра повернулась и повезла вагонетку к пароходу и рассказала своему раненому мужу полковнику Падчину, который сошел с парохода, опираясь на палку, и изломал её об министра».

...Почти всех раненых, находившихся в госпиталях Новороссийска, все же удалось вывезти, но прибывающих с войсками ожидала нелегкая участь. В нескольких километрах от города санитарные поезда с тяжело ранеными солдатами и офицерами застряли, а медперсонал их разбежался.

Основная шоссейная дорога, которая вела в Новороссийск, стала непроходимой тоже. Она была забита беженскими обозами, артиллерией, повозками.

Корниловцы и алексеевцы засветло бросили позиции и устремились тоже в порт. На фронте оставались только казаки 1-й Донской дивизии генерала Дьякова, Партизанская дивизия и сводная дивизия генерала Барбовича. С высот они видели, как постепенно опустел город. Обыватели, опасаясь возможных уличных боев и грабежей, позакрывали все дома, лавки и магазины, только порт и прилегающие к нему улицы представляли из себя людской муравейник. Там всюду шла погрузка на корабли, именно там теперь, а не на фронте разворачивались главные драматические события. Это понимал и руководивший обороной Новороссийска генерал А.П. Кутепов. Он, поскольку почти все его части были уже в порту, передал полномочия на фронте своему начальнику штаба и тоже убыл туда.

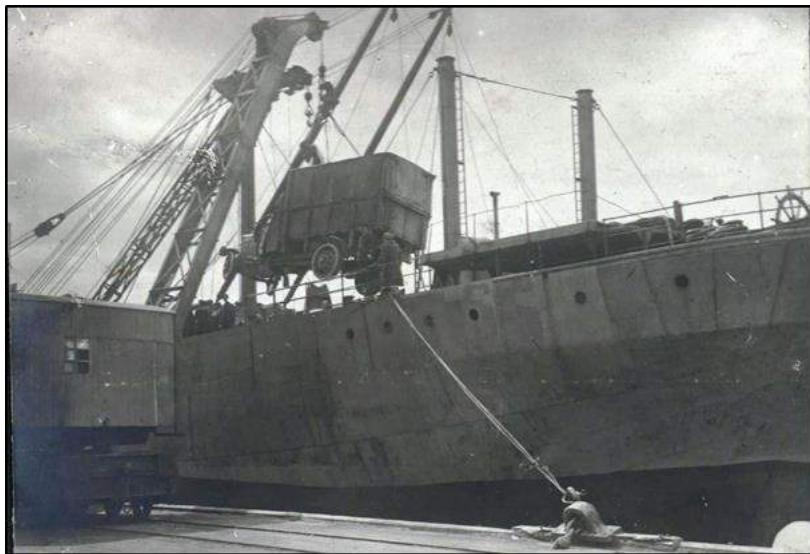
Непосредственно в порту все находившиеся там люди двигались к причалам, протиснуться можно было только верховым, и сзади них выстраивались цепочки людей, чтобы таким образом приблизиться к кораблям. В порту и на железнодорожной станции горело множество вагонов, нефтехранилище и просто костры, где сжигалось все то, что обременяло движение. Те военные, кто решил остаться, занимались откровенным грабежом, особым вниманием пользовались склады со спиртными напитками и цистерны со спиртом. По мере заполнения корабли уходили в открытое море, ушел приспособленный под госпиталь пароход «Владимир», взяв на борт 983 раненых и больных. Примерно столько же взял на борт и пароход «Тигр».

Всего надо было вывезти около 100 000 человек. Но эта цифра обозначилась только в последний день, так как до этого твердое намерение эвакуироваться изъявляли только «добровольцы». Они и действовали соответствующим образом. Выделенных им кораблей тоже не хватило, и они стали захватывать их у других – силой завладели пароходом «Дунай», а последовавшие их примеру кубанцы отобрали у донцов «Аю-Даг». Но только у тех кораблей, где грузились «добровольцы», наблюдалось некое подобие порядка. Команды от их частей прибыли в порт заблаговременно, перед проходами к кораблям они установили заграждения

с пулеметами и выставили часовых, а те никого другого, кроме своих однополчан к сходням не пропускали. Например, когда несколько посторонних человек попытались проникнуть на пароход к корниловцам, то их просто сбросили за борт. Были даже случаи, когда в воду стаскивали носилки с ранеными.

Зная, что кораблей всем не хватит, Деникин распорядился принимать на борт только офицеров и тех, кому угрожает реальная опасность в плену у красных. Даже раненых, которым не хватило госпитальных судов, решено было оставить в Новороссийске. Терзаемые угрызениями совести некоторые офицеры, пройдя на корабль, стали потом с помощью веревок поднимать на палубу и своих солдат. Так была погружена значительная часть солдат 3-го Дроздовского полка.

Как уже ранее отмечалось, в Новороссийске, накануне его сдачи красным, скопилось большое количество офицеров. Это были те, кто не стал возвращаться в свои части после из-



лечения в госпитале, или после окончания командировки и просто дезертиры. Некоторые из них, потеряв надежду эвакуироваться организованно, сколотили свои команды для захвата кораблей. На этой почве в порту имели место несколько вооруженных столкновений.

Донцам все же достались транспорты «Россия», «Пегас», а также частично «Цесаревич Георгий» и «Николай». На «Пегасе» генерал Сидорин вместе с командиром Партизанской дивизии генералом Дьяковым убили

в Крым. При этом оба генерала заверили остающихся в том, что они обязательно пришлют за ними корабли и те заберут их или в Новороссийске или перехватят в районе Геленджика.

Однако сделать это было не так-то просто. Ни один капитан корабля, из числа русских, снова идти в Новороссийск, Геленджик или в другой порт на Черноморском побережье до тех пор, пока там не прояснится обстановка, не согласился.

Всего из Новороссийска в те дни эвакуировалось около 4 000 донцов, остальные пошли на юг, к Туапсе.

Несостоятельность последних решений Деникина и его штаба по организации обороны Новороссийска и тесно связанным с этим хаосом при погрузке войск хорошо передал в рапорте на имя главнокомандующего начальник донской Партизанской дивизии генерал Ясевич.

«...Во имя долга перед погибшими, – пишет он, – преданными офицерами и войсками, для удовлетворения возмущенных, случайно уцелевших чинов дивизии, считаю необходимым в заключение отметить, что спешная, постыдная погрузка 13/26 марта не вызывалась реальной обстановкой на фронте, которая мне, как отходившему последним, была очевидна. Никаких значительных сил у Раевки не наступало, ибо в 14 часов 13/26 марта никого, кроме разъездов, у Владимировки не было. Что же касается деревни Борисовки, то она была весьма слабо занята двумя-тремя эскадронами и четырьмя ротами. Образ действий противника в этом районе давал основание предполагать, что там были всего лишь «зеленые».

О мытарствах личного состава ... рассказал в своих воспоминаниях ординарец генерала Чеснакова Леонтий Мечов. Они представляют большую ценность тем, что из того небольшого количества документов и литературы об исходе из Новороссийска последних его защитников наиболее полно передают весь ужас пережитого ими и заслуживают того, чтобы их здесь привести.

«Чувствовалось, что в эти минуты решается наша судьба, – пишет он. – Ехать быстро по улице оказалось невозможным. В темноте я то и дело наткнулся на отдельных всадников,



слышался топот сотен конских копыт. Эскадроны невидимой колонной следовали между рядами домов, темные контуры которых обрисовывались на багровом зареве дальних пожаров. Иногда между домами зарево слабым отблеском на мгновение озаряло и сомкнутые колонны всадников. Тогда среди леса пик и над морем конских голов мелькало знакомое лицо; но затем все вновь погружалось во тьму. С грехом пополам, обогнав колонну, я застал генерала уже при въезде на большой мост, соединявший централь-

ную часть города с его восточным предместьем и доками. Здесь перед нами открылось грандиозное зрелище. Налево в полуверсте горели обширные железнодорожные склады. Над длинными зданиями, объатыми пламенем, нависло розовое облако дыма, в котором, изредка вспыхивая из-под полубогоревших крыш, поднимались сонмы искр. На мосту было светло, а направо от нас черные воды бухты отливались тысячью огней отраженного пожара. Хотя отсюда за дальностью расстояния и не должно было быть слышно гула пожарища, но из горящих складов доносилась до нас непрерывная трескотня, то затихающая, то вспыхивающая вновь с особой силой перед каждым взлетом искр. Казалось, что мы присутствуем на величественном фейерверке. Это тысячами рвались в огне патроны, оставленные нами на складах.

Мы въехали на темную набережную. Здесь генерал спешился и, пропустив эскадроны, приказал остановиться.

– Слезай! – скомандовал он внятным голосом, видимо делая над собою усилие, чтобы казаться спокойным. – Все, – снимайте седла и уздечки и в порядке эскадронов – на погрузку... С Богом!

В том месте набережной, где остановился генерал, я заметил темные очертания небольшого парохода, причаленного к берегу. Все огни на нем были погашены, но оказалось, что на нем уже была погружена какая-то часть. Люди спешились и стали поспешно расседлывать лошадей.

Тут я вдруг с особой силой почувствовал всю необычайность минуты. Несколько сот кавалеристов, соблюдая полный порядок и кажущееся спокойствие, готовились бросить на произвол судьбы своих коней, которые в течение долгого времени составляли для них главный предмет заботы, о которых они на походе привыкли думать больше, чем о самих себе. Дэзи, насторожив уши, с недоумением, казалось, смотрела на меня своим круглым глазом, когда я снимал с нее уздечку. Сколько раз, разнуздав ее, я ставил ее в теплую, конюшню и задавал ей корм, а теперь не готовился ли я предать ее, моего верного друга? ...Стараясь подавить в себе неприятное чувство, похожее на стыд, я тихо похлопал ее по гладкой спине, провел по обнаженной морде и с седлом в руках направился к пароходу. Но не прошел я и нескольких шагов среди брошенных коней, как услышал за собою знакомое ржание и почувствовал на шее влажное дыхание, это Дэзи следовала за мной!



Не оборачиваясь, я ускорил шаг, сделал два-три поворота и очутился у парохода. Генерал с группой офицеров стоял неподалеку и с берега наблюдал за погрузкой. В первую очередь погрузился штаб с офицерским эскадром, сформированным в Крымской. Затем стройными рядами, в полном вооружении – с винтовкой за плечом и держа в одной руке седло, а другой – пику – медленно стали выходить на погрузку уланы и гусары. Первыми вышли на погрузку чугуевцы, а за ними клястицкие гусары; в последнюю очередь должны были струситься мариупольцы.

Небольшое судно быстро заполнялось людьми и под их грузом видимо все более и более оседало. На командном мостике, погруженном во мрак, виднелась фигура судового капитана, а у входа на пароход появилось два матроса. Все это я видел как бы во сне. Находясь при начальнике дивизии, я, по правде сказать, не особенно волновался и терпеливо дожидаясь очереди, хотя и чувствовал, что мы погрузимся в самую последнюю минуту. Однако именно в этой покорности судьбе было что-то тревожное. Помимо воли, каждая минута, каждая секунда, получала особое значение. И хотя не было ничего привлекательного в погрузке, хотя в полную неизвестность пускались мы и отплытием в темную ночь на перегруженном пароходе сами подчеркивали значение завершившейся катастрофы, но в этой ожидаемой секунде заключалось все...

Погрузка только что наладилась, как вдруг люди остановились. В это мгновение судно как-то зловеще накренилось, послышался стук снимаемого мостика, и между пароходом и набережной внезапно образовалось зияющее пространство.

– Что такое? – проговорил генерал: – Подойдите ближе.

Последовало молчание. Затем матрос, стоявший у борта, тихо отвечал: «Приказано отходить, – больше местов нету...»

– Что за безобразия! заволновался генерал: – Капитан, доложите на рейде, что на берегу осталось три полка арьергардной части.

Но пароход продолжал отчаливать, и темная масса его уже тихо колыхалась в некотором отдалении от берега.

Наконец, через минуту, с командного мостика раздался голос капитана, говорящего в рупор: «Я к берегу подойти не могу, – судно не выдерживает груза... Вам с рейда вышлют судно, оно вас возьмет...»

Заметив, как вдруг побледнел генерал, я понял, что совершается трагедия. Произошло то, что я накануне смутно предчувствовал: не рассчитали мест, – прислали судно, не могущее вместить в себя всей арьергардной части... Теперь уже сомнения быть не могло, – пароход ушел. Он скрылся во тьме, на месте его были глубокие черные воды, а над крышами прибрежных домов продолжало светить зарево дальнего повара... Нам ничего другого не оставалось, как терпеливо дожидаться прибытия обещанного катера. Люди, не выражая особенного волнения, разместились у каменных парапетов набережной, сложили на них свои доспехи. Через некоторое время с рейда прибыл офицер и доложил, что нам вышлют пароход.

Долго мы простояли так, – не знаю. Помню только, как генерал обратился к стоящему рядом адъютанту: «Распорядитесь заставу выставить, по крайней мере, по направлению к городу. Хотя бы один пулемет поставить надо, – ведь за нами больше никого не осталось...» Темная ночь, поглотившая город с его дальними предместьями, таила в себе молчаливую загадку. Вдали, в горящих складах потрескивали рвущиеся патроны, но ведь и там, около складов, не оставалось больше ни одной живой души... Рядом с собой я вдруг услышал всплеск, как будто бы в воду упало грузное тело. Обернувшись, я увидел, что это одна из лошадей бросилась в воду с откоса набережной. Описав два-три круга у берега и быстро плывя и фыркая, она вдруг устремилась в открытое море. Неужели же и ей, брошенной лошади, передалось отчаяние людей, и по какому-то наитию, покинув негостеприимный берег, направилась она в неведомую даль? На берегу остальные лошади разбрелись по широкой набережной в тщетных поисках корма на мостовой и у глухих заборов.

...Миновав предместье и пробежав еще некоторое расстояние, мы, наконец, добрались до Цементного завода. На пустынной набережной в огромном количестве валялись в беспорядке всевозможные пожитки, брошенные здесь должно быть за предыдущие дни. Рядом с седлами, пиками, патронташами и даже винтовками лежали распоротые мешки и тюки, из которых на каменные плиты высыпались всевозможные товары. Мы натыкались здесь на груды толстой подметочной кожи; лежали распоротые мешки и тюки, из которых на каменные плиты высыпались всевозможные товары, пакеты чая, куски шоколада... Под ногами хрустели кучи сахара, крупы и всякой всячины... Изредка среди этих разбросанных вещей и тюков встречался небольшой кованный сундучок, плетенка с чьими-то пожитками, даже кожаный чемодан, в одном из которых, полуоткрытом, я мимоходом заметил тусклый блеск столового серебра... Но о том, откуда и как попали сюда эти вещи, нам некогда было задумываться...

Пропадала последняя реальная надежда! Теперь только чудо могло спасти нас! С разрешения генерала я поспешно отпорол шашкой полковой флажок от пики, опорочил от седла свои вещи и, оставив седло и пику на грузовике, бросился опять сквозь толпу, вслед за нашей группой. Нервы мои, напряженные до крайности, достигли теперь того состояния, когда уже все кажется безразличным, моим действиям мешал какой-то твердый предмет в кармане моей шинели. Я засунул руку в карман и достал из него большой кусок шоколада, подобранный на набережной. И бессознательно, в каком-то умственном оцепенении, я, пробираясь с вещами сквозь толпу, стал с жадностью откусывать куски шоколада от толстого куба. Когда же я наконец выбрался из толпы, то заметил, что отбился от генерала и его спутников и что они куда-то исчезли.

В этом месте начинался длинный мол, ограничивающей бухту со стороны противоположной городу. По нему, по направлению к дальнему маяку, бежала уже группа наших офицеров и солдат. На полпути до маяка стояли у мола две порожние баржи. Вместе с несколькими гусарами я вскочил в одну из них, но тотчас же заметил, что она на четверть заполнена водой и что под нашим грузом она настолько осела, что борт ее уже едва не касается поверхности воды. Не в лучшем состоянии оказалась и вторая баржа. Выйти на этих баржах не только в море, но и просто на середину бухты казалось делом безнадежным; и поэтому, сойдя на берег, я побежал дальше к маяку.

Здесь собралось человек тридцать нашей команды. Уже почти совсем рассвело. Впереди, по ту сторону бухты, серели очертания Новороссийска, в который уже, может быть, вступили передовые отряды красных. Местами еще подымался дым недогоревших пожарищ. Правее, в глубине бухты, встретившая нас так враждебно многочисленная толпа разместилась на набережной в ожидании своей дальнейшей участи. За нею и за белеющими зданиями цементного завода подымались лесистые дикие горы. За нами же, за невысокой скалой, прилегающей к молу, и налево от нас, – лежало открытое море, на котором виднелись на рейде очертания военных судов, а на горизонте – черные дымки уходящих транспортов.

Этот дальний мол казался пределом наших странствий. Не вплавь же было пускаться в море подобно брошенной лошади.

Где-то в горах затарахтел пулемет. Толпа у цементного завода охнула, взметнулась. Может быть, это «зеленые» обстреливали ее с гор? От бухты грянуло два орудийных выстрела. Неужели же и на самом деле не оставалось больше надежды? Большинство офицеров склонялось к тому, чтобы попытаться берегом по горам пробраться до Геленджика и оттуда пройти дальше на Сочи. Другие, считая это предприятие безнадежным, предлагали возвратиться в город и там с честью погибнуть на баррикадах. Как бы там ни было, все говорило за то, что нас ожидает неминуемая смерть. Она простирала к нам свои леденящие руки из дальних очертаний города над свинцовой поверхностью воды, она притаилась в горах среди диких лесов и ущелий...

Накануне эвакуации в Новороссийск из Константинополя прибыл британский главнокомандующий на Востоке генерал Мильн с эскадрой адмирала Сеймура. В самом Новороссийске практически безвыездно находился глава английской миссии при Ставке Деникина

генерал Хольман. Они представили для эвакуации тех, кто стремился покинуть Россию, свой самый большой транспортный корабль «Ганновер» и несколько боевых кораблей. Но при этом предъявили условие, что вывозить будут только вдов, детей и раненых. Вместе с итальянским пароходом «Барон Бек» они эвакуировали, в общей сложности, около 6 000 человек.

Английских войск в Новороссийске было не больше батальона, но там, где он дислоцировался, на территории цементного завода, было самое спокойное место в городе, как во время эвакуации, так и до него. Эта территория была обнесена колючей проволокой, под их охраной здесь стояли бронепоезда Деникина и Донского атамана генерала Богаевского. Наблюдая за всем, что творилось в городе накануне эвакуации войск и во время нее, они недоумевали, почему город, неприступность которого обеспечена самой природой, при наличии такого количества боевых частей нельзя было удерживать такое количество дней, которое потребовалось бы для нормальной эвакуации и войск, и беженцев.

Плотность войск здесь была такова, что на дивизию пришлось бы не больше одного километра линии фронта. На двух километрах его можно было расставить по 8-батарейной артиллерийской бригаде, а ведь были еще броневики, бронепоезда и артиллерия боевых кораблей Черноморского флота. И вот теперь англичане должны были видеть, как белые оставляли противнику десятки тысяч кавалерийских строевых коней, которых приходилось собирать почти два года по всему югу России. В качестве трофея красным оставались тысячи тонн военного снаряжения, боеприпасов и продовольствия, сотни тысяч единиц стрелкового оружия и множество артиллерийских орудий, танков и самолетов.

В 11.00 27 марта 1920 г. Новороссийск пал. Накануне вечером остатки белых войск общей численностью до 15 000 человек, не успевшие или не пожелавшие эвакуироваться, двинулись на юг, по направлению к грузинской границе.



Николай КАРПОВ,
военный историк

К 100-летию визита «Амилькаре Чиприани» в Новороссийск

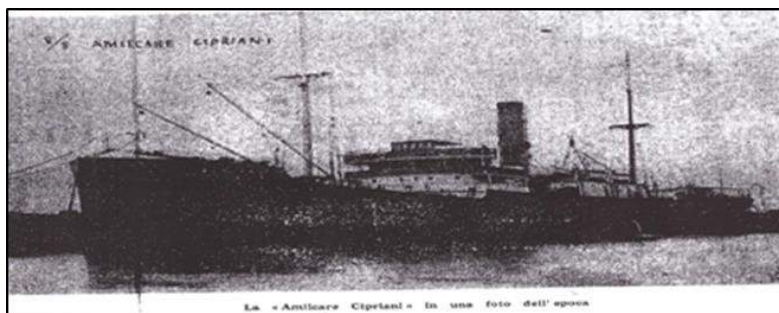
РЕЙС ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ, Или КОРАБЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

Капитан Джузеппе Джульетти

«СИМВОЛ НАШЕЙ ВЕРЫ:

Признаком нашей силы является союз от капитана до кают-компании. За наше освобождение и освобождение других трудящихся».

Кооператив «Гарибальди», Генуя.



Каждый день с незапамятных времен в наш порт заходят корабли из разных стран мира. Но есть одна удивительная история, которая не забывается ни в России, ни в Италии, несмотря на то, что произошла она 101 год назад...

В 1921 году, когда ещё не успели утихнуть отголоски войн, потрясших Россию, огромную территорию страны – Поволжье, Украину, Урал и Северный Кавказ – охватили засуха и последовавший за ней голод. На помощь тогда пришли и международные организации – миссия известного полярного исследователя Фритьофа Нансена и Красный Крест.

С осени 1921 года и весь 1922 год в порт Новороссийска шли продовольственные грузы для голодающих. За эту работу наш он был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Среди многочисленных примеров поддержки молодой советской республики итальянская Генуя стоит особняком.

«Воспоминания о первой в мире социалистической революции связаны с эпизодами, где главными участниками были и трудящиеся Генуи. Один из них произошел зимой 1922 года, когда целое судно, груженное продовольствием и медикаментами, отшвартовалось в порту Генуи и направилось в Советский Союз. На борту находилась делегация под руководством Клодоальдо Бинотти». («L'Unità», 10 ноября 1967«...За несколько месяцев до открытия Генуэзской конференции, до признания советской России, рабочие нашего города приложили все усилия для оказания помощи русскому народу, страдающего от голода и неурожая. Судно «Амилькаре Чиприани» ... направилось в порты Черного моря – Одессу, Ялту и затем в Новороссийск, чтобы продемонстрировать солидарность итальянского пролетариата с русским народом. Рабочие порта Генуи, труженики пригородов Сестри Поненте, Фаджино, Ривалоро, Сампьердарены и Вольтри занимались организацией, сбором вещей и их отправкой в Россию («Il Lavoro» («Труд»), 4 июня 1972)



Хроника газеты пишет: «Судно со знаковым именем». Это имя революционера-гарибальдийца, социалиста Амилькаре Чиприани, который сражался вместе с Гарибальди, с Марксом участвовал в создании Интернационала, был одним из руководителей Парижской коммуны, восемь лет провел в тюрьме. Был избран депутатом в 1914, но не принял мандат, чтобы не произносить клятву... Именно это имя выбрали работники первого в Италии судостроительного кооператива «Гарибальди», созданного в 1918 году, воплотив давнюю мечту рабочих стать владельцами судов, на которых ходили. «Чиприани» был приобретен кооперативом исключительно для того, чтобы укрепить отношения между Россией и Италией.

Современники вспоминают: «Мы посетили великолепное судно кооператива «Гарибальди», одно из лучших в итальянском торговом флоте. В кают-компании бросается в глаза большой портрет маслом Амилькаре Чиприани, достойнейшая работа одного из наших лучших художников Джузеппе Мадзеи.

Утром 13 февраля 1922 года «Амилькаре Чиприани» отчалил от Понте Пароди в Генуе. Депутат Парламента – социалист Клодоальдо Бинотти из центрального комитета «За Россию» возглавил итальянскую делегацию в Советский Союз. Вот что писала газета «Il Lavoro» («Труд») от 14 марта 1922 года:

«Рабочая Генуя не могла приветствовать судно с более сильными чувствами, бурными и взволнованными, с большим жаром энтузиазма – в этом энтузиазме была также и боль – корабль со славным именем на борту готовился отплыть в Россию, которая переживала бедствия и голод, туда, где страдали люди, где находилось сердце всех трудящихся, туда, за пределы национальных границ и различий. Колонны демонстрантов стекались в порт, несмотря на сильнейший ветер. Над плотной и огромной черной толпой реяли и пламенели красные знамена, символы пролетариата и социализма».

Нам удалось узнать имена как минимум пяти членов делегации – кроме Клодоальдо Бинотти, пользующегося высочайшим авторитетом среди простого люда, на борту были такие известные люди как доктор Леоне Гандольфо, председатель Центрального комитета «Про Руссия» (создана итальянской социалистической партией Италии) и Дино Рондани, депутат Парламента, социалист, игравший ключевую роль в возобновлении коммерческих переговоров Италии с СССР. Известно из портовых документов и имя капитана корабля –



Медзано, а также имя одного из матросов, члена итальянской коммунистической партии Иона Джулио. Из газет мы узнаем подробности подготовки рейса, проводов судна в Генуэзском порту, огромной народной манифестации, во время которой не обошлось и без провокаций уже поднимавших тогда голову фашиствующих молодчиков. В дальний путь корабль революции провожали напутственными пламенными речами, которые произносились с командного мостика судна от имени различных общественных и политических организаций:

Депутат Д'Арагона, секретарь Всеобщей конфедерации труда: «Я здесь, чтобы поддержать участие пролетариата Италии в этой манифестации. Груз, который отправляется на корабле Гарибальди, свидетельствует о непрерывном стремлении тружеников моря к сияющему миру освобождения пролетариата».

Главный редактор газеты «Аванти!» («Вперед!») Серрати: «Моряки! У вас есть огромная привилегия направить корабль в порты российской республики, не забывайте, когда вы будете подходить к российским берегам, поднять красный флаг пролетарского интернационала!» «Несмолкаемые аплодисменты приветствовали слова редактора «Аванти». Оркестр грянул «Интернационал», который пела вся народная масса... Сирена «Чиприани» извещает о том, что церемонии закончена. Люди медленно расходятся. Грандиозная манифестация пролетариата Лигурии останется незабываемой». («ШЛавого», 14 февраля 1922, «Хроника Генуи»)

К. Бинотти и Л. Гандольфо (предположительно) в автомобиле «Ансальдо», который был подарен Новороссийску по завершению визита.



Вот что писал доктор Гандольфо 5 марта 1922 года, когда судно проходило Константинополь:

«В наших душах еще свежи глубокие впечатления от толпы рабочих, приветствовавших наше отправление, мы понимаем, что означали эти приветствия и осознаем, что это не увеселительная поездка, а наш долг, который мы должны исполнить как можно быстрее. Нас интересует не само путешествие, а его конечная цель.

...В Константинополе мы получили первые новости из России и первые контакты с товарищами из торговой делегации. Они пришли к нам на борт, несколько часов прошли в братском общении. Они говорили о большой симпатии, которую питают в России к итальянскому пролетариату, единственному, кто не дал ни солдат, ни офицеров делу реакции. Понимая, что если более близкие отношения между двумя народами еще не установлены, то это связано не с Италией, а с международным давлением, которому Италия должна подвергнуться-

ся. Они оценили высокую моральную значимость той миссии, которую мы направляемся выполнить от имени социалистической партии, и они нас поблагодарили за это. Перейдя от иллюзии быстрого падения существующего режима, более умная буржуазия начала пытаться приблизиться к любой части России. Это ненасытное желание несметного богатства, которое залегает на ее огромной территории, которое они ожидают получить... (Не правда ли, напоминает сегодняшнюю ситуацию? – ред.)

Но пролетариат думает о другом богатстве, о богатстве идей и нравственной энергии, которая не залегает под землей, но которая поднимается, чтобы разбить вековые цепи, и среди борьбы и страданий они ищут для всех людей пути к высшей цивилизации.

Сколько веры в этих людях, еще молодых, но перенесших столько страданий, которые видели Сибирь и тюрьмы, которые проходят все жизненные трудности и горе, но они знают высшие ценности и продолжают отвергать апостолов, говоря о благе не только России, а о благе всего мира».

Бьяджо Бинотти, сын Клодоальдо, который вел переписку с Новороссийским историческим музеем в 60-70-е годы прошлого века.

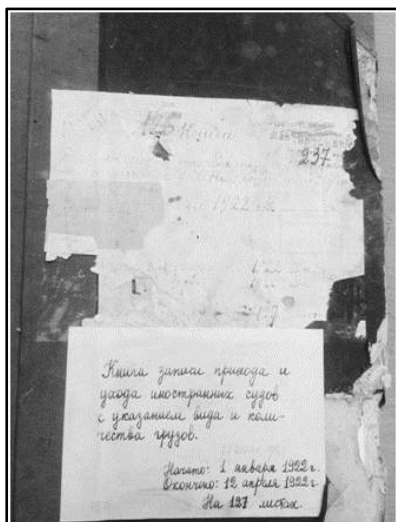
Клодоальдо Бинотти прожил долгую нелегкую жизнь, целиком посвященную борьбе за права трудящихся. По стопам отца пошел его сын, Бьяджо Бинотти, коммунист-антифашист, в годы войны партизан, а позднее – школьный учитель, которого волновали не только проблемы маленького городка под Генуей – Россильоне, но и мировые. Именно он бережно сохранил, а впоследствии направил материалы, фото, письма – все, что сохранилось в семье после поджога их дома фашиствующими молодчиками, в Новороссийский исторический музей...



...Когда об этом событии в жизни нашего города узнал Роальд Павлович Алякринский, заместитель председателя международной Лиги «Забота о морях», по долгу службы бывающий в Генуе, наша совместная поисковая работа закипела. Благодаря Роальду Павловичу удалось получить фильм, записанный его старым другом Данило Олива, экс-президентом морской администрации порта Генуи. Фильм рассказывает о проведении очередной научной конференции, посвященной «рейсу пролетарской солидарности».

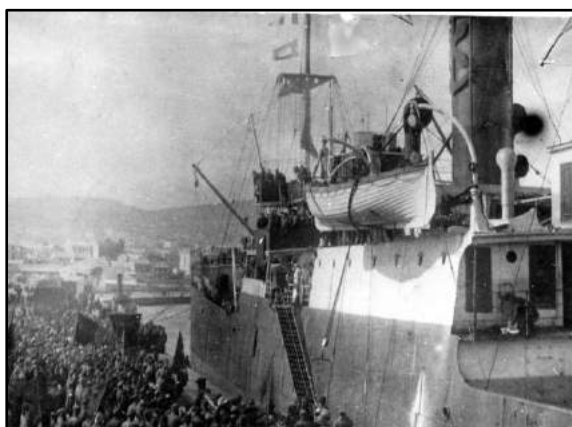
С российской стороны материалов почти нет, за исключением письма итальянского моряка в мае 1922 «К русским товарищам», напечатанного в газете «Красное Черноморье», и статьи Колосова в газете «Известия» от 1 мая 1967 года, а также документов из Книги записей прихода и ухода иностранных судов, найденных в городском архиве. Трудно поверить в то, что такое грандиозное для города событие прошло незамеченным в прессе. Удивительным образом исчезли из архивных газетных подшивок именно февральские и мартовские номера, в которых, очевидно, были опубликованы материалы о двухнедельном визите итальянского судна. Нет этих номеров ни в новороссийском городском архиве, ни в государственном архиве в Москве. Номер «Красного Черноморья» за май 1922 года был найден Р.П. Алякринским в московском архиве. А как бы хотелось получить ответы на вопросы: кто встречал судно в Новороссийске? Кто сопровождал итальянскую делегацию с нашей стороны? Какие объекты посетили итальянцы за две недели стоянки? Кто осуществлял перевод? – но, увы, все это осталось за кадром истории.

В память о 100-летию легендарного рейса в феврале 2022 года в итальянском клубе была проведена презентация. Наши итальянские коллеги выразили нам свою признательность за сохранение памяти...



Книга записи прихода и ухода иностранных судов в Новороссийский порт с указанием вида и количества грузов.

На борту «Амилькаре Чиприани» в Новороссийске



Встреча «Амилькаре Чиприани» трудящимися Новороссийска

**Ирина ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
переводчик-синхронист,
руководитель Краснодарского
регионального отделения
Союза переводчиков России,
организатор итальянского клуба в Новороссийске**

Они защищали родину

ПРИСЯГНУВШИЕ ДВАЖДЫ

(Записки конца прошлого века)

Парадоксально, но в отличие от других лечебно-профилактических учреждений города, материалов о госпитале, созданном ровно через месяц после начала Великой Отечественной войны и функционирующем ныне, за более чем шесть десятков лет практически ничего не написано. А ведь существует только один весьма красноречивый факт: всего за период боев в Новороссийске с сентября 1942 по сентябрь 1943 года 43-й военно-морской госпиталь принял 15 147 раненых, из них 2 654 – только за февраль 1943 года.

Ныне госпиталь, о котором идет речь, это ФГУ 1474 ВГЧФ.

«Госпиталь возле церкви» – привычно говорят новороссийцы. И мало кто знает, что располагается он в этом здании с первых дней освобождения Новороссийска во время Великой Отечественной войны. Хотя история его начиналась много раньше.

Именно 22 июля Новороссийский гарнизонный ордена Красного Знамени военно-морской госпиталь ежегодно отмечает свой день рождения. Через месяц после начала войны

он был спешно создан в нашем городе. С первых же дней многие врачи были призваны. Военное время сплавило в один подвиг две присяги: присягу врача и присягу русского воина.

(Некоторое время спустя появляется информация, в которой в частности говорится, что «до Великой Отечественной войны в г. Новороссийске работал базовый лазарет, на базе которого и городской больницы моряков 5 августа 1941 года был сформирован 43-й военно-морской госпиталь на 200 коек». Думается, что разница в датах обусловлена тем, когда пришла информация и официальным документом о создании госпиталя и находится в пределах погрешности. – авт.)

Бомбежки с начала августа 1942 вынудили госпиталь постоянно менять местонахождение. Штольни и подвалы в Кабардинке, Марьиной Роще, Фальшивом Геленджике становились операционными и палатами для выздоравливающих. Но как часто в критических ситуациях врачам



и сестрам приходилось откладывать скальпели и бинты и брать в руки винтовки и автоматы. 43-й военно-морской госпиталь обеспечивал десантные операции и бои за города Севастополь, Одессу, Феодосию, Керчь, Новороссийск. Помогал в осуществлении десантных операций на Малой Земле Героя Советского Союза Цезаря Куникова. После тяжелейших ранений Цезаря Львовича оперировали именно в этом госпитале хирург Алфеев и операционная сестра Ворожбиева. Награды Родины прикреплялись к военным мундирам и кителям, но прикрывались белыми халатами.

...А войны продолжились спустя почти полвека. И вот военврачи госпиталя в Афганистане, как подполковник Геннадий Геннадиевич Шабалин и подполковник Сергей Владимирович Кульчинский; в Чечне, как работавший там подполковник Сергей Алексеевич Михайловский, как кавалер ордена «За боевые заслуги» подполковник Владимир Александрович Перунов, подполковник врач-анестезиолог Александр Юнусович Аджигитов. Больше десятка офицеров-врачей госпиталя работали в Чечне, почти столько же медсестер. И готовятся следующие.

В последние годы XX века госпиталь возглавляли полковник Юрий Александрович Лазебный, а затем начальник медслужбы 52-й армии полковник Александр Владимирович Скученков. Утро. Все как обычно. Сдача рапорта дежурного врача начальнику госпиталя. «Пятиминутки» в каждом из 9 отделений, обход больных в палатах.

Тишина в лаборатории. Чуть позвякивает стекло. Изо дня в день Галина Александровна Кореневская, Виктор Михайлович Роменов, старший лаборант Елизавета Федоровна Свинолупова и другие лаборанты делают анализы. Изо дня в день матросы, солдаты и офицеры получают физиопроцедуры в отделении Вадима Николаевича Иванова.

Общеизвестно, что в солдатской и матросской жизни день делится от завтрака до обеда, от обеда до ужина. Качественная пища для человека, заболевшего – чуть ли не половина выздоровления. В гражданских больницах вопрос о питании в последнее время вообще не стоит – что уж из дома родственники принесут. А в госпитале не просто разнообразно и вкусно кормят, но и выдерживают диеты. Хотя финансовое положение несколько не лучше, чем в других медучреждениях. На 8-9 разнообразных диетических столов, в зависимости от заболеваний и назначений, готовят повара во главе с заведующей, работающей здесь уже 20 лет, Татьяной Ивановной Дунаевой.

Судьбы военных врачей во многом схожи. Военно-медицинский вуз – назначение – госпиталь – следующее назначение – следующий госпиталь.

Кушка – Северная группа войск – Забайкальский военный округ – Новороссийск. Это одна из вех профессионального пути Олена Владимировича Ана. Он 14 лет работает рентгенологом. Из 20 лет службы военврачом – половину он военврач части. Екатерина Григорьевна Назарова. В системе 27 лет. Вынуждена была уехать из Таджикистана. Статуса беженца нет. Два года по квартирам. Впрочем, это становится закономерностью. Из 17 офицеров-врачей госпиталя квартиры есть только у четверых. У остальных, похоже, нет даже надежды. Гарнизон квартир не выделяет. Город квартир не дает, нет их.

Как нет пленки у рентгенологов. Но у них есть клятва врача – помогать. Где же искать то, чего нет – а вот это почти военная тайна.

Это отделение имеет всего 12 коек. И почти никогда не бывает пустым. Кожно-венерологическое. Зав. Отделением Николай Александрович Шило сейчас в отпуске. Его замещает полковник запаса Валерий Трофимович Воронов. Он, как и некоторые другие врачи, одновременно работает в поликлинике госпиталя. Ольга Александровна Фалеева работает здесь 15 лет. Отделение кожно-венерологическое – это зеркало состояния армии и флота, убеждена она. За последние годы вновь появились чесотка и педикулез. Проблема с водой – бич для всего Новороссийска. Отсутствие воды, нехватка мыла – для солдата – это опрелости, потертости, грибковые и кожные заболевания. К сожалению, сегодня медицинское обслуживание в самих частях не на должном уровне. Заболевших доставляют в госпиталь в запущенном состоянии. И каждую язвочку, каждый воспаленный участок вручную тщательно обрабатывают здесь же готовящимися травяными отварами по несколько раз на дню медсестры этого отделения. В том числе и Людмила Александровна Нагорная. 20 лет лечит, обихаживает и жалеет она молодых ребят. И грустно говорит, что приходят они в армию и на флот зачастую не наученные и не приученные ни мамами, ни школой к элементарной гигиене.

Новороссийский гарнизонный госпиталь. В зоне его ответственности части военноморского района – около четырех тысяч человек, десантники 7-й гвардейской, часть ПВО. В последнее время добавились служащие погранвойск и МВД. Госпиталь – еще и 15 тысяч офицеров запаса и отставников. Невольно вспоминается еще одна цифра: 25 с половиной тысяч раненых и больных находились на излечении в госпитале за годы отечественной войны. И тогда госпиталь справлялся с такой нагрузкой. Справляется и сейчас. Правда... Правда, тогда, во время той войны, передислоцируясь под бомбежками и обстрелами из подвалов в штольни. Сейчас, через 50 с лишним мирных лет, выстраивая «вторые этажи» в палатах. Разделение существует: солдатские, офицерские, для отставников. Пока так делятся только палаты. Но, похоже, что так скоро будут делиться этажи коек. Пациентов становится все больше, а здание все то же. При санитарной норме 7 квадратных метров на больного человека в госпитале на каждого приходится всего по 3,7. Теоретически госпиталь должен иметь 250 коек, фактически – по 10-12 в каждой палате – 140. А ведь третий этаж уже не поставишь. Громко звучащие офтальмологическое или лор-отделение – это несколько коек в общей палате. Из-за всего этого нехватка врачей. Увеличение объема работы на тех, кто в строю.

Прием пациентов часто ведется в ординаторских, которые в свою очередь просто отделены тонкой перегородкой от общего холла, в приемном отделении, в лаборатории. Нет своих кабинетов у заведующих отделениями, у старших медсестер.

Есть у госпиталя еще одно здание, на улице Мира. Там располагается инфекционное отделение, часть кабинетов поликлиники. И там же общежитие для семей врачей. Но мало этих помещений для военно-морского города, где количество военных частей растет, да и военных пенсионеров становится все больше и больше. А ведь за 50 лет площади госпиталя практически не увеличились. Начальник госпиталя полковник Юрий Александрович Лазебный и начмед подполковник Владимир Якубович Бжиский не раз обращались к администрации города с предложением: госпиталь отдает часть своего парка и здание на улице Мира, а взамен просят соседнее здание – детского садика... Не будем перечислять, сколько в городе детских садов передано в ведение милиции, судебных приставов, каким-то архивам, всевоз-

можным коммерческим структурам. А здесь – нельзя. Видимо, все же придется выстраивать третий этаж из коек...

И в этих условиях медперсонал госпиталя будет работать так же спокойно и профессионально, в условиях, приближенных к экстремальным. И будут верны своим двум присягам: присяге врача – не отступать перед болью пациента, и присяге человека военного – не отступать вообще.

Вот так уже 40 лет не отступает со своего поста сестра-хозяйка Зинаида Васильевна Вербина. Ни одного больничного за все время работы и более 90 благодарностей. Участница войны, она закончила ее в Будапеште. А потом пришла сюда. Она сама гладит, починает приходящее в ветхость белье и, кстати, хранит у себя в каптерке все почетные знамена. «За эти годы сменилось 15 начальников. Все были хорошие», – говорит Зинаида Васильевна. В октябре Зинаиде Васильевне исполняется 82 года, но на пенсию она не собирается. Ветеранов в госпитале осталось немного. Вот еще Надежда Дмитриевна Белоусова, 43 года она заведует библиотекой, она же тщательным образом ведет историю госпиталя, хранит все публикации о нем, все фотодокументы.

Терапевтическое отделение. 35 коек и пять неврологических. Два терапевта плюс один невропатолог, пять медсестер плюс старшая – младший сержант запаса Нина Васильевна Корченкова. И палаты по 11 человек. И холл, разделенный собственными силами на три части, чтобы можно было создать еще одну палату и нечто подобное ординаторской. Почти 20 лет в военной медицине подполковник запаса ординатор отделения Владимир Александрович Чухланцев. Врачи в терапии все опытные. А ординатор Ольга Анатольевна Иванюк владеет и нетрадиционными методами лечения, как и Василий Васильевич Коршак, подполковник медицинской службы.

Они учатся постоянно. По финансированию новороссийский госпиталь один из самых бедных в округе. По качеству лечения – один из самых лучших. Скажите, в какой больнице сейчас ведется регулярное обучение? А в госпитале обязательное ознакомление с новой медицинской литературой все врачей и еженедельное обучение среднего и младшего медперсонала с обязательной сдачей экзаменов. Военная дисциплина. И так во всем. И в традиционной сдаче рапорта по ситуации в отделении, который сегодня в терапии начальнику госпиталя сдает медсестра Ольга Михайловна Рыбалко.

Юрий Александрович – кадровый военный и кадровый врач. Выпускник факультета врачей-организаторов военно-медицинской академии, он в 1994 году возглавил новороссийский гарнизонный госпиталь. Он не кричит, не дергает без нужды подчиненных. Он верит им и создает по мере сил возможность работать. Его не боятся, его уважают. За плечами Лазебного опыт, умение организовать медицинское подразделение в боевых условиях. Его белый халат и военную форму объединяет орден «За военные заслуги».

В хирургии сегодня операция. Теперь уже можно об этом сказать: у женщины, которую к ней готовили, шансов не было. Почти. И это один шанс из ста хирургии все же используют всегда. И даже если это будет один процент из миллиона. Так работали их предшественники в годы Великой Отечественной. Кстати, в 1943 году в госпитале работали бывший главный хирург ВМФ профессор Джанелидзе, крупные хирургические профессора Мельников и Ясиновский, известный терапевт страны профессор Мясников. А сейчас их традиции продолжают хирурги госпиталя Наталья Владимировна Бугаенко, Иван Иванович Деркач, Борис Анатольевич Карасев, врач-ординатор Нина Романовна Ларионова, начальник отделения офтальмологии Сергей Александрович Михайловский, начальник лор-отделения подполковник Геннадий Геннадиевич Шабалин. И конечно начальник хирургического отделения подполковник медицинской службы Сергей Мартикович Казарян. Под стать своим старшим коллегам и медсестры Татьяна Загаштокова. Работавшая в Чечне в январе 1995 года старшая медсестра отделения реанимации Ирина Молоканова, медсестра Светлана Кравец, старшая медсестра Галина Васильева и многие другие.

Нет, здесь не оперируют тяжелораненых. Десять процентов больных, так называемые тематические, – это люди гражданские. Их берут на излечение или операцию не потому, что

хирургам надо не терять практические навыки, а потому, что врачи, работающие здесь, – высочайшего класса, и подчас именно они берутся за то, от чего отказались в других больницах. Как взяли и пациентку на эту операцию. Им коллеги не желают «ни пуха, ни пера». Потому что тончайшая, кропотливая, тщательная, подчас рутинная работа требует все же в первую очередь не столько везения, сколько тщательной подготовки и элементарного умения, знания, опыта, навыков. Им, стоящим за операционным столом, коллеги просто ставят самовар. Вот такая здесь традиция.

Потом будут пить чай. И только! Несмотря на плакат, нарисованный одним из благодарных пациентов: «Поднимем бокалы за нелегкий труд хирурга». Кстати, что касается операции женщины, о которой мы говорили выше. Этот один тысячный шанс был использован!

И каждый год 22 июля они будут отмечать день рождения госпиталя. И будут вспоминать и пересказывать новичкам его историю. И то, что за первый месяц существования, в тяжелое военное время, госпиталь увеличился в два раза, в период развертывания – в четыре, а за следующие полвека – не было возможности увеличиться ни на метр, ни на одну больничную койку. Будут говорить о том, что во время войны, той – 1941-45 годов, потери раненых на поле боя составляли шесть процентов, а сегодня – в Чечне – один процент. Будут грустно констатировать, что тогда к раненым бойцам приезжали и Исаак Дунаевский, и Аркадий Райкин, а композитор Константин Листов даже написал песню о госпитале, а сейчас за три года здесь не было представителей администрации города.

Сегодня гордо будут зачитывать строки: «Президиум ВС СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года военно-морской госпиталь №43 награжден орденом Красного Знамени».

(В период с 1942 по 1945 годы в Геленджике и Геленджикском районе базировался единственный стационарный 43-й Краснознаменный Военно-морской госпиталь Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота, образованный на базе Новороссийской больницы моряков. Начальник госпиталя – подполковник медицинской службы Либерман Михаил Семенович.



М. С. Либерман

6 сентября 1942 года хирургическое отделение госпиталя перебазировалось в Кабардинку, затем – в Марьину Рошу. 14 сентября 1942 года госпиталь был переведен в Геленджик в дом отдыха НКВД, а в дальнейшем под госпиталь были заняты помещения дома отдыха «Черноморец». Госпиталь имел свои филиалы в селе Фальшивый Геленджик и селе Пшада. При 43-м военно-морском госпитале была создана 19-я маневренно-корабельная хирургическая группа, начальник группы – Цибулевский. Группа забирала раненых с Малой Земли и доставляла в 43-й госпиталь. Место дислокации группы – хозяйственное здание по ул. Серафимовича.



Галина Петрова

Врачам хирургического отделения, возглавляемого подполковником медицинской службы Алфеевым Н.А., приходилось делать по сто и более операций в сутки. Военные хирурги Моченихин, Зильберштейн, Кечек Э.И., Апелов И.Г., Волков И.А. спасли жизни многим и многим матросам и офицерам. Рука об руку с хирургами работали медсестры Панычева, Пятова Е.К., Жменько В.А., Еремина, Дейдик П.М., Жердева В., Куксина М.Н., Незаметдинова Р., старшая операционная сестра Во-

рожбиева Е.В. Круглыми сутками непрерывно работало терапевтическое отделение госпиталя, возглавляемое подполковником медицинской службы Шутым М. Усилиями медицинского персонала госпиталя 97 процентов раненых и больных возвращались в строй.

Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден орденом Красного Знамени)

И промолчим сегодня о том, что во время учений, проходивших в городе этой весной, на случай ЧП, готовность госпиталя, организованные по всем правилам медицинские брига-

ды, стоящие наготове автоперевязочные – никто не отметил. А ведь в плане организации медицинской помощи в экстремальных ситуациях – это единственные настоящие профессионалы. Они промолчат о том, что после ремонта теплотрассы на их территории город так и не удосужился заасфальтировать раскопанное. Они не станут сокрушаться о том, что уже полтора года им нет финансирования...

Они будут сегодня вспоминать врачей все 55 лет существования госпиталя, всех медсестер, в том числе и Героя Советского Союза Галину Петрову, погибшую в тех освободительных боях. И, пожалуй, промолчат о себе.

Спасибо вам, люди в военной форме и в белых халатах. Всем, присягнувшим Родине и давшим присягу врача. Пока ничем другим мы помочь не можем. В отличие от вас, всегда приходящих на помощь».

В 1943 г. на Малой земле (небольшом плацдарме советских войск под Новороссийском) действовал хирургический госпиталь на 600 мест, эвакуопункт, медсанбат и медсанрота, где самоотверженно выполняли свой долг врачи, сестры и санитарки. За первую неделю высадки десанта хирургическая группа из 32 человек оказала первую операционную помощь почти 3 тыс. раненым. Весь состав этой группы, за исключением одного человека, при бомбардировке медпункта погиб. Небывалый героизм проявила 20-летняя санитарка Наталья Дюжилова, под бомбежками с 12 по 25 апреля 1943 г. более 10 раз в день переносившая тяжелораненых. 20 апреля 1943 г. она дважды была ранена, но донесла раненого до безопасного места [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 35. Л. 137].

Санитарка 144-го батальона 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты СКФ Надежда Горбачева на Малой земле вынесла 31-го раненого с оружием, дважды награждена медалью «За отвагу»; Нина Хуцешвили — 120 раненых. Награждена орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу» [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11310. Д. 35. Л. 137]. 20-летняя медсестра Вера Клименко из Краснодара в боях за родной край вынесла с поля боя десятки раненых, взяла в плен 3-х немецких солдат. Награждена орденом Красной Звезды [ЦА МО. Газета СКФ «Вперёд за Родину!», 7 марта 1943].

**Людмила БОЙКО,
журналист**

У войны (не)женское лицо

ДЕВУШКИ ОТРЯДА МАЙОРА КУНИКОВА

Военная история города-героя Новороссийска, казалось бы, достаточно хорошо изучена. Но для автора интересующим его вопросом стало участие в боях за Новороссийск девушек-воинов. Установлено, что только в 255-й бригаде морской пехоты в ходе боев за город было 92 девушки. Причем большинство из них ушли на фронт добровольно. А были ли девушки в отряде майора Ц.Л. Куникова, и если да, то как сложились их судьбы.

Отдельный разведывательно-диверсионный отряд Новороссийской военно-морской базы, которым командовал капитан М.А. Собченюк (погиб 19 сентября 1942 г.) был сформирован в Геленджике 13 сентября 1942 г. На базе этого отряда 3 октября была образована отдельная разведывательно-диверсионная рота, которой командовал младший лейтенант В.М. Пшеченко. А 10 января 1943 г. на базе роты был сформирован отряд особого назначения НВМБ, которым командовал майор Цезарь Львович Куников.

В ночь на 4 февраля 1943 г. в ходе проведения Южно-Озерейской десантной операции отряд в составе 272 бойцов и офицеров был высажен на берег в Станичке. Вторым и третьим



Ц. Л. Куников

эшелонами в первую ночь высадки на берег доставлено еще несколько сотен человек. Они вошли в историю города-героя Новороссийска как воины отряда майора Ц.Л. Куникова.

В дальнейшем на базе отряда был сформирован 393-й батальон морской пехоты, которым командовал капитан-лейтенант В.А. Ботылев. Этот батальон принял участие в Новороссийской десантной операции, освобождал Керчь и Севастополь, освобождал Европу от фашистов. За героизм, проявленный в боях с захватчиками, удостоены звания Героя Советского Союза майоры Ц.Л. Куников и Н.В. Старшинов, капитан-лейтенанты В.А. Ботылев и А.В. Райкунов, младшие лейтенанты К.С. Дибров и Н.П. Кириллов, старшина Ф.Я. Рубахо и младший сержант М.М. Корницкий.

Работа по установлению имен девушек началась с изучения списков безвозвратных потерь (убитые в бою, пропавшие без вести, умершие от ран), которые хранятся в Центральном архиве Министерства обороны в г. Подольске. Эти списки размещены на официальном сайте Министерства обороны «Память народа», и ознакомиться с ними при желании может каждый. Кроме того, в книге В.И. Савченко «Куниковцы» приведен поименный список безвозвратных потерь отряда при проведении десантной операции в Станичку. Установлено, что в феврале 1943 г. погибли **Балабанова Зоя Моисеевна (23 февраля)**, **Земляк Ксения Андреевна (13 февраля (умерла от ран))**, **Малка Неонила Федосеевна (8 февраля)**, **Колбина Надежда Николаевна (4 февраля)**.



О. И. Жерновая

Следующим шагом стала работа с наградными листами. За бои в Станичке в феврале 1943 г. приказом командующего Черноморским флотом № 27 от 29.04.43 г. награждены 215 человек. В этом списке пять девушек: **Воронина Галина Николаевна**, орденом Красной Звезды, **Марухно Нина Федоровна** (орден Отечественной войны 2-й степени), **Романова Зинаида Ивановна** (орден Отечественной войны 2-й степени), **Лихацкая Надежда Степановна** (медаль «За отвагу»), **Щетинина Любовь Захаровна** (медаль «За отвагу»).



Г. М. Воронина

В мае 1943 г. орденом Отечественной войны 2-й степени награждена Земляк Ксения Андреевна (посмертно). Кроме того, установлено, что, находясь в составе других воинских частей, награждены: **Виноградова Мария Семеновна** (орден Отечественной войны 1-й степени) и **Жерновая Ольга Ивановна** (медаль «За боевые заслуги»).

В мемуарах командира Новороссийской военно-морской базы Н.Г. Холостякова указано, что в январе 1943 г. «из разведотряда перешли к Куникову Нина Марухно, Зинаида Романова, Анна Бондаренко, не раз участвовавшие в вылазках во вражеские тылы». Так было установлено еще одно имя –

Анны Михайловны Бондаренко.

В газете «Новороссийский рабочий» от 3 февраля 1993 г. опубликованы воспоминания воинов – участников боев за Новороссийск, в которых упомянута **Клавдия Дмитриевна Мудрак**. А в публикации от 31 января 2023 г. в интервью с руководителем отдела военной истории Новороссийского музея-заповедника Р.М. Соколовой названо еще одно имя – **Лариса Михайловна Стришкова**.

В ходе работы с мемуарной литературой и с документами военных лет имена и судьбы некоторых из девушек буквально вырваны из небытия.

Балабанова Зоя Моисеевна родилась в 1920 г. в г. Симферополе. На службу была призвана в 1941 г. Симферопольским РВК. Главный старшина, санинструктор отряда майора

Ц.Л. Куникова. Погибла в бою 23 февраля 1943 г. Наград не имеет. **Бондаренко Анна Михайловна** родилась в 1922 г. в г. Сталино на Украине. На службу призвана в июне 1941 г. Воевала в морской пехоте, была дважды ранена. С сентября 1942 г. в разведывательном отряде Новороссийской военно-морской базы, старший военфельдшер. В ночь на 4 февраля 1943 г. высадилась на берег в Станичке в составе отряда Куникова. Ее дальнейшая биография не установлена. Известно только, что в марте 1943 г. А.М. Бондаренко была признана негодной к военной службе и комиссована из армии. Награждена орденом Красной Звезды (1942 г.). **Виноградова Мария Семеновна** родилась в 1921 г. в Москве, на фронте с июля 1941 г. Участвовала в боях под Ростовом в составе отряда водных заграждений, затем в составе 305-го отдельного батальона морской пехоты в обороне Темрюка и Новороссийска. Высадившись в ночь на 4 февраля 1943 г. со штабной группой, возглавляла медицинскую часть отряда.



А. М. Бондаренко

Она оказала первую медпомощь тяжело раненому в ночь на 12 февраля Цезарю Львовичу и сопровождала его при эвакуации в Геленджик. Награждена орденом Отечественной войны I степени (1943 г.).

Воронина Галина Николаевна родилась в 1922 году в г. Фрунзе, на фронте с октября 1941 г. Участвовала в оборонительных боях под Ростовом, Темрюком и Новороссийском. В первом эшелоне десанта в ночь на 4 февраля 1943 г. Галя Воронина высадилась радистом при штабной группе отряда. Принимала участие в сентябрьском штурме Новороссийска. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (1943 г.), орденом Красной Звезды (1943 г.) и медалью «За отвагу» (1944 г.).

Жерновая Ольга Ивановна родилась в 1920 г. в Ростовской области. На фронте с августа 1942 г. Краснофлотец, санинструктор десантного отряда Куникова. Во время боев на плацдарме оказала первую медицинскую помощь нескольким десяткам морских пехотинцев. Награждена медалью «За боевые заслуги» (1945 г.).

Земляк Ксения Андреевна родилась в 1921 г. в Черниговской области. На фронте с 1942 г., принимала участие в оборонительных боях за Новороссийск. В 1943 г. краснофлотец, санинструктор отряда. 10 февраля 1943 г. была тяжело ранена в ноги и эвакуирована в госпиталь г. Сухуми, через три дня умерла от полученных ранений. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (1943 г.) и двумя медалями «За отвагу» (1942 г. и 1943 г.).

Колбина Надежда Николаевна родилась в 1914 г. в Краснодарском крае. На фронте с 1942 г. Краснофлотец, медсестра в отряде Куникова. Погибла в бою в Станичке 4 февраля 1943 г. Наград не имеет.

Лихацкая Надежда Степановна родилась в 1916 г. в городе Славянске (ныне Донецкой Республики). На фронт ушла добровольцем в 1941 г. Участвовала в обороне Севастополя. В январе 1943 г. краснофлотец, санинструктор отряда майора Ц.Л. Куникова. Участвовала в сентябрьском штурме Новороссийска. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (1943 г.) и медалью «За отвагу» (1943 г.).

Малка Неонила Федосеевна родилась в 1918 г. в Черниговской области. Информации о ее судьбе очень мало. В одном из документов военных лет о Н.Ф. Малке есть следующая запись: «Попала на фронт самовольно, после разбирательства в прокуратуре Новороссийской военно-морской базы. Прибыла она из Потти, не желая служить в тыловых частях». В отряде майора Ц.Л. Куникова была военфельдшером. Погибла в бою 8 февраля 1943 года. Наград не имеет.

Марухно Нина Федоровна родилась в 1923 г. в Краснодарском крае. На фронт ушла добровольцем, в сентябре 1942 г. служила санинструктором в отдельной роте разведки Новороссийской военно-морской базы. Санинструктор Марухно в составе 2-й боевой группы

отряда Куникова высадились в первом эшелоне десанта в Станичке. За период недельных боев вынесла с поля боя более тридцати раненых. Есть мнение, что на мемориальном комплексе «Малая земля» в образе девушки – Нина Марухно. Награждена орденами Отечественной войны 2-й степени (1943 г.) и Красной Звезды (1943 г.).

Мудрак Клавдия Дмитриевна родилась в 1919 г. в Крыму. В армии с 1942 г., старший матрос. Ее боевая биография по документам военных лет не установлена. По воспоминаниям самой Клавдии Дмитриевны, в первую ночь высадки десанта в Станичке она отморозила ноги. Наград не имеет.

Романова Зинаида Ивановна родилась в 1923 г. в Крыму. На фронте с сентября 1941 года, принимала участие в обороне Севастополя и Новороссийска. В ночь на 4 февраля 1943 г. высадились в первом эшелоне десанта майора Ц.Л. Куникова в Станичке. Была ранена. Награждена орденом Отечественной войны 2-й степени (1943 г.) и медалью «За отвагу» (1942 г.).

Стришкова Лариса Михайловна родилась в 1925 г. в Одессе (Украина). Ушла на фронт добровольно в 1941 г. Участвовала в обороне Одессы и Севастополя. Дважды ранена. С января 1943 г. санинструктор в отряде Куникова, самая молодая девушка в отряде. Награждена орденом Красной Звезды.

Щетинина Любовь Захаровна родилась в 1923 г. в Краснодарском крае. На фронте с августа 1942 г., принимала участие в боях в составе 83-й морской стрелковой бригады. В ночь на 4 февраля 1943 г. в составе отряда была высажена морским десантом в Станичке, затем воевала в составе 255-й бригады морской пехоты. Значилась пропавшей без вести при проведении Керченско-Эльтигенской десантной операции. Установлено, что она не погибла, а попала в плен. После плена продолжила службу в армии. Награждена орденом Красной Звезды (1943 г.) и медалью «За отвагу» (1943 г.).



Но можем ли мы быть полностью уверены в том, что работа в этом направлении завершена. Скорее всего – нет. Наверняка в Центральном военно-морском архиве (г. Гатчина) или Центральном архиве Министерства обороны (г. Подольск) имеется полный список бойцов отряда майора Ц.Л. Куникова. Тех, кто в ночь на 4 февраля 1943 г. высадились морским десантом в Станичке. Сегодня же мы можем сказать, что установлены имена и судьбы четырнадцати девушек. Они наравне с мужчинами встали на защиту своего Отечества. И оставили в истории города-героя Новороссийска свои имена.

Из воспоминаний Ларисы Михайловны Стришковой

Тогда жизнь измерялась не сутками – часами. В ночь с третьего на четвертое февраля 1943 года на катерах мы вышли из Геленджика, не зажигая сигнальных огней. Даже сейчас, через тридцать пять лет, не понимаю, как нам удалось закрепиться на берегу. Никогда не забуду, как подошел ко мне Цезарь Куников, командир десантного отряда, посмотрел на мой распахнутый ворот гимнастерки, снял свой зеленый шарф и отдал мне. Настоял, когда стала отказываться: «Бери, тебе нужнее... Иди спасай раненых!» Из пламени боя мы выносили раненых бойцов и командиров с их оружием, боеприпасами. Ничего не хотели оставлять фашистам! Что нам давало силы? Убежденность, что иначе в такое трудное для родины время нельзя.

Из воспоминаний Надежды Степановны Лихацкой

Бои на Малой земле были тяжелыми. Помню, вошли в Станичку: домики белые, чистые, и вдруг взлетели самолеты, туча черная, и от Станички остались развалины. К утру пошел дождь, собирали воду для раненых. Казалось, что эти драгоценные капли дороже все-

го на свете. Моряки подставляли пригоршни, пили дождевые капли, как самый драгоценный напиток, а на второй день катерами была подвезена вода. И ни единой жалобы со стороны бойцов. Второй и третий день шли тяжелые бои, но люди стояли, как железные.

Из воспоминаний Марии Семеновны Виноградовой

Погиб майор Куников. Это случилось при мне. Выполнили задачу, и нас сняли с передовой. Ночью он пошел принимать танки на Косу. Он шел под снарядами, и один из них, попав на минное поле, взорвал мину. Осколок очень маленький, но поранил кость и ее же осколками нанес ранения в область поясницы. Это случилось около трех часов ночи, а в четыре я пришла к нему, он находился в двух километрах от штаба. Перевязала его, передела в чистое белье и эвакуировала в госпиталь. Там ему сделали операцию. Он был очень плох, а я у него все время сидела. В памяти бывал редко, все больше бредил – ругал, командовал. Четырнадцатого его хоронили. Была вся база.

Роман ТАЛДЫКИН,
учитель истории школы № 30, краевед,
Мария РОЩИНА,
ученица школы № 30 с. Абрау-Дюрсо

80 лет свободы

ЧТОБЫ НЕ РАЗЛУЧАТЬСЯ, ВЫМЕНИЛИ БИЛЕТ В КОНЦЛАГЕРЬ

Лето 1942 года, фронт приближался к Новороссийску. Налеты на город велись непрерывно, но бомбили в основном порт, железнодорожную станцию и элеватор. Известие о приближении врага вызвало в городе панику. Все понимали, что при захвате города будут сильные бои. Легенды о храбрости моряков, что они не сдаются, уже жили в народе.

Люди стремились выехать в окрестности города, чтобы избежать смерти под снарядами. Путь еще был свободен и на юг, в сторону Геленджика и Сочи, и на север, в сторону Абрау-Дюрсо и других окрестных деревень. Краснодар был оккупирован. Безусловно, надо было выезжать на юг, но наша семья и вся многочисленная родня была вывезена моим отцом в Озерейку, рядом с Абрау-Дюрсо. Решили, что в отдаленное от основной магистрали небольшое село немцы не войдут, не увидят его. Так наивно думали мои родители, они были совсем молодыми. Там мы встретились с отступающей нашей армией, и стала понятна ошибка, но транспорт у нас забрали, и нам пришлось остаться в этом селе. Потом в этих местах была передовая линия боёв. Новороссийск сдавали с боем, но не сдали его весь!

В южной части города было два рядом стоящих цементных завода «Пролетарий» и «Октябрь». С одной стороны, Маркотхский перевал, с другой – берег Черного моря. Завод «Октябрь» оставался в руках нашей армии всё время. Бои и обстрелы города велись ежедневно и ежечасно.

Наша семья вернулась в уже оккупированный город. И здесь начались ужасы. Мой отец Василий Евтихиевич, с яркой внешностью цыгана, сразу вынужден был скрываться, особенно от полицейских, которые были из местных жителей и хорошо его знали. Родители искали контактов с партизанами. В городе семья Суховерховых создала партизанский отряд,

и отцу удалось уйти в этот отряд. Больше мы его не видели, веселого, жизнерадостного родного человека. Почти весь партизанский отряд погиб. На моих глазах гибло много людей: моряки, военные и население. Их вешали, расстреливали и на это трагическое зрелище сгоняли силой население. Мне закрывали глаза, но ужас наполнял меня.

Почти каждый месяц высаживался десант моряков на голый, безлесый, просматриваемый участок суши – Малую Землю. Немцы вели массированный обстрел берега Малой Земли. Подойти к берегу катерам не было возможности. Десантники были смертниками. Иногда при отступлении некоторым удавалось скрыться у местного населения, некоторые попадали в плен, и участь была одна – повешение. На Малой Земле лет двадцать после войны не росла даже трава, все было в металле.

Семья Афанасьевых. Такими они вошли в войну.



Немцам жить спокойно не давали: взрывали поезда, высаживали морской десант, наносили точные удары артиллерией с цементного завода и с воздуха. В этом кошмаре наше главное убежище – прятаться под кроватью.

И так одиннадцать месяцев. Не знаю, как удалось выжить!

Лето 1943 года. Жили слухами. Пронесся слух, что наши войска на подступе к Новороссийску. Пишу «наши войска», так говорили все и, часто упуская слово «войска», просто говорили «наши». Немцы решили дать серьезный бой. Они предприняли такой маневр, который историки не могут до сих пор объяснить. За двадцать четыре часа всё население города до единого было вывезено в глухие предгорные места, в сторону Темрюка. Немецкая организационная машина провела перед вывозом селекцию всего населения: на молодых, способных работать, и пожилых людей, и детей. В нашей семье розовые талоны получили мама Валентина, 27 лет, и невестка Вера, жена маминого брата, 22 лет. Бабушке и мне выдали синие талоны. По талонам розового цвета людей угоняли в Германию, по синим отправляли в концлагерь. На сборы дали пять часов. Остро в памяти с болью воспоминания сохранилась одна картина. По соседству жила семья: жена Евдокия, трое детей и муж инвалид без ног. И вот в день изгнания из города я увидела тетю Дусю, которая вместо рюкзака с вещами несла своего мужа, рядом шли дети, старшему было не больше десяти. Дети несли маленькие мешочки с вещами. Мне хотелось разреветься от жалости к этой женщине.

Чтобы не разлучаться, можно было поменять розовые талоны на синие и всем отправляться в концлагерь. Наша семья так и поступила. Концлагерь – территория, обнесенная несколькими рядами колючей проволоки. Выкопали землянки. Еда – только то, что давали немцы. У меня проявились цыганские наклонности – пробудилось какое-то видение настоящего и будущего. За мое гадание мне несли еду, и потом, уже после войны, приходили люди к нам в дом и благодарили. Из лагеря начались побег. Боялись, что при подходе наших войск всех лагерных расстреляют.

Нам удалось договориться с охранниками (они были из полиции) о побеге. Отдав им все ценности, которых было немного, но оказалось достаточным, удалось бежать. Но удача была недолгой. К селу, в котором мы скрывались, подходили наши войска, но население вело себя по-разному. Нас предали. Хозяйка дома, в котором мы скрывались, заявила в гестапо, что у неё в доме беглые. В момент облавы мама и я были в деревне. Возвращаясь, мы увидели, что бабушку и невестку гонят на деревенскую площадь, где стояли немецкие

машины, готовые для отступления. Бабушка нам подавала знаки, чтобы мы проходили мимо. Мама не поняла и, взяв меня на руки, подошла к родным. Перед немцем, офицером гестапо, на безлюдной площади стояли три женщины и ребенок. Наша невестка была верующей. Она из сумки вынула икону Божьей Матери, с которой не расставалась, и держала её на вытянутых руках. Немец дрогнул. Крикнул, чтобы мы уходили прочь. Взрослые не верили в удачу, думая, что он не хотел расстреливать нас в лицо и выстрел грянет, когда мы побежим. Но он, видимо, не сводил счеты с безоружными людьми. Мы были спасены.

16 сентября 1943 года Новороссийск был освобожден. Город полностью разрушен и частично заминирован. Мы вернулись 20 сентября. Везде зияли воронки, а в них трупы, трупы. Теплый сентябрь и трупный запах, страшно! Население подключилось к уборке города, но воронки оставались долго.

Наш дом был полностью разрушен. Разрешалось занимать любую уцелевшую коммунальную квартиру. Рядом с нашим домом нашлось такое жилье. С первого октября начали работать школы, и я с радостью пошла в первый класс. Счастье было несказанное. Но война для новороссийцев не окончилась. Гибли мальчики, подрываясь на минах или раскручивая валяющиеся везде гранаты и снаряды. По улицам на деревянных колясках передвигались солдаты-инвалиды. Смотреть было больно. Вернулся из госпиталя после ранения мой дядя в возрасте 22 лет.

Мирное время, но все, кто был в оккупации, попали под подозрение. Многих арестовали. Последствия оккупации преследовали меня до 45 лет. Несмотря на то что мне было шесть лет на начало войны, в биографии и личном листке всегда приходилось писать: была в оккупации, отец без вести пропал – эти два пункта биографии всегда ограничивали мои возможности. Я не понимала своей вины, почему ребёнку предъявили счёт за безумства войны.

Войну невозможно забыть. Не обо всём пережитом даже можно написать, настолько это страшно. Не зря, все кто пережил оккупацию, готовы терпеть любые послевоенные лишения, говоря: «Лишь бы не было войны». И как заклинание: любое поколение всеми силами своего сознания и души должно усмирять воинствующие силы человечества.

Лиля АФАНАСЬЕВА
(Елизавета Васильевна Фрейдина, профессор, д. т. н.)

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА МАРКОВА МАТЕРИ

Владимир
Марков
13.9.44 года

Здравствуй мама!

Хотя с большим трудом, но вышлю
свое обещание писать тебе хотя
несколько слов в неделю.

Вообще то для меня то это очень
трудно. Вчера получил от Виктора
свое письмо обратно. Очень
встревожилась. Неужели что случилось?
Успокаиваюсь только тем что я
вместо ПП. 11241 "Н" написал "11241, 84"
Думаю, что это неправильный
адрес и поэтому письмо вернется.
Здоровье мое хорошее. Одна
из ран зажила совсем, вторая
подживает. Работать опять
на своем месте. Там уже неделю
было. Здесь все еще.

Тысячи дна к тому назад, когда еще
не было на поверхности. Судя по
непрямая. Прибалтийской или арктической
и Фридрих: "Тов. в. в. в. в. материк"
привезли именно железо."
У меня просто обрвалось что
то внутри и в магазине зеркала
не только как Висconsin и Брай
в сам-лвод Трибуна, земли.
А и меня. Возле него Европа,
и именно немейкацкий который
привезли то. А только как-то
на мне что не море севернее,
они вопиют и не забывай.
И okazось, что майар совет
не прав, а у него было много
первых распрямлено (с разгромом
менях моменше разбить).

стр. 2

Старшая дна с Севером
едва, и вперед. Судя по
Система более менее поделена.
Но ему было нечего. Будет очень
судно и мороз как от уделит.
С ним же в очень короткое время
меш. За него не делаются.

Все идет как раз.
Судно уже пошло домой,
мне же только восточнее
Судно конечно, не будет серьезно
привести все судно. Ну как

Договорились, пока все в себе.
Постараюсь на море и в Восточной
Не устаете вы меня. Как?
В кандела море и в море
замечать мне. Судно и море, море
не меняется? Какими годами. Нет
их судно, а вы и море.

стр. 3

...ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Пожарные города

Павел Афанасьевич ЧЕРНЫШЕВ

Родился я 28 июня 1890 года в Калужской губернии Спассо-Деменского района, д. Утриково, в семье крестьянина.

В 1911 году приехал в г. Новороссийск на заработки. Поступил работать на ц/з «Пролетарий» в бондарный цех. Проработал два года. В 1913 году меня призвали в армию. Служил в 15 гренадерском Тифлисском полку в г. Тифлисе. С 1914 по 1918 год участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте (под Минском). Заслужил четыре медали.



В феврале 1918 года был демобилизован и уехал с фронта домой в деревню, а в августе приехал снова в г. Новороссийск и поступил в пожарную команду. Пришли мы двое, а начальник и говорит, одного возьму, а другого нет, так как больше нет

мест. Начальником команды был Сергей Васильевич Осин, родом из Тамбова. Принял он меня, т. к. у меня не было семьи. Дали мне коня, бочку и стал я работать в пожарной охране. Развозил воду в больницу, милицию, «Боржом» (где жили беспризорные) (информация по этому учреждению нами не найдена – ред.), в госпиталь.

Жалованье мне платили 15 рублей в месяц. За дневной заработок можно было купить всего лишь одно яйцо и поэтому приходилось подрабатывать. Кто сапожничал (8 человек из 14), кто возил воду.

На вооружении в то время в пожарной команде было:

- ручной насос, в который запрягали пару лошадей;
- пять рукавов, годных на 50%;
- четыре бочки на 40 ведер;
- багорный ход – пароконный*;
- лестница 12 м;
- пожарная машина (паровой насос) **

была только на цемзаводе (старом).

15 августа 1918 года город заняли денкиинцы под командованием генерала Покровского. Начались дни хозяйничанья белогвардейцев, которые расстреливали коммунистов, матросов, устраивали погромы в рабочих кварталах. Но работников пожарной охраны они не трогали.

В горах, за перевалом, действовали отряды красно-зеленых партизан. Часто их разведчики приходили тайно в город и прятались у нас. Мы им оказывали посильную помощь, кормили, прятали от белых в конюшнях. При-



ходили разведчики, как правило, ночью, переночуют, а утром, имея пропуск, одевались в белогвардейскую форму и шли в город на разведку. Долго не задерживались, чтобы никто их не выдал, т. к. многие из них были новороссийцы. Часто к нам приходила группа 8–10 человек под командованием бывшего унтер-офицера Чеботарева, брата нашего бывшего работника (с 1918 по 1935 г.).

Пожары в этот период были частые (до семи пожаров). На пожар приходилось ходить пешком, т. к. белые забрали всех лошадей. 27 марта 1920 года части Красной Армии ворвались в город и освободили его от белогвардейцев.



1927 Пожарная команда. Чернышев второй слева сидит, рядом с пожарным у которого трость в руках

В городе осталось много трофеев, и мы смогли наловить себе хороших лошадей в обоз и сформировали пожарную команду. Личный состав сохранился полностью, несмотря на белый террор.

В боях с белыми не участвовал.

После ухода белых началась нормальная жизнь, и начали тушить пожары. Пожарная команда была в ведении Горкомхоза. Жалованье платили также 15 рублей в месяц, чего явно не хватало. Дежурство было круглосуточное, жили при команде.

В 1924 году поступил к нам начальником команды Анатолий Илларионович Стрельцов. Первым делом он обул и одел

команду. Под его руководством было построено новое здание пожарной службы, приобретено три машины по 200 ведер каждая («Фиат» и две «Рено»), приобретено 500 метров пожарных рукавов, перешли с винтовых гаек на гайки Шторца. По городу установили 12 кранов для стендеров. В 1925 году поступила машина с насосом новой марки.

С 1918 по 1927 гг. крупных пожаров в городе не было. Первый крупный пожар произошел в июле 1927 года. Поезд с 24 цистернами с нефтью шел из Краснодара, а паровоз по ошибке был пущен навстречу и в районе ж.д. петли они столкнулись. Загорелось 22 цистерны. Руководил тушением пожара начальник п/к Прокофий Иванович Зайцев. Пожар был локализован и не распространился на ближайшие постройки.

В июле 1931 года во время грозы от удара молнии загорелась емкость с бензином на складе Нефтесиндиката (район больницы моряков). 30 часов тушили этот пожар и не дали ему распространиться на соседнюю емкость и горящего бензина на город и порт.

В 1934 году, в конце декабря, загорелся упаковочный цех ц/з «Пролетарий» – строение было деревянным и все сгорело. Тушением этого пожара руководил Григорий Яковлевич Остапюк, начальник ПК ц/завода.



1927 год Новоросийск. Работники пожарной части Новоросийского порта

Работая до войны на ц/з «Пролетарий» с 1931 по 1941 год, я все время был ударником, стахановцем, выполнял норму на 150%. Неоднократно премирован. 12 июля 1941 года я был призван в Красную Армию и зачислен в рабочий батальон, с которым прошел всю войну. Ранен не был ни в Первую мировую, ни во Вторую. Имею боевые награды «За оборону Кавказа», «За победу над Германией».

С 1945 по 1956 год работал на рыбзаводе в пожарно-сторожевой охране с этой должности и ушел в 1956 году на пенсию. По 1966 год работал сторожем на складе Рыбтреста.

запись 3 июня 1974 года
предоставлена Ларисой ДЬЯЧКОВОЙ,
исследователем истории пожарной охраны г. Новороссийска

*В те времена, применялись пожарные обозы – четыре телеги, запряженные лошадьми. Первый ход перевозил бочку с водой, позади которой находился насос, с помощью него вода выходила из бочки по пожарным рукавам. Вторая ход – багорный (обычно возил топоры, лопаты, ломы, багры и ведра) Третий – рукавный ход. На последней телеге перевозили личный состав.

**В 1858 г. фирмой «Ковель-Йорск» создается первый паровой пожарный автомобиль. Внешний вид его напоминал паровоз. Обслуживали его 2 человека, один из которых непосредственно управлял движением, а другой следил за работой паровой машины. Производительность парового поршневого насоса составляла 5 тыс. л/мин при давлении 5 атм. Первые пожарные автомобили оказались крайне неудобными. Дело в том, что для поднятия давления пара до 10-12 атм. затрачивалось 10-15 минут. Поэтому для обеспечения постоянной готовности к выезду необходимо было все время поддерживать давление пара в котле до 4-6 атм. Кроме того, они передвигались с малой скоростью и выезжали на пожар после конного обоза. Прибытие такой техники через 15-20 минут после развития пожара оказывалось бесполезным – команда приезжала на пепелище.

Задача быстрого разведения паров подобных насосов была решена русским изобретателем А. Шпаковским.

Сыновья благодарности

ИМ ТАКАЯ СУДЬБА, ИМ СУРОВАЯ ДОЛЯ ДОСТАЛАСЬ...

Прошло больше восьмидесяти лет с начала Великой Отечественной войны. Мое поколение воспитывалось именно теми, кто принес победу. Мы с упоением читали книги, слушали рассказы участников боевых сражений и страшно гордились ими. В то же время очень хотелось знать, как воевал наш отец, Василий Семенович Козьмин, но на все наши вопросы ответ был коротким: «Вам об этом лучше не знать». Даже его мама, наша бабушка, могла сообщить лишь, что он был в плену. Все изменилось в 1973 году. В один из осенних вечеров к дому, где проживали мои родители в ст. Натухаевской, подошла группа школьников. Это были «юные следопыты» нашей школы. Они сообщили, что в Аджимушкайских катакомбах Керчи экспедиция журнала «Вокруг света» и ЦК ВЛКСМ обнаружила два солдатских медальона, один из которых на имя сержанта В.С. Козьмина. После того как ребята списались с Керченским музеем, стали известны не-



В. С. Козьмин

которые факты его участия в героической обороне подземного гарнизона Аджимушкай. А сам отец продолжал молчать.

Прошли годы, в 1982 году не стало отца, и только в 2010 году мне в руки попала коробочка из-под обуви, в которой чудом сохранились письма и черновики воспоминаний отца. Читая их, я понял, как жестоко прошла по его судьбе и судьбам миллионов людей война.

Его воспоминания от первого лица, без правок и домыслов, ярко передают события тех не легких, трагических лет.

Мой отец Василий Семенович Козьмин родился 28 января 1918 года в городе Новороссийске. Семья жила во дворе управления порта, и все детство его проходило у моря.

Окончив семь классов, поступил в Одесскую школу плавсостава на моториста, с 1934 года работал на водном транспорте. В 1938 году призван на военную службу, службу проходил в горных районах Армении, откуда ушел на фронт. В 1941 году во время Керченско-Феодосийской операции в Крыму его артиллерийский полк, понеся огромные потери, отступил к Тамани. Многие бойцы из разных частей заняли оборону в Аджимушкских катакомбах. Вот как отец описывал события тех дней: «В Аджимушкские каменоломни попал после того, как наш артиллерийский дивизион ... прикрывая отход наших войск, совместно с дивизионом «Катюш» и дивизионом пушек (вернее то, что оставалось от дивизионов) дошел до Керчи. Последний раз вели огонь на окраине города, где и кон-



В. С. Козьмин

чился весь боезапас. После этого отошли к причалу завода им. Войкова ... Дело было вечером, надежды переправиться с материальной частью не было, сняв замки с орудий, личный состав ушел на переправу к маяку, который находится на проливе. В это время я был в поисках нашей штабной машины. Вернувшись, нашел только орудия без замков.

Еще с вечера на железнодорожной насыпи я видел редкую цепь бойцов, которые вели огонь. Пошел туда, занял пустую ячейку, рядом оказался боец-пограничник. На следующий день противник вел в основном минометный огонь, активных действий не предпринимал. Вечером стали отходить к берегу. Я стал готовиться к переправе, когда наверху, слышу, объявляют, чтобы подходили, будут говорить. Пошел послушать. Собрались в лощине, на подводу поднялся танкист в шинели (звания не разглядел): «Наши отцы и деды били всех



Подполковник Г. М. Бурмин,
сменивший погибшего
П. М. Ягунова.

незванных пришельцев, и немцев в их числе, так почему мы должны отступить?»

Нас собрал подполковник Бурмин. Его обращение к собравшимся было такой силы, что каждый почувствовал себя виновным в том, что произошло, а ведь я был уверен, что среди нас были в основном те, кто отошел с последнего рубежа — железнодорожной насыпи. Он объяснил обстановку, в то время еще сражалась крепость Аджимушкай, малые каменоломни. Сказанное им вселило в нас веру, что не все потеряно. Мы заняли оборону в колонке «Войкова», буквально врывшись в землю, штаб находился на фабрике-кухне (так она называлась в то время).

Уже утром враг почувствовал, что имеет дело не с деморализованным противником, а с боеспособным, хорошо укрепленным отрядом. В то утро мы подбили танк, забросав бутылками с горючей жидкостью. Держали оборону несколько суток. Потеряв надежду на ожидаемую поддержку, решили прорываться на соединение с частями, ведущими бой в Аджимушкских каменоломнях. Ночью по сигналу ракеты с криками «Ура!» и стрельбой мы пошли на прорыв. Враг побросал свои огневые точки вместе с пулеметами. То же было и на желез-



Командир
подземного гарнизона
полковник П. М. Ягунов.

нодорожной насыпи, которую нам пришлось переходить. На ходу, уничтожая оставленную противником технику, мы достигли каменоломен.

По всему городу поднялась стрельба, по всей видимости, наш прорыв приняли за десант. При таких обстоятельствах я попал в каменоломни. Мы были последними, кто туда прорвался. Я был зачислен во второй батальон.

Противник перешел на обстрел наших позиций минометным огнем, плотность огня была очень большая, число убитых и раненых росло. Надежды на взаимодействие с другими частями не было.

В подразделениях проводили политинформации, сообщали положение на фронтах, ставили задачи. А нужно было отвлечь на себя сил противника, тем самым помочь действующим войскам. Ночью наш батальон совершил вылазку, внезапным ударом отбросили противника к границам города. Крайние дома были заняты нами, но враг открыл огонь с флангов, последовала команда отходить, чтобы мы не оказались отрезаны от своих. Через непродолжительное время враг пустил газ в каменоломни. В это время я находился в охране штолен вместе с напарником, которого послал получить паек. Дело было с утра, я сидел на каменной глыбе у выхода. За спиной послышался гул. Обернувшись, увидел, что движется черная стена. Я понял, что это, когда газ был уже близко, можно было различить клубы. Слышно было приближение бегущих людей, гул стоял от топота. Я лег за камень, расстегнул гимнастерку, слюной смочил ее, прижав к носу, стал дышать. За дымом мне не было видно, что происходило наверху, слышны были крики, автоматные очереди. Я оставался у входа до вечера. Мой напарник не появлялся, из штолен не было слышно признаков жизни. Когда концентрация газа стала слабее, я зажег телефонный кабель, чтобы хоть немного осветить путь, и пошел вглубь, кругом стояла тишина.

Там, где когда-то находились люди, все было разбросано, увидел лежащего человека, то был капитан, вероятно, застрелился, в руке пистолет, голова в крови, в стороне еще лежал человек. Это то, что было в полосе света, я спешил найти живых. Пройдя дальше, услышал голоса, это были бойцы, искавшие свои подразделения. Нас уже было четверо, мы вышли в расположение полевой пекарни, здесь встретили старшину, который нам сказал, чтобы мы устраивались на ночлег. Утром пришел старшина и отвел нас в небольшой склад, там было в немного консервов, печенья, вина. Все это мы перенесли в другое место, точное расположение его я не запомнил. Старшина дал нам бутылку вина и банку консервов, потом отвел нас к штабу, где были посыльные батальонов, которые отводили подходивших по подразделениям.

Штольня, занимаемая нами, была уже завешена одеялами, нас человек десять, остальные, где-то так же занимают небольшие штольни, что дает возможность отгораживаться от газа. Ежедневно заняты в охране входов, в свободное время, которого мало, стараемся лежать, если можно – дремать, расходовать меньше энергии, паек на сутки дошел до ложки сахара и 25-граммовой лепешки.

С утра немцы затравливают нас газом, бросают дымовые пашки, мы оттягиваем их в сторону, накрываем, засыпаем землей. Но немцы вслед за пашками бросают гранаты. Концентрация газа большая и рассеивается только к утру.

Ходили однажды утром на вылазку батальоном, нас было с полсотни. Попали на немцев, они забросали нас гранатами. Одна разорвалась с другой стороны камня, за который я спрятал голову. Очнулся, меня тащили два бойца по проходу, в правом плече чувствовал боль, горела фуфайка на плече.

Госпиталь располагался в помещении треугольной формы, вход находился в одном из углов. Возле входа меня перевязали две женщины, медики, та, что помоложе была, видимо, старшей. Осколок прошел через фуфайку, сорвал кожу, основное – ожог, но рука работала. Я собирался уходить в подразделение, находиться здесь было тяжело, раненые лежали на полу один к одному, занимая все помещение. Впечатление, что лежат мертвые, не то, что звука, дыхания не слышно. Та, что моложе, велела санитару провести меня туда, где собирают воду. Моя задача – расставлять консервные банки в места, где падали капли с потолка, через время сливать во флягу. Дня два я собирал влагу, потом ушел в подразделение.

В один из дней нам была дана команда копать колодец с целью поиска воды. Старший сам закладывал взрывчатку и взрывал, а мы с помощью топора, штыков от автоматических винтовок, котелков (ими мы подавали породу наверх) прокопали около двух метров. Колодец копали в тупиковой штольне, чтобы к нему добраться, необходимо подняться по осыпи вверх. Перед подъемом, если смотреть вверх с левой стороны есть небольшая терраска (уступ скалы) там присыпан был боец, одна нога в обмотке и ботинке выглядывала из-под камней. Эта нога была на уровне входа в штольню, за ногу мы подтягивались, влезая в штольню. Во время очередной вылазки мы оказались отрезаны от входа в штольню и спрятались в узкой расщелине под сопкой.

Метрах в двустах-трёхстах находились вражеские траншеи с интервалом метров в сто. День прошел. Вечером на заходе солнца у подножия сопки собралась группа немцев, вероятно,

Kosmin	1. Name: <u>KOSMIN</u> Фамилия <u>КОСМИН</u>
	2. Vornamen: <u>WASILIJ</u> Имя <u>ВАСИЛИЙ</u>
	3. Geburtstag: <u>28/1-1918</u> День рождения
	4. Geburtsort: <u>г. Новороссийск</u> Место рождения
	5. Lager: <u>STALAG X B</u> Лагерь
	5a. Im Lager eingeliefert am: <u>9/11-42</u> Доставлен в лагерь (число)
	6. Dienstgrad: <u>Soldat</u> Чин <u>Солдат</u>
	7. Truppenteil: <u>687 Art. u.</u> Войсковая часть <u>Биннинг 26. 11. 42</u>
8. Nr. der Erkennungs-marke des deutschen Lagers: Номер посылочного в германском лагере <u>137742</u>	

но, наряд ночного патрулирования. Они обнаружили нас, подняли тревогу, наряд окружил нас, мы стояли в расщелине плечом к плечу, из нее выбраться можно только по одному, что мы и стали делать, другого выхода не оставалось, немцу достаточно было бросить гранату на нас сверху, на этом все бы кончилось. Во время боя весь наш боезапас был израсходован. У меня в сапоге была спрятана граната, а вот достать ее не было возможности.

Со мной были два молодых бойца, но немцы нас развели, меня стали избивать и буквально сорвали с ноги сапог, в котором была спрятана «лимонка». Мне запомнилось место, куда нас привели в последний раз. Это где-то в районе школы им. Пушкина в сторону от порта. Улица одноэтажная, дом с крыльцом, напротив двор с арочными воротами, там стояли жильцы, посылали детвору с хлебом, они должны помнить. Меня держали в стороне от остальных, я

был с разбитым лицом, босой, и ко мне никого не допускали. Немецкий офицер приказал меня расстрелять и поручил это румынам. По неизвестным причинам румынский офицер проникся ко мне уважением, дал закурить и отвез меня в лагерь военнопленных, благо он был рядом. Далее долгий путь по лагерям».

Отец был доставлен в концлагерь StalagXB, расположенный на севере Германии 9 ноября 1942 года. Затем лагерь в Австрии, в районе города Инсбрук. В конце войны с группой военнопленных удалось прорваться в сторону Швейцарии.

В архивах ФСБ в 2020 году были опубликованы рассекреченные данные, из которых мы узнали об одном из концлагерей, в котором находился отец. Поиск продолжается, есть надежда, что белые пятна его биографии станут известны.

С 1945 по 1946 год он продолжил службу в 181-м гаубичном артиллерийском полку. После демобилизации в родном Новороссийске он не нашел ни дома, ни родных. В живых осталась только мама в ст. Натухаевской, куда она, израненная, была вывезена из города. Отец, три сестры и двое их малолетних детей погибли от попадания снаряда в дом. Но это уже другая история трагедий нашего города и нашего рода.

Петр КОЗЬМИН,
создатель семейного музея

ПАЛ ЖЕРТВОЙ ИНТРИГ

...В этом месте мы свернем ненадолго со столбовой дороги героического нарратива, чтобы затронуть довольно деликатную тему.

Речь пойдет о роли и месте кадровых интриг в практике местного партийно-хозяйственного бомонда тех лет.

Одна современная писательница чутко уловила суть дела: «Интрига – как поединок. Должен быть всего один удар, но смертельный. А гоняться друг за другом и тыкать мечами – фи. Это недостойно профессионала».

Яков Швыдков, первый секретарь Новороссийского горкома партии, на исходе 1973 года пал жертвой высокопрофессиональной интриги. «Смертельный удар» был нанесен ему молниеносно, в тот самый момент, когда он, несомненно, готовился встречать в Новороссийске «дорогого Леонида Ильича». Дата визита оставалась открытой, но ведь Брежнев никогда не скрывал своего желания лично вручить городу-герою высшие награды Родины. Нужно было только немного подождать. Однако это яркое событие, как известно, прошло без участия Швыдкова...

Яков Григорьевич родился 31 марта 1920 года на хуторе Кружилин. Благодаря имени-тому земляку Михаилу Шолохову адрес этот уточнений не требует.

Родители – Григорий Павлович и Васса Васильевна – появились на свет на Дону, но предки их были крестьянами Воронежской губернии.

Григорий Павлович содержал семью за счет пошива хуторянам полушубков и другой верхней одежды. Промысел востребованный и доходный, однако находились казаки, которые задирали нос перед портным «не казацкого рода». Но то была всем известная нелюбовь казаков-станичников вообще к «иногородним». Каково же было удивление Якова Швыдкова, когда он столкнулся с фактами бытовой ксенофобии в современном ему Новороссийске, славившемся своими традициями дружбы народов.

Василий Швыдков, проживший свой век в Кружилине, в разговоре с младшим братом Яковом заметил как-то: «В сельсовет всё пишут, интересуются, какого ты происхождения, какой нации...» Станный интерес. Ведь в «пятой графе» любой из анкет партфункционера Швыдкова было четко указано – русский. Кем Яков Григорьевич всегда и был. Но даже если бы всё обстояло иначе? «Разве существует преступная национальность?», – задал однажды риторический вопрос корреспонденту местной газеты герой нашего повествования...

Молодость Якова Швыдкова пришлась на годы войны и первые послевоенные годы. Служить ему довелось на Северном флоте в должности торпедного электрика на Краснознаменном лидере эсминцев «Баку». В военное время старшина второй статьи Швыдков участвовал в конвоировании транспортов союзников, в набегах на германские конвои у берегов Норвегии. На Севере же встретил Победу. Демобилизовался в марте 47-го. Тогда же решил бросить якорь на Кубани. Первое время работал в станице Северской в местном райисполкоме. Но, как часто бывает, «море звало», и той же осенью Яков Григорьевич переехал в портовый город Туапсе.

Через два года фронтовика и члена ВКП(б) выдвигают на освобожденную партийную работу. Карьерная лестница не была для Швыдкова чрезмерна крутой, через ступени он не



Я. Г. Швыдков

перепрыгивал, и первым секретарем Туапсинского горкома партии стал вполне заслуженно по прошествии многих лет руководящей работы. А в мае 1967 года бюро краевого комитета партии рекомендовало Якова Григорьевича Швыдкова на пост первого секретаря Новороссийского ГК КПСС.

Это событие стало полной неожиданностью и для туапсинцев, и для самого Швыдкова. Дело в том, что «новороссийская вакансия» образовалась волей неприятного случая. Первый секретарь местного горкома партии, находясь подшофе, сел за руль. В итоге произошла авария, в которой оказались пострадавшие. Виновник был наказан, но без лишнего шума, исключительно по партийной линии...

Избрание Якова Григорьевича лидером партийной организации Новороссийска прошло гладко. Как вспоминала впоследствии многолетний руководитель отрасли культуры Кубани Марина Шапиро, «город доверился Швыдкову. Швыдков доверил себя городу». И как-то! В пропагандистском плане Новороссийск в то время уже был основательно «раскручен». По крайней мере, в коридорах краевой власти прекрасно знали, откуда и куда дуют новые ветры. Ведь всего лишь год назад Новороссийск стал орденосным...

Впрочем, уже первое знакомство Швыдкова со «своим» городом заставило его крепко задуматься. Тогда же в личном дневнике первого секретаря появилась не слишком политкорректная запись: «После первых недель знакомства с городом у меня складывается впечатление, что вокруг Новороссийска искусственно создали «золотой нимб» славы. Все видят только эту внешнюю позолоченную оболочку, а вот вовнутрь никто не хочет заглянуть, никто не

хочет детально разобраться, как и чем живет город. Городу явно недостаточно уделяется внимания со стороны крайисполкома. Новороссийск по своей значимости и экономическому потенциалу можно сравнить с Краснодаром, но по уделяемому ему вниманию он далеко позади столицы края. Так, захолустный городишко. Пищевые предприятия находятся в запущенном состоянии. Фекальной канализации нет, ливневой – нет. Водоснабжение – на критическом



Сытеников, Поляков, Медунов, Брежнев, Голиков

уровне. Город-порт, да еще какой! А внимания, на удивление, минимум...»

И вот за решение этих и многих других проблем Новороссийска Швыдков берется в свойственном ему духе – энергично и целеустремленно.

Старожилы города, не сговариваясь, указывают на «три главных дела Якова Швыдкова в Новороссийске»:

1. Пуск первой очереди троллейбуса в 1968 году.
2. Приход в город «большой воды» в 1971 году.
3. Начало строительства в 1971 году завода крупнопанельного домостроения.

Разумеется, планы этих значимых для города свершений верстались задолго до появления в Новороссийске Швыдкова. И причастных к этим знаковым достижениям было великое множество. Но именно неукротимая энергия и организаторский талант Швыдкова, по мнению посвященных в историю вопроса, способствовали тому, что всё намеченное было выполнено в срок или даже досрочно. В качестве примера возьмем «вечный» для Новороссийска вопрос – устойчивое водоснабжение города. Швыдков «принял» Новороссийск в сложной ситуации с водоснабжением. А к осени 1968 года ситуация эта стала и вовсе крити-

ческой. За полгода не выпало ни капли осадков. Неберджаевское водохранилище (главный источник воды для города) почти пересохло. Пришлось городским властям срочно создавать чрезвычайную комиссию. Вместе с председателем горисполкома Сорокиным они едут в Туапсе и Сочи. Договариваются о доставке питьевой воды в Новороссийск танкерами. Те работают круглосуточно, челночным методом. Вскоре острота проблемы заметно снижается. «Трудности нас всегда дисциплинируют», – замечает в своем дневнике Яков Григорьевич. Всё верно, однако возить воду танкерами – мера вынужденная и очень затратная. За несколько месяцев расходы на подвоз воды составили 700 тысяч рублей. Еще тех, советских, когда килограмм белого хлеба стоил 20 копеек... Решить проблему кардинально можно было лишь после завершения строительства водопровода «Троицкая – Новороссийск». Но правительство наметило окончание этой судьбоносной стройки только в 1975 году. Ждать целых семь лет? Немыслимое дело!

Первый секретарь крайкома КПСС Григорий Золотухин кладет на стол главы советского правительства Алексея Косыгина просьбу новоросийцев о сокращение сроков строительства водопровода на три года. Председатель союзного Совмина визирует документ. Но пока это лишь бумага... В июле 1969 года уже Швыдков и Сорокин едут в Москву. Без предварительной записи прорываются на прием к одному из первых лиц Госплана СССР с целью «согласований, увязок и утрясок» по ключевым вопросам строительства Троицкого водовода. И вот – несказанная удача! Практически всё у них получилось.

В результате титанических усилий руководства города, большого числа трудовых коллективов и массового энтузиазма горожан «большая вода» пришла в Новороссийск уже в начале ноября 1971 года. 4 ноября на главной площади города высоко в небо взметнулся долгожданный фонтан. Участники торжественного митинга «со стаканами, кружками кинулись к водяному столбу, ловя живительную влагу» (из записи в дневнике Я.Г. Швыдкова). А перед этим на митинге была оглашена приветственная телеграмма Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева...

В дальнейшем в жизни Якова Швыдкова случатся и другие яркие победы.

Какое-то время ему словом и делом помогал руководитель одного из важнейших предприятий города Орест Сычеников. Оба руководителя были знакомы еще с 50-х по совместной партийной работе в Туапсе. Так получалось, что Яков Григорьевич, со временем, «занимал кресла», в которых уже успел посидеть Орест Александрович. И в Туапсе, и в Новороссийске.

Карьерные пути почтенных мужей разошлись лишь после того, как Сычеников возглавил сначала Управление нефтеналивного флота, переведенное весной 1964 года из Одессы в Новороссийск, а затем и созданное на его основе в январе 1967 года Новороссийское морское пароходство.

Казалось бы, должность партийного лидера всегда являлась ключевой практически в любом советском городе. Но на деле не всегда было так.

В свое время Сычеников, перейдя из партийного аппарата на хозяйственную работу, не только не утратил прежнего административного ресурса, но и успешно его нарастил. Что неудивительно, ведь пароходство – это город в городе. И в руках начальника пароходства управленческих рычагов оказалось явно не меньше, чем у первого лица города. К сожалению, Швыдков не захотел (или не смог) трезво оценить реальную «конфигурацию местной власти». Почему «к сожалению»? Так в этом и заключается суть назревшего тогда конфликта.



Все помнят гоголевскую историю о том, как поссорились два старых приятеля – Иван Иванович и Иван Никифорович. Практически на пустом месте поссорились. А в нашей истории место это оказалось отнюдь не пустым.

Сычеников справедливо полагал, что роль Новороссийского морского пароходства не сводится к роли обычного хозяйствующего субъекта, которым может «помыкать» горком партии и его первый секретарь. Ведь речь шла о серьезных государственных интересах, о дорогостоящих активах, о возможности зарабатывать столь необходимую стране валюту. Понятно, что и статус начальника пароходства в этом случае оказывался уникальным. Осознавая это, Орест Александрович ненавязчиво предлагал Якову Григорьевичу обменять «ружье на бурую свинью», точнее сказать, мирно сосуществовать в городе по принципу «Ты мне – я тебе».

Швыдкова такой подход не устроил. Он явно не собирался сохранять приятельские отношения ценой беспринципности, при которой горком партии должен был бы отказаться от самой возможности критиковать пароходство и его партком, поскольку это воспринималось бы «как посягательство на авторитет, на права лично Сыченикова». Открытой войны бывшим приятелям удалось избежать, но отношения между ними вскоре окончательно расстроились. Повод для «тихой ссоры» нашелся, что называется, на бытовой почве. Вот как эту историю изложил Яков Григорьевич.

«Как-то после вечерней прогулки пригласил он (Сычеников – авт.) меня с женой к себе. Его супруга быстро накрыла стол. Слово за слово, оказалось, жена Сыченикова в партийно-государственной кухне разбирается куда лучше, чем в домашней. Мы ушли, и я сказал жене: «Больше ни ты, ни я не переступим порог этой квартиры».

Дальше – больше. При удобном случае Швыдков прямо сказал Сыченикову: «Меня сюда направили, насколько я понимаю, не для того, чтобы служить секретарем при тебе, а для того, чтобы работать секретарем городской партийной организации. И иного не будет».



Точка невозврата была пройдена. Сычеников, как опытный аппаратчик, и виду не подал, что слова Швыдкова его задели. Но выводы для себя сделал...

Тем временем приближалась круглая дата – тридцатилетие со дня освобождения Новороссийска от нацистских захватчиков. 14 сентября 1973 года, в обед, в кабинете Швыдкова раздался звонок по ВЧ. На проводе был Брежнев. В ходе непродолжительного разговора Леонид Ильич сообщил Якову Григорьевичу радостную весть – Новороссийску и Керчи присвоено высокое звание «Город-герой». Далее Генеральный секретарь уточнил некоторые моменты, касающиеся программы праздничных мероприятий в Новороссийске, и дал ряд указаний по поводу обнародования его приветственного письма и поздравительной телеграммы, адресованных жителям города-героя.

На следующий день Брежнев вновь позвонил в Новороссийск. Видимо, решил обсудить со Швыдковым дополнительные детали события, которое явно взволновало и самого советского лидера. В тот момент радость Швыдкова не знала границ. Но вскоре она была омрачена демонстративным молчанием краевого начальства. А в это время Кубанью уже несколько месяцев рулил Сергей Медунов, который, как вскоре выяснилось, очень ревностно относился к любым контактам его подчиненных с лицами, стоявшими выше него на ступенях властной иерархии.

Яков Григорьевич сразу же осознал надвигающуюся угрозу, записав в своем дневнике: «А Краснодар молчит... Не нравится мне в этом плане поведение С.Ф. (Сергея Федоровича Медунова – авт.). Поправить, видимо, я уже не смогу. Сказывается настроение, идущее через

О.А. (Ореста Александровича Сыченикова – авт.), В.А. (Виктора Андреевича Голикова – авт.). Наплевать на всё. Работать, работать, работать, пока бьется сердце...»

Однако работать Якову Григорьевичу в Новороссийске оставалось лишь несколько месяцев. Хотя расклад сил он представил себе абсолютно верно. Сыченикову удалось-таки настроить против Швыдкова двух политических «тяжеловесов» – амбициозного «хозяина края» Медунова и влиятельного помощника генсека Голикова.

Последний день работы Якова Швыдкова в должности первого секретаря Новороссийского горкома партии пришелся на 20 декабря 1973 года.

Пленум горкома КПСС выполнил директиву вышестоящего партийного органа с «непоколебимой твердостью» и «железной» дисциплиной. Правда, нашлись в рядах городского комитета несколько товарищей, которые в своих выступлениях допустили «досадные ошибки». Например, цементница Тамара Гарбузова, которая публично усомнилась в необходимости «забирать Швыдкова из Новороссийска, где хорошо ладится работа». Это «непродуманное» заявление Татьяны Васильевны в последующем сказалось на ее партийной карьере. Ни в бюро горкома партии, ни в состав горкома ее больше не избирали.

А вот сам Яков Григорьевич вел себя во время пленума горкома «достойно» (по мнению эмиссаров Медунова). Буквально в тот же день Швыдкову было предложено выбрать должность руководителя одного из нескольких отраслевых управлений края. Яков Григорьевич остановил свой выбор на Главнефтеснабе. Ибо у него имелся опыт руководящей работы на нефтеперерабатывающем заводе в Туапсе. Руководителем этого управления Швыдков оставался до 1986 года. Успел сделать на этом посту много полезного для отрасли и всего Краснодарского края. Но многие коллеги, с которыми Швыдкову довелось работать в Новороссийске, все эти годы «глубоко переживали явную оскорбительную несправедливость, допущенную в отношении Якова Григорьевича» в самом зените его партийной деятельности.

Впрочем, в современном Новороссийске Швыдкова помнят. Его именем названа улица. На доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска. Местные историки, краеведы и журналисты посвящают Якову Григорьевичу свои труды. В этом и кроется принцип вселенской справедливости – каждому по его заслугам.



Сергей НОВИКОВ,
историк

Трудовой путь

НЕФТЯНАЯ ОБИТЕЛЬ

Более полувека, едва ли не до середины 2010-х годов, ОАО «Черномортранснефть» оставалось одним из подразделений АК «Транснефть», сохранившим по-настоящему братские взаимоотношения сотрудников. Отчасти в этом «виноват» дом нефтяников на Анапском шоссе, 19/21, у гостиницы «Бригантина». Два корпуса жилого комплекса были построены к 1962 году – началу работы нефтеперевалочного комплекса «Грушовая»–«Шесхарис».

В тот год министерство нефтяной промышленности командировало специалистов из грозненских и башкирских комплексов переработки нефти в Новороссийск. В их числе и мою маму, Раису Власовну Губарь-Зеленскую. Позади был нефтяной институт, 10 лет работы в Краснодарском и Грозненском управлениях Главнефтеснаба. Трудовой путь от мастера смены до ведущего инженера-технолога товарно-транспортной службы. И сразу получила по тем временам комфортабельную квартиру одновременно с двумя сотнями семей специалистов от лаборантки до главного инженера.

Приехав к маме летом 1962 года, я застал остатки разрушений города в войну. Пространство между шпалами железнодорожного полотна на вокзале было густо забито осколками кирпича. Багровые остовы разбомбленных зданий словно еще источали кровь погибших... Но дом нефтяников блистал свежестью современной архитектуры. Он был первой новостройкой района. Выйдя впервые на балкон нашей квартиры на верхнем этаже, я невольно замер. Вершины деревьев близкой от дома Цемесской рощи были мне вровень.

Дом был молод, как и наши родители. Мы, дети, были в большинстве сверстниками – младше десяти лет. Двор объединил нас, как маленький нешумный рай. Секрет его потаенности прост: с трех сторон двор окружен «нефтяными» домами. Естественно мы были всегда под присмотром родителей – видны из окон любой квартиры. С одной внешней стороны вскоре появился детский сад. А с другой небольшой стадион отделял нас от первозданного леса – плавней.

Мы были как наши родители – единым коллективом. Мы стали немного старше, актуальными стали для нас и производственные вопросы. Мой друг и сосед Володя Янов мог рассказать о недавних гостях из Москвы его отца – главного инженера. Елена Крапивина пересказывала возмущение отца-механика производственной непрактичностью японских наладчиков аппаратуры на причалах. Гена Чураев делился сомнением – правильно ли его отец, руководитель эксплуатационной службы, отказался принять пришедшее из Уфы оборудование. Должностные различия родителей не играли для нас никакой роли.

Взрослые в нерабочее время обычно собирались в беседке. В центре – стол длиной метров 20, вмещавший десятки доминошников. Там же отдельно собирались шахматисты и хозяйюшки. Статус наиболее уважаемых жителей был у старшего поколения «дедов» – 15 ветеранов войны. Собравшиеся машинально привставали, когда в беседку входили вместе А.Т. Крапивин, В.А. Карпов, А.Т. Кучеренко, В.М. Буганько, З.В. Шкапенюк.

Моя мама была начальником химлаборатории сначала на Кирилловской нефтебазе, потом возглавила сложный экспертный комплекс на Шесхарисе. К приему сибирской нефти для поставки за границу начали готовиться задолго. И сразу же возникли трудности. Лишь единицы квалифицированных лаборантов готовы были к участию в анализе экспортного товара. Параллельно со сложнейшими организационными вопросами формирования лаборатории международного уровня пришлось интенсивно готовить качественно иных специалистов.

Вскоре начала приходить нефть. Много руководителю в этот период помогал высокий производственный опыт Инны Нифонтовой, окончив институт, пришла Зинаида Досугова, в экспертной практике помогала Люда Дянова. Немало сформировалось специалистов и из собственной лабораторной среды. К примеру, Лидия Новикова (затем она стала Зеленикиной), Вера Шейнова, Зинаида Дударева. В организации коллектива помогла Мария Васильевна Гребенникова. Всех и не перечислить. Но главное в ином: их начальница была дорогим гостем на семейных торжествах любой из сотрудниц. Вне работы могли с ней поспорить или душу излить. Но по работе – строжайшая дисциплина. Ибо любая ошибка даже рядового специалиста их коллектива могла повлечь экономический ущерб и претензии международного порядка.

Работы было много. Порой родители отсутствовали по несколько суток. Особенно в норд-осты. И причину мы, дети, прекрасно знали и понимали. Но сколько было радости родителям возвращаться в дом! Особенно из длительных командировок в Сибирь, в Москву, а то и к коллегам на аналогичном нефтеперевалочном комплексе «Аджип» в Италии. Счастьем

было вновь ощутить запах дома: аромат свежей зелени из больших цветников и крахмальных простыней, сушившихся рядом с детской площадкой. А детский вопль «Мама вернулась!» был выше любых наград.

Нормой стало отмечать большинство праздников и дни рождения взрослых и детей с участием едва ли не трети жильцов. Летом, вечером накануне выходного, во двор въезжали автобусы. И на два дня основная масса семей с походным скарбом перемещалась на берег моря. То на Утриш, то в Джанхот. Нормой было по профсоюзной путевке отправлять нас, детей, с двумя-тремя взрослыми, в турпоездку в Крым, по Волге, в Ленинград. Лет десять стадион за домом был центром баскетбольных баталий иногда всего Новороссийска, пока Цемесскую рошу не стали уничтожать девятиэтажки паромства. Сегодня этот стадион переместился на лишь остатки пространства между домами.

Нефтяники в нашем городе были заводилами и законодателями многих начинаний. В 60–70-е в Новороссийск, еще не было химиков-аналитиков. Потому, помимо основной работы моей маме постоянно приходилось выполнять просьбы руководства других промышленных предприятий по подготовке их лабораторий к выполнению анализов сырья, воздуха, воды, готовой продукции. Приходилось осваивать технологии далекие от нашей. К примеру, нового сорта пива. Нередко – вина в Мысхако и Саук-Дере.

Первыми цехами на нефтебазе «Шесхарис» были КИПиА (начальник Л.Г. Степанец), химлаборатория (мама), товарный цех (начальник А. Курашов). Их руководители особенно умели сплачивать свои коллективы и устанавливать связи с сотрудниками смежных подразделений. Леонид Григорьевич Степанец безотказно помогал и товарникам, и химикам, и энергетикам. Наиболее сложные вопросы практически нового для страны производства разрешал Борис Григорьевич Янов – тогда инженер пускового объекта, хоть среди ночи он был готов откликнуться на любую просьбу эксплуатационников. Тесная связь были у инженерно-технических подразделений с руководителями основного товарного производства. В основном с Геннадием Васильевичем Сиротой, А. Курашовым и, конечно, с Виктором Леонтьевичем Чураевым.

Большой праздник был, когда налили первый танкер «Лихославль» – на Шесхарисе 17 октября 1964 года ликовали. А вот наутро, когда стали оформлять отгрузку, начался норд-ост. Он был настолько силен, что девушкам-лаборанткам, отбировавшим пробы, приходилось порой привязывать себя к поручням, чтоб пробраться на танкер.

В 1967 году моя мама перешла на работу в планово-распределительный отдел управления. Талантливые работники были: начальник отдела Г.Л. Беленький, диспетчер П.П. Герасименко, руководитель службы В.А. Карпов. Работая позже в аппарате управления акционерного общества, я чувствовал себя в руководящей среде своим, потому что еще с детства знал ее по рассказам мамы.

Все, кто начинал Шесхарис, а по сути дела нынешнее ОАО «Черномортранснефть», были не только коллегами по работе и соседями в жилом комплексе на Анапском шоссе. Они стали родоначальниками династий новороссийских нефтяников. По сути, в этом доме было запрограммировано и наше будущее. Учились в одной школе, и едва ли не со средних классов большинство из нас начали планировать получение нефтяного образования. Не чурались совмещать заочное образование с работой, естественно, на нефтебазах «Шесхарис», «Грушовая», на базе производственного обслуживания (БПО) и в ремонтно-строительном управлении (РСУ). Каждый из нас стремился быть достойным своих родителей. Геннадий Чураев прошел производственный путь до заместителя генерального директора. С.А. Кучеренко руководил производственным участком. Владимир Янов, отработав на северных нефтяных промыслах, стал главным специалистом подразделения нефтебазы. Своеобразен и мой путь. Окончив университет, вскоре получил образование и в нефтяном институте. Десять лет работал на нефтебазе, потом почти полтора десятилетия возглавлял службу в аппарате управления акционерного общества. Дети некоторых из нас, внуки основателей нефтеперевалочного комплекса, тоже стали нефтяниками.

...Постперестроечный период отнял у предприятия возможность содержать свой дом. Ушли из жизни основатели нефтеперевалочного комплекса. Некогда шумный и долгие годы неизменно опрятный дом нефтяников за несколько лет обветшал и притих. Первыми не выдержали норд-остов несколько тополей, потом не стало беседки, исчезла половина цветников. Правда, остались детская и спортивная площадка – они теперь во владении сегодняшней детворы. Только все реже вижу своих сверстников...

Вячеслав ГУБАРЬ,
сотрудник ОАО «Черномортранснефть»,
историк

След в истории

ЛИЧНАЯ КЛЯТВА ВРАЧА

В здравоохранении Новороссийска второй половины двадцатого века было немало личностей, чей профессиональный путь вплетался в историю страны. И вместе с тем их активная жизненная позиция собственно и выстраивала эту историю. И вопреки многим врачебная консервативность не мешала им создавать даже в небольших населенных пунктах целые медицинские научно-практические сообщества, продвигать новые методы лечения, разрабатывать и внедрять собственные методики. Одна из таких удивительных врачей – Евгения Васильевна Сорокина.

Женя, красавица, хохотушка, комсомолка, активистка, за год до войны стала студенткой Крымского медицинского института (г. Симферополь). Мать и отец, трудившиеся в совхозе, гордились дочкой. А в 41-м грянула война. Отец и брат воевали. Сначала Женя, вернувшись домой, в село, работала счетоводом, статистиком, секретарем-машинисткой. Но в августе 1942 их территория была оккупирована немцами, и девушку заставили трудиться в поле. Затем их с матерью и односельчан погнали на запад... Так что унижения, страдания, лишения, издевательства, болезни, тяжелый труд, гибель близких людей – все это было известно ей не понаслышке. Только в апреле 1944 они, освобожденные нашими солдатами, вернулись в родные места, где Женю сразу же, несмотря на то, что была «под немцами», восстановили в комсомоле и даже избрали секретарем комсомольской организации. А в сентябре она восстановилась и в институте.



Молодого доктора по окончании вуза направили в небольшой городок на Брянщине, где, начав, как и положено, в должности участкового врача, она вскоре возглавила терапевтическое отделение. Но по совместительству работала и гинекологом, и председателем районной ВТЭК, а некоторое время и начальником санитарно-эпидемиологической станции. Дефицит врачебных кадров был в те годы немалый. Однако жизнь позвала ее к родным, которые к тому времени все переехали в Новороссийск. И 16 марта 1959 года Евгения снова начала свой путь с должности участкового. Участкового терапевта поликлиники № 4, которая обслуживала весь Приморский район Новороссийска (все поселения на въезде в город и до нынешнего центра города).

Что такое 10 лет быть участковым врачом на одном участке? Это знать наизусть все поколения своих пациентов, ведь не будешь же объяснять, что педиатрия и геронтология не



входили в учебный курс. Участковый должен уметь поставить диагноз и как травматолог, и как окулист, и как невропатолог. Ну и, конечно, освоить премудрости лечения. А еще выстроить свой авторитет, потому как неблагоприятное поведение, ошибочный диагноз, невнимание, равнодушие не прощаются народом. Участковый врач – не только семейный доктор. Он же и лектор, и агитатор, и санитарный контроль. Да мало ли функций обретал такой человек. Если уж к сестричке, имеющей за спиной лишь три месяца РОКовских курсов (Красного Креста), относились с почтением и почитали за городскую интеллигенцию, то врач становился непререкаемым авторитетом. Если заслуживал. Что касается Евгении Васильевны, то уже через несколько лет ее не только уважали пациенты, но и отметил горздрав, поскольку ее участок стал лучшим в поликлинике. На предприятиях в результате ее профилактической работы на 60% снизился производственный травматизм, она решала вопросы улучшения условий труда и его охраны. Трудно представить сейчас, какая ответственность лежала в те годы на рядовом участковом враче! Но и какво было его влияние! На

участке Евгении Васильевны инфекционная заболеваемость стала меньше в два раза, заметно изменилось в лучшую сторону санитарное содержание. Она организовала стационар на дому. С целью информирования людей – Школы здоровья, санитарные бюллетени, «Окна здоровья». В 1959 году на ее участке не было ни одного случая инфекционного желудочно-кишечного заболевания!

И в 1963 году из простых участковых врачей Сорокину выдвинули сразу на должность главного врача поликлиники № 5, которая вся тогда помещалась на первом этаже жилого дома. (Позже было построено здание для этой поликлиники, которое долгие годы считалось самым крупным в крае.)



С коллективом у молодого главного врача быстро складыва-

лись не только деловые, но и человеческие отношения. Она часто говорила своим коллегам: «Я же до ногтя знаю работу участкового, потому и понять все смогу, и посоветовать, и ошибки найти мне не составит труда. Одного не надо делать – не надо меня обманывать, юлить, если что-то упущено или происходит на участке или в кабинете. Когда мне лгут, мне становится стыдно, и я не могу смотреть вам в глаза». И ей верили, к ней шли в трудные ми-

нуты за помощью. Молодые тогда, ныне уже поседевшие, врачи, сестрички, сотрудники вспоминают, что отругать она могла, ох, крутёхонько. Но делала всегда это только за дверями своего кабинета и один на один. Зато на любых совещаниях в верхах стояла за своих, за коллектив не менее круто. Особенно же требовала, чтобы врач читал научные профильные журналы, постоянно рос в профессии.

В 1970 году с началом всевозможных реорганизаций в городе было образовано больнично-поликлиническое объединение, куда, кроме поликлиники, вошла 3-я больница. И если поликлиническое дело было уже основательно знакомо Евгении Васильевне, то организация больничного устройства и функционирование взаимоподдерживающих структур было для нее внове. Но она, засучив рукава и создав команду единомышленников, всего лишь за три года увеличила в больнице оборот койки, сократила время пребывания больного на койке, при этом снизив летальность. Что касается поликлиники, то, судя по отчетам тех лет, отмечалось явное «снижение заболеваемости с временной утратой трудоспособности на промышленных предприятиях, снижение общей и инфекционной заболеваемости, улучшение демографических показателей». И если это можно объяснить еще и общим улучшением жизни в стране, повышением культуры и соблюдением гигиены, то «улучшение качественных показателей диспансерного метода обслуживания» было чистой заслугой Сорокиной и ее коллектива. При этом удавалось выделять специалистов для спецобслуживания работников совхоза «Малая земля»: для селян предусмотрели преимущественное обслуживание в поликлинике, в больнице, организовали выезды специалистов во врачебный участок совхоза для консультаций.

При всей интенсивности работы и загруженности по времени главный врач Сорокина понимала, что повседневная текучка не должна заслонять еще одного, на ее взгляд, самого важного: освоения и внедрения 13 новых методик обследования и 32 – лечения. Кроме этого, она занималась вопросами технической модернизации, простите за термин из современности, – ввела магнитофонный метод записи истории болезни, светозвуковую палатную сигнализацию, централизованную подачу кислорода в палаты и многое другое, что сейчас совершенно привычно для пациентов. И в то же время под руководством миниатюрной женщины с не очень громким голосом велись строительные работы по возведению прачечной, складских помещений. Воплотилась в жизнь мечта о муфтовом подогреве и автоматизированной подаче грязи из грязехранилища в отделение, перевод на автоматическое управление системы подачи морской воды в водолечебницу. (Жаль, что дело ее рук – грязе- и водолечебница – в городе не сохранилось!). Хлебнув страданий и тягот в молодости, она старалась сделать максимально комфортным и полезным пребывание людей в медицинских стенах.

Нагрузки, казалось бы, сверхвыносимые. Однако Евгения Васильевна не только советский руководитель, она еще и советский врач, и советский общественный деятель, что считалось неременным и непреложным условием для гражданина СССР. И она организовала общественный совет больницы, который выстраивал шефские отношения с предприятиями города и решал бытовые, в том числе и квартирные вопросы врачей, сестер, санитарок. На базе больницы была создана школа передового опыта терапевтов города, здесь же работали городские терапевтическое и неврологическое общества. Естественно, что объединение стало местной базой для повышения квалификации врачей, подготовке интернов, студентов институтов и медучилища Новороссийска.

Особым испытанием по тем временам стали посещения делегаций медиков из Чили, Италии, Англии, что, собственно, было нормально для портового города, но все же чрезвычайно ответственно с профессиональной, и, тем более, партийной стороны. И понятно, почему коллектив постоянно занимал первые места в непонятном ныне социалистическом соревновании, получал грамоты, призы, переходящие знамена, звания. В ту эпоху, в середине и третьей четверти прошлого столетия люди, как бывает и сегодня, зачастую работали за «спасибо». Но их чествовали, размещали фото на доски почета, ими гордились, а они, в свою очередь, гордились своими достижениями, своей профессией, своим трудом, коллективом. И это все было мощнейшим двигателем для развития!

Имея авторитет в медицинском сообществе и будучи на хорошем счету у партийных руководителей, неудивительно, что Евгения Васильевна 17 лет подряд избиралась в Совет народных депутатов города, что, понятно, тоже помогало ей решать многие вопросы, тем более, что она возглавила комиссию по здравоохранению. А еще она была членом судейской коллегии в соревнованиях санитарных дружин, членом президиума городского комитета Красного креста, преподавателем терапии в фельдшерско-акушерской школе, организатором безвозмездного донорства, сама, являясь таковым. И люди шли за ней. Шли во всех ее начинаниях, увлечениях, предложениях, новаторствах. При этом внимания требовали престарелые родители, муж, дети, дом. «Гвозди бы делать из этих людей...», сказал поэт. А она оставалась привлекательной, достаточно скромной, отзывчивой и безупречно исполнительской.

В 1991 году она уступила свое руководящее место, но осталась заведовать бальнеологическим отделением – без работы невозможно, да и молодые врачи все время приходили за советами. Пятью годами позже Евгения Васильевна, уже в возрасте 74 лет, была приглашена на должность председателя экспертной комиссии по освидетельствованию водителей транспорта, где проработала до середины 2014 года.

Когда в ноябре прошлого года Евгении Васильевны не стало, пришедшие проститься с ней ее коллеги, ученики, пациенты, уже постаревшие дети ее первых пациентов вспоминали несколько ее фраз: «я общалась и с советско-партийными деятелями, и с рыбаками, и с совхозниками, и с актерами – организмы у всех одинаковые, а чувство доброты и совести – индивидуально», «делать дело честно – мало, надо его делать с умом и с добротой к человеку», «перестал образовываться, перестал учиться – уходи из профессии», «от сих до сих – это для непритязательного и примитивного человека, не хотелось бы такой становиться». Вот такая личная клятва врача, личный кодекс профессиональной этики и человеческой чести получились у Заслуженного врача РСФСР Евгении Васильевны Сорокиной.

**Людмила Попова,
журналист**

Территория СВО

МАЭСТРО, МУЗЫКУ!

Хорунжий Александр Старовойтов не уверен, что музы должны молчать, когда говорят пушки. Поэтому, отправляясь добровольцем в составе казачьего отряда БАРС-11 в зону проведения специальной военной операции, взял с собой неизменную гармонь. С этим музыкальным инструментом он не раз с 2014 года бывал в Донбассе с концертами. Но теперь у него в руках был еще и автомат.

Не мог иначе

Узнав, что Сан Саныч, любимец публики Новороссийска, руководитель Центра традиционной народной культуры станицы Натухаевской, заместитель по культуре атамана одноименного казачьего общества, руководитель семейного ансамбля семьи Старовойтовых и солист ансамбля народной песни «Росичи», отправляется воевать, многие задавались вопросом: «Зачем его пустили? Таких людей надо беречь! Ведь он достояние не только города-героя и Черноморского казачьего округа, но и всего Кубанского казачьего войска!

– А как его не пустишь, если он сам рвется? – разводя руками, вопросом на вопрос отвечали атаманы, старики, казаки.

Вернувшись домой после длительного излечения в госпиталях от полученных множественных осколочных ранений, Александр Александрович так объяснил свой поступок:



Александр Старовойтов

– Моя семья живет в самом лучшем во всем мире месте – станице Натухаевской. Но это место с 2014 года оказалось уязвимым, потому что до него от Крыма каких-то сто километров. И если бы там встали базы НАТО, то мы бы сейчас находились не в самой прекрасной, а в самой опасной для проживания станице. Поэтому я без колебаний поехал с казаками защищать крымчан, проводивших референдум о воссоединении с Россией. После этого я часто ездил в ЛНР и ДНР вместе с казаками Новороссии, помогали там ребятам из народной милиции. Ездили и с творческими коллективами, проводили целые гастрольные туры по малым населенным пунктам. С тех пор самая важная награда для меня – крест «Доброволец Донбасса». А когда началась специальная военная операция, мы сначала подумали, что регулярные войска решат задачи. Но оказалось, что требуется и наша помощь, требуется участие в СВО казаков. Поэтому я и пошел добровольцем.

Казачьего роду

Родился он в Северном Казахстане, куда в период расказачивания сослали с Кубани его предков по отцовской линии. Там все поселения в округе переселенцы называли в честь своих казачьих станиц. Семья Старовойтовых с тремя детьми, где Александр был средним, проживала в селе Отрадном.

После школы и службы окончил сначала колледж культуры, а затем гуманитарный институт и Карагандинский госуниверситет, получив профессию режиссера массовых зрелищ, театрализованных представлений и педагога-организатора. Обзавелся семьей, работал директором сельского Дома культуры, затем музыкальным руководителем в городском Дворце культуры.



Как жена провожала казака

Когда в 2011 году всей семьей, уже с двумя сыновьями и двумя дочками, приняли решение переехать в Россию, на землю предков, то исколесили всю Кубань, все Черноморское побережье. И выбрали станицу Натухаевскую. Сюда же перебрались и родители Сан Саныча, и брат с сестрой со своими семьями.

Тогдашний атаман местного казачьего общества Анатолий Решетняк радушно принял Старовойтовых, оказал им огромную поддержку. Ведь на Кубань приехала не просто семья, а семья казака. Еще в Казахстане в период возрождения казачества Александр вступил в Сибирское казачье войско. Дослужился там до чина хорунжего и должности походного, а затем и станичного атамана.

– Конечно же, я сразу вступил и здесь в казачье общество с сохранением чина. Через два года – десятник, а позже – руководитель станичного ДК, при мне получившего статус Центра традиционной народной культуры, я был назначен заместителем атамана по культуре, когда атаманом уже стал Евгений Волков.

Из спецназа – в разведку

Александр Старовойтов с гордостью носит под камуфляжем тельняшку в багряную полоску, цвета краповых беретов. Поскольку срочную службу проходил в отдельном батальоне специального назначения «Беркут» Республики Казахстан. В составе миротворческих

войск участвовал в событиях в Таджикистане, когда пришлось разнимать враждующие стороны и гасить межнациональный конфликт. Так что боевой опыт у него за плечами имелся.

Позывной «Маэстро» напрашивался, кажется, сам собой. Он и на проводах отряда казачков-черноморцев на передовую после прохождения подготовки на форте Раевском поднял боевой дух, исполнив под собственный аккомпанемент на гармошке «Любо, братцы, любо». И позже, как только предоставлялась возможность в часы досуга между боевыми заданиями, «Маэстро» запевал казачьи народные.

– При распределении по воинским должностям и подразделениям в отряде БАРС-11 мне предложили пойти в разведку, я сразу согласился, потому что у меня есть навыки. Хотя я понимал, что в штурмовом отряде разведка всегда на острие и подвергается наибольшей опасности.

«Маэстро» рассказал, что доводилось не раз ходить в тыл к противнику. Было и такое, что из-под носа у врага забирали в качестве трофеев зарубежное вооружение. Задачи выполняли самые разные, их было много. Некоторые вообще не касались разведки, но разведчиков, как наиболее подготовленное подразделение, всегда посылали в самое пекло. Но пока далеко не все можно озвучивать.

Живым из пекла

По инициативе Вячеслава Матвейчука (начальник управления культуры администрации Новороссийска) коллеги Александра Старовойтова – руководители учреждений культуры города-героя – провожая его на СВО, вкладчину купили для «Маэстро» дорогостоящую кевларовую каску, более прочную, чем те, что выдаются участникам спецоперации. Кто бы мог тогда подумать, что именно этот подарок спасет Сан Санычу жизнь!..

Казачий отряд добровольцев совместно с другими российскими подразделениями неоднократно пытался штурмовать звероферму на подступах к Марьинке, которую украинские националисты укрепляли железобетоном в течение восьми лет. Понимая, что в лобовой этот укрепрайон не взять, наше командование решило перерезать дорогу, по которой шло его снабжение.

– Мы пошли к этой дороге, чтобы заблокировать ее. Надо было преодолеть три лесополосы. Дело было поздней осенью, листья на деревьях не осталось, маскировки практически никакой. Впрочем, там и летом «зеленки» не было, так как все лесополосы в том районе насквозь простреливались с двух сторон, торчали только обрубки и пеньки. Когда мы дошли до заминированной лесополосы, надо было дожидаться ночи, чтобы разминировать, поскольку все находилось в прямой видимости у противника. Легкие мины сняли сами, а на сложные растяжки надо вызывать саперов. За день потеряли двоих разведчиков ранеными и троих контуженными. Мы вернулись за саперами и в три часа ночи опять выдвинулись на прежние позиции.

Как только забрезжил рассвет, стали разминировать проход, метр за метром продвигаясь вперед. Казак с позывных «Лис» прикрывал саперов со стороны поля, а «Маэстро» держал сектор со стороны асфальтированной дороги. Когда до украинских позиций оставалось 15–20 метров, противник обнаружил Александра и открыл по нему огонь. Завязался бой, долгий бой. Лесополоса была недостаточно широкой, чтобы в ней по фронту могло разместиться все подразделение разведчиков. Поэтому впереди работали только восемь бойцов. Казаки пытались атаковать. Грохочет бой, а «Маэстро» затянул песню «Любо, братцы, любо». Ему подпевал казак Лазаревского РКО Максим Стародубов.

– И между мной и Максимом в 16.30 дня разорвался минометный снаряд. Максим погиб от этого взрыва. А я почувствовал резкую боль по всей правой стороне. Конечности шевелятся – уже огромная радость, буду жить и не стану инвалидом. Но фонтаном хлестала кровь из руки и ноги. Первым ко мне, рискуя жизнью под пулеметным огнем, выдвинулся «Лис». Стащил меня в воронку и оказал первую помощь. Позже выяснилось, что в меня вошло десять осколков, шесть из них до сих пор сидят во мне. Кроме того, пуля попала в стопу. А еще один осколок застрял в подаренной каске, которая и спасла мне жизнь. Бой продол-

жался. Мне вкололи обезболивающее. Приходя в себя, я начинал петь, чтобы подбодрить ребят.

У домашнего очага

С детства Александр увлекался гармонью, с 11-летнего возраста самостоятельно овладел этим инструментом. Научился играть на гитаре, балалайке, ударных. Но гармонь после долгого перерыва вновь взял в руки лишь несколько лет назад.

Ансамбль семьи Старовойтовых, теперь уже народный коллектив, возник практически сразу после их обоснования в кубанской станице. Глава семьи с супругой, два сына – Александр и Владислав (последний сейчас служит в спецназе погранвойск), две дочки – Диана и Валентина, жена старшего сына и две внучки, старший брат Алексей со своей семьей, младшая сестра со своей семьей, пока не переехали в Сибирь, составили большой и дружный коллектив. В разные периоды в нем насчитывалось от 10 до 13 человек. Самая младшая певунья в ансамбле – полуторагодовалая внучка Ярослава.

Весь ансамбль, как и вся станица, как и весь Новороссийск, ждали возвращения казака-героя. С облегчением узнали, что он остался жив и почти невредим. Но нескорым получился путь Сан Саныча к домашнему очагу. Сначала его доставили в Донецкий госпиталь. На следующий день отправили вертолетом в Ростов-на-Дону. Оттуда через две недели перевезли в медицинскую академию в Санкт-Петербург. Еще через пару недель он оказался в госпитале города Мирный, где находится космодром «Плесецк». И уже оттуда после операций он вернулся в родную станицу.

Первое, что он сделал по возвращении, съездил с гуманитарным грузом в свой отряд БАРС-11. Затем отправился к матери погибшего боевого товарища Максима Стародубова. Сходил с ней и Лазаревскими казаками и с вернувшимися из госпиталей добровольцами на могилу павшего героя. Подробно рассказал маме о последнем бое ее сына.

Сегодня Александр Старовойтов буквально нарасхват. Выступает в казачьих школах и классах, встречается с малышами в казачьих детских садах, держит слово на общегородских и станичных митингах. И, конечно, вновь поет под гармонь.

– Буду делать все возможное, что сейчас в моих силах, для приближения нашей победы. А она обязательно будет!

Божья благодать

– Когда мы уходили ночью в тот бой, где меня всего посеколо осколками, во дворе я увидел темный силуэт, как мне показалось, казака из-за его пышной бороды. Но он приветствовал меня словами: «Христос воскрес!» Это был наш походный священник отец Никифор. Он предложил причастить меня перед предстоящим рейдом в тыл врага. Я засомневался, сказав, что недавно поел, а только сейчас выкурил сигарету, из-за чего не готов к причастию. Но он ответил: «Бог прощает». И причастил меня прямо в том темном дворе, я принял святые дары. Уверен, что благодаря этому и остался жив. Это Божья благодать! Меня спасла вера. Потому что получить столько ранений и не погибнуть!.. Причем один осколок попал в грудь, не задев жизненно важных органов и остановившись ровно под нагрудным крестиком с распятием. Если бы он прошел еще один-два сантиметра, то попал бы в сердце.



На встрече в казачьем детском саду

Евгений РОЖАНСКИЙ,
фото автора

и из архива Александра Старовойтова

У каждого, кто родился и вырос в нашем черноморском городе, – свой Новороссийск. У каждого в памяти – и счастливые мгновения детства, и юность, наполненная романтикой, и годы профессионального становления, общественного признания. А еще – заветные уголки и улочки родного города, которые стали уже достоянием истории и с которыми связано так много личного. И, конечно же, замечательные люди, с кем сводила судьба в разные годы. Достойные уважения и светлой памяти земляки, прославившие город своим созидательным трудом, талантом.

Юбилейные сентябрьские даты нынешнего года – 185-летие со дня основания города, 80-я годовщина разгрома гитлеровских войск на берегах Цемесской бухты, 50-летие со дня присвоения Новороссийску высокого и почетного звания «Город-герой» – прекрасный повод вспомнить и страницы прошлого, и тех, чьи имена навсегда вписаны в летопись Новороссийска. И, конечно же, с ностальгией и благодарностью рассказать о том, что сердцу дорого.

КОГДА Я ВЪЕЗЖАЮ В НОВОРОССИЙСК, У МЕНЯ ЩЕМИТ СЕРДЦЕ...

Не однажды приходилось слышать утверждение, что у жителей нашего города особый характер и право называть себя новороссийцем еще нужно заслужить. Что формирует такой характер – патриотичный, свободолюбивый, надежный и верный? Как история, традиции, неповторимая атмосфера Новороссийска влияют на судьбы людей, которым выпало счастье родиться и жить на этой славной земле?

Об этом – диалог с Сергеем Михайловичем ЦЫМБАЛОМ, председателем Общественной палаты города-героя Новороссийска, коренным новороссийцем в третьем поколении.

– Сергей Михайлович, что вы знаете о своей родословной, что дает вам это особое и почетное право – с гордостью называть себя коренным новороссийцем?

– Мои дед и бабушка по отцовской линии были цементниками. Дед работал на цемзаводе «Октябрь» начальником снабжения. Дядя – на цемпирсе. Бабушка по материнской линии тоже цементница. Отец, Михаил Анатольевич Цымбал, родился в 1924 году. Работать тоже пришел на цементный завод водителем. Путь прошел большой – от простого работяги до руководителя крупного предприятия. Так что с полным правом можно сказать, что судьба династии Цымбалов с судьбой города навеки скреплена высокопрочным новороссийским цементом.



– Действительно, родительский дом – это начало начал. Когда мы говорим об этом, то подразумеваем многое. Прежде всего, то, что формирует характер, отношение к жизни. Сегодня, с высоты прожитых лет, уже собственного большого жизненного опыта, вы можете сказать, какую главную науку смогли познать еще в отчем доме?

– Я вспоминаю, прежде всего, дом бабушки и дедушки по линии отца, которые жили по ул. Новороссийской республики, 1. Там было все просто и понятно. Бабушка занималась семьей, домом, бытом. Дед – работой. Дом был открыт для всех: кто туда приходил, были обогреты, облаканы заботой и вниманием. Обязательно накормлены. Там всем было хорошо и уютно. Я с детства понял, что женщина – это семейный очаг, согретый теплом и заботой, а мужчины должны в это время добыть все, что нужно для нормальной жизни.

Воспитание старших в нашем роду не было каким-то специальным, назидательным. Учили своими поступками, житейской мудростью, честным

подходом к тем или иным жизненным обстоятельствам или событиям. Глядя на отношение деда к жене, моей бабушке, я, например, постиг, ЧТО значит в нашей жизни Женщина, как к ней нужно относиться. Об их отношениях, если бы я мог стихи сочинять, можно целую поэму написать. Возвышенную и трогательную.

А бабушка по материнской линии была немного другой – такая серьезная партийная статс-дама, но она безумно меня любила. Я часто жил у нее и, как теперь понимаю, невольно многому тоже научился. Прежде всего, культуре общения, уважения к людям, принципиальности, умению отстаивать свои взгляды, свою позицию. Конечно же, эти уроки очень пригодились мне в дальнейшей жизни.

С родителями мы жили недалеко, в коммуналке на три хозяина. Все было очень не просто: в полной мере ощущали и бытовые проблемы, и материальные трудности. Но мама была очень рачительной хозяйкой. А отец веселым и оптимистичным человеком с тонким чувством юмора. Вот это, наверное, и спасало – от раздражения, озлобленности, недовольства жизнью. Не поверите, но те, далеко не самые легкие времена и в судьбе нашей семьи, и в судьбе города (ведь так тогда жили очень многие новоросийцы), я сейчас вспоминаю как самые светлые, радостные и счастливые. И если о чем и жалею, так только, что ничего из того уже нельзя вернуть...

– Все, кто хоть немного знаком с жизнью Новоросийска 60-80-90-х годов, не понаслышке знают, что фамилия Цымбал всегда звучала в ряду известных, весьма успешных людей. Эти качества, как мне кажется, вы унаследовали от отца. Во многом повторили в своей жизни главные вехи его судьбы. Даже в наше время, как о важнейшем принципе нравственности, говорят о формуле: «От отца – к сыну». Как передавал он Вам свою житейскую и хозяйственную мудрость – словом, делами, личным примером?

– Мой отец научил меня верить в себя, в свои возможности. Научил видеть созидательные моменты даже, казалось бы, в безнадежных делах. Михаил Анатольевич был из простой семьи, но желание все делать красиво и современно – это было в их роду. Что называется, в крови заложено. Он мог увидеть какую-то красивую вещь, необычное решение – и не просто мечтал о таком же, а не успокаивался до тех пор, пока не привозил это, не внедрял на своем предприятии, не делал красиво, прежде всего, для людей.

Именно отец научил меня уважительно, с почтением относиться к настоящим труженикам, людям, умеющим работать. Очень ценил он профессионалов, настоящих мастеров своего дела. Умел разговаривать с простыми людьми, находить подход к каждому. У отца было много друзей. Разного социального статуса, человеческого уровня, разных характеров и взглядов. Но они были настоящими друзьями, которые многие годы шли по жизни вместе, поддерживали друг друга в любых обстоятельствах и превратностях судьбы, не предавали друг друга. Он умел дружить, высоко ценил настоящую мужскую дружбу.

Старожилы Новоросийска хорошо знают, что Михаил Анатольевич всю жизнь очень близко дружил с Виктором Андреевичем Голиковым, нашим земляком, который в свое время был помощником генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Но подружались они задолго до того, как Виктор Андреевич занял столь высокий пост, еще в те времена, когда тот был директором школы в нашем городе. И эту дружбу они, коренные новоросийцы, сохранили до конца своих дней.

Мне, действительно, было с кого брать пример. Не только мне, но всему городу отец показал пример умелого хозяйствования, когда с нуля создавал в Новоросийске крупное предприятие – комбинат «Импортпищепром». Ему удалось в те далеко не лучшие для экономики страны и города времена превратить его в современное успешное предприятие с диковинной по тем временам эстетикой и культурой производства. На «Импортпищепроме» всё удивляло – небывалая чистота и оснащенность цехов, какие-то особые, непривычные для того времени лоск и блеск, идеальная ухоженность территории. Завершали это чудо производства яркие клумбы с цветущими розами, источавшими нежный аромат, и обильной зеленью. Тогда это было невероятной редкостью. Особенно, если учесть, что предприятие располагалось у самой оживленной автотрассы, ведущей в промышленную часть Новоросийска. Не

случайно одним из первых в городе комбинат был удостоен на федеральном уровне почетного звания «Предприятие высокой культуры производства». В советские времена это звание котировалось очень высоко. Отец всегда говорил, что там, где работаешь, должно быть так же красиво, как в доме, где живешь.

– *Честь фамилии, традиции семьи ко многому обязывают. Вы в своей трудовой биографии эту отцовскую науку применили на практике, когда стали руководителем известного в свое время, как сейчас принято говорить, брендового предприятия – мясокомбината «Новороссийский». Его продукция славилась отменным качеством и пользовалась особым спросом и у новоросийцев, и у гостей города. С позиций дня сегодняшнего, как оцениваете этот большой этап в своей биографии?*

– Я окончил в Москве солидный профильный институт – мясной и молочной промышленности. Получил хорошее образование. Практику проходил на крупных предприятиях – московских, сочинских. А сразу после окончания института начал работать в Армавире, на огромном комбинате, где коллектив составлял тогда три с половиной тысячи человек.

Высококласные специалисты, мастера своего дела. Это было очень непростое, но очень важное для меня дело, когда теорию я учился применить на практике.

Потом приехал в Новороссийск, куда меня пригласили, как молодого перспективного специалиста. В профессиональном становлении отец мне помогал, но никогда не поучал. Мне кажется, ему интересно было понять, чего я стоил на самом деле. В 1986 году я пришел на мясокомбинат «Новороссийский». Скажу честно, поначалу даже страшно стало – не предприятие, а «колхоз в разлухе». В цехах выбитые двери, в душевой для работников из трех-пяти кабинок с ржавой сантехникой работала одна. Если в столовую люди заходили, то убогих столов на всех не хватало, толпились в ожидании, чтобы присесть, перекусить в перерыв. Печальную картину дополняли своим ужасающим видом туалеты. Но самой большой проблемой, как я понял, была «разлуха» в головах тех, кто там работал – от рядовых рабочих до так называемых специалистов. К убожеству на предприятии... привыкли! Так о каком качестве продукции в таких условиях можно было говорить?!

– *Что же придавало уверенность в том, что удастся это преодолеть, что всё получится?*

– Знаете, что мне сказал отец, когда я пожаловался ему на увиденное? «Хочу дожить до того дня, когда я приду в магазин и услышу, что люди спрашивают и хотят купить продукцию, выпущенную именно на твоём предприятии!» Знания технолога, первый, пусть маленький, опыт работы на солидном предприятии мне очень пригодились. Я подтягивал специалистов, которые были нужны, чтобы в корне изменить ситуацию. Умение общаться с людьми, находить общий язык помогали. Люди мне поверили. За короткое время удалось сформировать команду, с которой мы и совершили, по сути, техническую и социальную революцию. А наука отца – делать из плохого – хорошее, и не абы как, а красиво, оказалась как нельзя более кстати.

Чтобы совершить прорыв на комбинате, я приложил немало сил, все знания, умения, коммерческие навыки. Тогда ведь были очень непростые времена. «Доставать» нужно было все – от сырья до оболочки для производства колбас, шпаката, качественного целлофана для упаковки. Добывал хороший кафель для отделки обшарпанных стен цехов и помещений для бытовок работников. Находил оборудование, которое бы позволяло идти в ногу со временем. Мне не стыдно было потом ни людям, ни отцу в глаза смотреть, потому что уже вскоре в магазинах покупатели обязательно уточняли: «Это продукция Новороссийского мясокомбината?» И только получив утвердительный ответ, покупали... Тот период моей профессиональной деятельности был высоко оценен и отмечен почетным званием «Заслуженный работник пищевой индустрии Российской Федерации».

– *У каждого свои памятные вехи в судьбе. И, конечно же, люди, с которыми сводит жизнь за многие годы. Кто из известных новоросийцев оставил след в вашем сердце?*

– Судьба, действительно, подарила мне немало встреч с земляками, с теми, кто достоин высокого звания настоящего новоросийца. Невозможно перечислить всех, с кем при-

шлось вместе решать важные и актуальные городские проблемы, искать и находить выходы из сложных социальных, общественных, житейских ситуаций, кто был и остается примером гражданственности, настоящего патриотизма, верности делу.

С благодарностью вспоминаю всегда Нину Федотьевну Москалеву. Именно она, будучи первым секретарем Приморского райкома КПСС, принимала меня на партийный учет, когда я приехал работать в Новороссийск. Именно она первой пришла на помощь в трудную минуту моей жизни, поверила в меня, поддержала. Яркий след в памяти и сердце оставил, конечно же, Борис Ханонович Пупко. Почетный гражданин города-героя Новороссийска, строитель, руководитель, человек – все понятия с большой буквы. К его личности и по сей день отношусь с особым почтением. С ним дружил еще мой отец. И, несмотря на разницу в возрасте, я тоже имел честь и счастье дружить с ним. Впрочем, при его позитивном взгляде на мир, оптимизме, яркой эмоциональности и великолепном чувстве юмора никакой разнице в возрасте не ощущалось.

Судьба подарила мне очень теплое, искреннее человеческое общение с еще одним почетным гражданином Новороссийска – Леонидом Леонидовичем Ясудом. Я мог обратиться к нему за советом, поделиться проблемой, получить мудрое наставление, основанное на богатом житейском и производственном опыте не только большого руководителя, но открытого, светлого человека. Не могу не вспомнить и о Любове Васильевне Романовой, с которой мы были коллегами по созданию в городе в 90-х годах местного телевидения и единомышленниками во многих больших и общественно значимых для Новороссийска делах.

Список этот можно продолжать...

– Новым этапом вашей биографии стала работа в Общественной палате Новороссийска. Вот уже пятый созыв вы – ее председатель. Это не только знак высокого доверия, но и высокая ответственность. Какие главные принципы вы ставите во главу угла в работе? В чем видите ее роль в жизни города?

С первых дней в Общественной палате я видел свою задачу в том, чтобы вернуть к активной деятельности тех людей, профессионалов в своей области, каждый из которых многое сделал для Новороссийска. И поставить их опыт, знания, компетентность и профессионализм на службу городу во благо всех новоросийцев. Не все получалось сразу, мы ведь были первыми в крае, где была создана Общественная палата. Потом нашему примеру последовали многие другие города и районы Кубани. Общественная палата Новороссийска стала действенной и очень важной площадкой для постоянного общения и диалога между населением и властью.

– Какие из городских проблем волнуют вас не только как председателя Общественной палаты, но и как коренного новоросийца?

– Новороссийск стремительно развивается, а потому, как и во всяком движении вперед, возникает немало проблем. Но радуется, что люди и власть слышат и понимают друг друга. Пример тому – реальные действия региональной и местной исполнительной власти в ответ на острую реакцию населения на так называемую точечную застройку, строительство новых микрорайонов, лишенных социальной инфраструктуры. Намечился поворот к комплексной застройке новых микрорайонов с обязательным наличием детских садов, школ, поликлиник, спортивных комплексов и детских площадок.

Сейчас в центре нашего внимания – вопросы социальной помощи и поддержки семей мобилизованных, участников СВО на Украине. Мы горды тем, что одним из добровольцев был и член молодежного совета при нашей Общественной палате Тимофей Талан.

Проблемы экологии, бережного отношения к особо охраняемым природным территориям, проблемы ЖКХ, образования, патриотического воспитания и молодежной политики, здравоохранения, работы правоохранительных органов, вопросы ценообразования в торговых и аптечных сетях, работа общественного транспорта – все эти вопросы также постоянно в поле зрения комиссий Общественной палаты.

– Как человек, чья жизнь неразрывно связана с нашим черноморским городом, чему радуетесь сегодня, о чем мечтаете?

– Радуюсь тому, чему радуются все новороссийцы. Чистоте улиц, цветникам, новому облику нашего города, зеленым уголкам, появляющимся интересным новостройкам, новым детским садам, школам, спортивным комплексам. Радуюсь позитивной динамике обновления любимого города. Мне очень хочется, чтобы молодые, начинающие руководители, чиновники всех уровней умели и не боялись разговаривать с людьми, профессионально аргументируя и объясняя людям принимаемые решения. Для людей все должно быть понятно и прозрачно. Ведь для каждого из нас, кто живет здесь, есть одно большое понятие – это Новороссийск. Город, в котором все имеют право жить комфортно, светло и радостно.

Новороссийск – морской город. С морским духом и традициями, с неповторимой атмосферой черноморского города, где все, так или иначе, связаны с морем, и все дороги ведут к нему, любимому Черному морю. Быть может, поэтому и родилась мечта, с которой живу не один год – чтобы в Новороссийске появился Морской кадетский корпус. Он просто обязан у нас быть! Рад буду, если при жизни удастся видеть браво шагающих по главной улице родного города кадетов – пацанов в морской парадной форме.

– *Что для вас в жизни осталось незыблемо важным, основополагающим, во что вы по-прежнему верите?*

– В жизни нужно опираться на свою семью, на традиции рода, дорожить честью династии. А верить, прежде всего, в себя! И, конечно же, обязательно любить и беречь тот кусочек земли, где ты родился, где удалось себя проявить и как специалисту в своем деле, в профессии, и как гражданину. Я счастлив, что родился и живу в Новороссийске. Для меня это не громкие слова, а очень личные и искренние чувства. Горжусь тем, что наша династия продолжается и множится. Сейчас радуюсь первым шагам моего внука Лёвы, которому два с половиной года. Наверное, есть какая-то внутренняя семейная нить, которая навсегда связала династию Цымбалов с судьбой Новороссийска.

– *Действительно, ваша судьба так основательно связана с судьбой нашего города, что это дает право ответить на вопрос, что же составляет суть этого понятия – новороссийский характер?*

– Мне много раз приходилось бывать в разных городах нашей страны и за рубежом. Но всякий раз, когда я въезжаю в Новороссийск со стороны Краснодара, через Волчьих ворота, у меня шемит сердце. От радости, что вижу распахнувшуюся перед глазами ширь Цемесской бухты, панораму города. Не могу сдержаться, чтобы не тормозить тех, кто рядом: «Посмотрите, какая у нас красота!»

Я рад тому, что Новороссийск не теряет со временем своего особого и неповторимого патриотического настроения. Город столько пережил, такими суровыми испытаниями закален. Наш город всегда был солдатом и трудягой.

Жители города не утратили несгибаемую силу даже перед неукротимой стихией природы – одни норд-осты наши чего стоят!

Мне хочется, чтобы Новороссийск был городом счастливых людей, открытых навстречу друг другу...

**Беседу вел Анатолий НИЛОВ,
заслуженный работник культуры России**

Мы верим твердо в героев спорта!

ШАШКИ – ЭТО ПРОСТО?!

Однажды, в конце девяностых годов, председатель спорткомитета города Новороссийска Геннадий Андреевич Прокопенко попросил меня сформировать команду для участия в первенстве Краснодарского края по шашкам.

Кто занимается в городе шашками, я не знал, поэтому сразу же опросил знакомых шахматистов, не желают ли они на время «переквалифицироваться» и сыграть в шашки? Четверо охотно согласились, тем более что председатель пообещал, что в случае хорошего выступления – «займите хотя бы 3-е место» – чем-нибудь нас поощрит.

Мы даже обиделись, что он так низко оценил наши способности, и заверили: «третье место будет для нас считаться неудачей. Еще бы! Моя команда в составе гроссмейстера, мастера, кандидата в мастера и девушки-перворазрядницы готова была, судя по их воодушевленным физиономиям, разгромить любого, кто нам подвернется. То, что придется играть в шашки, а не в шахматы – никого не волновало. Все, и я в том числе, были уверены, что имея такую квалификацию в головоломных шахматах, в «шашечках» как-нибудь разберемся. На собрании повторили правила: «ходить наискосок», «бить что дают», «назад не ходить», поспорили брать ли «за фука» или нет, а узнав, что это правило уже лет 200 не применяется – удивились. Вспомнили народные советы: «война план покажет», «главное ввязаться в драку». Блеснули знанием Высоцкого: «...мы их там замучим, зашахуем, нам бы только дамку провести!» – на чем и закончили теоретическую подготовку, не представляя, какие трудности нас могут ожидать в такой на вид примитивной игре.

Загрузив в баулы свои вещи, а главное, шахматные часы и два комплекта шахмат, надев новые костюмы, выданные Г.А. в знак уважения к такой сборной команде города, мы живописной компанией заявили в шахматный дворец «Белая ладья» в г. Славянске-на-Кубани.

Сообщение о том, что на первенство Краснодарского края прибыла команда из г. Новороссийска, представленная мастерами спорта (нас уже повысили!) и одним гроссмейстером, внесло в ряды шашкистов, знающих друг друга не один год, оживление и тревогу.

Организаторы же обрадовались: рейтинг турнира вырастет, появится, возможно, заинтересованность у народа, веселее будут звучать отчеты о соревновании.

На заседании представителей команд я даже выбрал место поближе к началству – все же руководитель такой команды, да еще и города-героя! Для многих одно упоминание о Новороссийске уже внушало непроизвольное почтение. Опоздавшие, люди, в основном, в возрасте – кто со старинными чемоданчиками, кто с авоськами – робко присаживались или скромно стояли у стен, ожидая приглашения сесть. Я же, оценивающе осматривая присутствующих, взглянув на уверенно сидящих в красных костюмах ребят, вдруг подумал: «Зря мы в этот колхоз приехали. С такой командой надо бы выехать в Краснодар или еще куда-нибудь подальше. Все же прославить Новороссийск лишний раз не помешает».

С чувством, что делаем организаторам, чуть ли не одолжение, мы удалились в гостиницу. Едва расселившись, все собрались в моей комнате, достали шахматы и продолжили выяснять отношения в блиц, который начали еще на автовокзале в Новороссийске. Часа в 2-3 ночи я авторитарным методом с трудом отослал всех спать, напомнив, кстати, зачем мы сюда приехали.

Утром, по дороге на игру, мы останавливались возле всех афиш, где сообщалось, что в турнире принимают участие города Краснодарского края, имеющие в своем составе мастеров спорта, а Новороссийск еще и гроссмейстера. Разумеется, нигде не упоминалось по какому виду спорта. Однако нам это все нравилось и с таким боевым настроением, используя только входящее в моду выражение, что «мы всех порвем, как Тузик грелку», ребята уселись за доски.

Проиграв встречу со счетом 4:0, все дружно заявили, что это «случайное, несправедливое и глупое недоразумение». Успокоив друг друга, снова засели за шахматы.

...Когда после четвертого тура мы взглянули на таблицу, в которой красовались одни нули и половинка очка, завоеванная Настей, то экстренное собрание команды возникло стихийно. Уставившись друг на друга и на доску, на которой вместо шашек стояли шахматные фигуры, мои мастера и гроссмейстер наконец-то задались вопросом: «А как же играть в шашки?» Развернулась дискуссия, в которой советы и откровения одних натыкались на опровержения других. Дали высказаться даже Насте, как единственной имеющей пол-очка.

Я, к примеру, уверенно отстаивал мысль, что надо занимать центр, так как «и ребенку ясно, что в центре шашка бьет два поля, а на краю – одно». На что мне наглядно продемонстрировали на прошедшей сегодня партии:

– Я занял центр, но его окружили с флангов, и мне нечем было ходить.

– Так сами тогда ходите по краям и зажимайте шашки в центре!

– Леонид Лукьянович, советовать легко, но когда я занял фланги, то из-за того что у противника был сильный центр, ни одной моей шашке не нашлось нормального хода!

– Так нападайте на центр!

– Расскажите как!

Дискуссия стала напоминать сказку о белом бычке.

На всякий случай я из дома взял брошюру «Комбинационные положения в русских шашках» и, чтобы повысить теоретический уровень команды, зачитал, что в русских шашках, оказывается, существуют чехарда, петля, лестница, шлагбаум, рюмка, трамплин, да еще и «Турецкий удар». Взглянув на них, я понял, что скажи, ребята, может, по домам? – все собрались бы в рекордное время.

В этот критический для команды момент пригодился бы совет опытного тренера или игрока. Не зря же на щитах римских легионеров выбивалась надпись: «Следуй за опытным!» Тренер, который в свое время не участвовал в напряженных соревнованиях, не познал радость побед и горечи поражений, не прочувствовал накала борьбы и непередаваемую атмосферу спортивных поединков, никогда не даст дельного совета своим подопечным. Обычно это рекомендации типа: «Ребята надо взяться!», «Соберитесь!», «Не зевайте!», «Помните, что за нами...» и т.п. Непрофессиональные рекомендации и замечания таких наставников (к ним, что касается шашек, я отношу и себя) только обостряют отношения с ребятами, ждущими в трудный момент хорошего совета.

Я бы мог ребятам подсказать, что делать, играй мы в волейбол, баскетбол, шахматы, гандбол, футбол. Этими видами спорта я активно занимался и даже тренировал команды. Весь же мой шашечный опыт ограничился сражениями в морях и океанах с сильным, но, к сожалению, одним квалифицированным шашкистом. Здесь я рассказал ребятам историю этих встреч.

В Одессе, где под погрузкой стоял наш танкер, нам поменяли начальника радиации, который оказался мастером спорта по шашкам и даже играл на первенстве Украины. Мы договорились, что как только пройдем Гибралтар и Бискай, покачиваясь на волнах Атлантического океана, сыграем в шашки. Дня три-четыре я проигрывал со счетом 6:0, 9:0 – пока не разозлился на себя. Расставив в своей каюте шашки, вернее шахматы как шашки, я наметил план развития, как белыми, так и черными. Пришел к выводу, что как и в шахматах, надо всеми силами бороться за центр. Поэтому всегда начинал партию ходами ц3-д4 и затем ж3-ф4. Стало получаться лучше, но я все время замечал, что после расчета вариантов не могу удержать в голове конечную позицию. Плоские шашки никак не фиксировались в голове.

(– Надо же! У меня та же проблема, – заметил кто-то из ребят.)

Тогда я предложил партнеру, заменить шашки шахматными фигурами. Произошел парадокс – мой противник не мог посчитать варианты, когда на доске шахматные фигуры, я же, наоборот, после такой замены выигрывал почти все партии. Поэтому остальные матчи у нас стали интересными и принципиальными и закончились с примерно равным счетом: я выигрывал шахматами, он выигрывал шашками.

Ребятам эта идея понравилась, и они начали шутить:

– Может и нам стоит предложить организаторам заменить шашки шахматными фигурами?

Потом стали вспоминать Владимира Высоцкого и советы его горе-тренеров.

«Не робей!

Ты с таким прекрасным аппетитом,

Враз проглотишь всех его коней!

Нам же неумение поможет...»

И от себя добавили: ...и шашисты никогда не смогут угадать, чем будем мы ходить!

Решили все дебюты белыми начинать ходам к центру б3–д4 и ж3–ф4, а черными фб–ж5, а дальше – «как ночью по тайге».

В 5-м, 6-м, 7-м 8-м турах, или противники нас уже не принимали всерьез, или сказались теоретическая «подготовка», но мы уже никому не проигрывали, начав упорную борьбу за выход с последнего места. Разумеется, основная причина была все же в ребятах. Навыки опытных турнирных шахматных бойцов, самолюбие, спортивный характер начали сказываться. В некоторых поединках имелись чисто выигранные позиции! Например, Гия Зурабович, мастер по шахматам, и перворазрядница Настя не смогли тремя дамками поймать одну за пятнадцать ходов. Оказалось, что надо строить «треугольник Петрова», о котором знали понаслышке.

В предпоследнем туре неожиданно выиграл Стас. Когда партия закончилась, его противник, расставляя шашки, задумчиво поинтересовался:

– Вы в «жертве Кукуева» применили новый ход. Вы его взяли из литературы или разработали сами?

Тут настала очередь удивляться Стасу. Во-первых, он думал, что пешку «зевнул», во-вторых, он, как и Остап Бендер, «крайне удивился, что играет такое мудреное начало».

На следующий день мужчина, игравший со Стасом, остановив нашу группу в парке и обращаясь к нему, сказал, что они своей командой анализировали его ход и пришли к выводу, что он должен был проиграть, играй он так-то и так-то. Нас это уже не волновало, но послужило поводом того, что мы почти лет 20 при встрече со Стасом интересуемся, как у него продвигаются разработки в «Жертве Кукуева»?

Последний тур надолго запомнился нам и нашим противникам. Несмотря на все наши старания и отдельные успехи, мы делили только последнее и предпоследнее место.

Встреча с командой, которая боролась за 1–3 места, не доставляла нам оптимизма. Играть же лидеру с командой, занимающей последнее место, всегда считалось удачным раскладом. Поэтому первые места, да и остальные тоже, были примерно распределены. Но, как говорить в народе, не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Начался последний тур, ставший для нас самым светлым воспоминанием о прошедшем турнире. Первой выиграла Настя! Затем Гия Зурабович поймал все же тремя дамками одну и уверял, что обошелся без каких-либо треугольников.

Весть о том, что лидеры получили уже два нуля, быстро распространилась по залу. Болельщики и свободные игроки других команд сгрудились у барьера, с интересом наблюдая за поединками, где претенденты на последнее место встречались с лидерами. От исхода двух оставшихся партий зависело распределение мест во всем первенстве. О результате 4:0, конечно, даже не мечтали, а там – чем черт не шутит!

И здесь ребята включили, вероятно, навыки, приобретенные в многочисленных шахматных сражениях. Матч гроссмейстера и кандидата в мастера по шахматам против двух мастеров по шашкам приобрел принципиальный характер. Соперники занервничали и стали влезать в цейтнот. Противник Стаса, поглядывая на часы, неосторожно сделал размены, просмотрев оппозицию шашка фб против ашб, – сдался. Это уже подарило народу мысль, что чудеса могут сбываться. В зале нарастало напряжение.

На первой доске для многих творилось что-то непонятное – Миша, наш гроссмейстер, вдруг начал отдавать одну шашку за другой! В один момент, как Миша говорил позже, он рассчитал вариант на 20 ходов! Так или не так, уже не проверишь.

Один из игроков команды Краснодара, отведя меня в сторону, чуть не стонал:

– Что он делает? Что он делает?! Надо было играть проще, и можно было даже выиграть!

Но, как позже говорил Миша, у него «все было учтено могучим ураганом», поэтому все ходы он делал быстро и уверенно.

Вот позиция, в которой многие не заметили подвоха:

белые: шашки: а3, а7, д2, ф4, аш2, дамка ашб;

черные: шашки: б8, с5, ф6, аш4, дамка а1.

Итак:

1. ф4-е5! – первая жертва! – Зачем?!. – шепот болельщика. – 1... ф6:д4 – бить надо обязательно!

2. а3-б4! – вторая жертва! Снова недоумение в зале. Черные ответили 2... с5:а3, и только теперь вырисовался замысел белых!

3. д2-с3 – третья жертва! Черным надо бить: 3... д4:б2.

4. Дамка аш6-с1! Все! Одна шашка заперла три шашки черных! Дальше все просто, но требовало издала точного расчета:

4... б8-с7

5. а7-б8Д с7-б6

6. Дб8-а7 б6-а5

7. аш2-ж3 аш4:ф2

8. Да7:ж1 а5-б4

9. Дж1-ф2 б4-с3 10. Дф2-е1! – и черные сдались.

Противники и болельщики дружелюбно нас поздравили. Миша и Настя выполнили норму для присвоения первого спортивного разряда, а наша команда уверенно заняла третье место, но... с конца! На закрытии соревнований мы услышали похвалу в свой адрес и приглашение принять участие в первенстве на следующий год.

Выслушав наши рассказы о том, сколько нам пришлось натерпеться и пережить, играя в шашки, Геннадий Андреевич, оставляя нам на память спортивные костюмы, улыбаясь, произнес:

– А вы думали, что шашки это очень просто?

Эта история с участием шахматистов в соревнованиях шашкистов обросла деталями, перейдя в разряд шашечного фольклора. Она до сих пор пересказывается новым поколениям любителей шашек нашего края. Правда, они почему-то не любят вспоминать о финале этого противостояния, когда шахматисты разгромили шашкистов со счетом 4:0.

И как результат «погружения» в шашки стало мое решение при открытии ДЮСШ в г. Новороссийске наряду с баскетболом, борьбой, легкой атлетикой и другими видами спорта ввести преподавание... шашек!

Леонид ЗЕЛЁНЫЙ,
руководитель ГМО «Шахматы в школу» г. Новороссийска,
заслуженный учитель Кубани,
заслуженный работник ФК и спорта Кубани,
кандидат в мастера спорта СССР по шахматам,
ст. Натухаевская

Содержание:

ГОРОД МОЕЙ ДУШИ

Игорь Гусенин	3
От А до Г.....	
Марина Рыбкина	9
Ату его, ату!.....	
Виктор Буравкин	12
Ребята с нашего двора.....	
Вячеслав Волков	18
Октябрьский парк.....	
Алевтина Коновалова	20
Город, где сбываются мечты.....	
Владимир Чернышев	21
Под «Татарским игом».....	
Лариса Довгая	22
Будь стойкой, девочка!.....	
Андрей Мурай	26
Черноморская любовь.....	
Валерий Волков	29
Кексик.....	

О ЖИЗНИ, ПОДВИГАХ И О ТРУДАХ...

Гильда Нагиева	32
Благотворительные инициативы купцов Новороссийска.....	
Николай Карпов	35
Трагедия белого юга. 1920 год.....	
Ирина Воскресенская	43
Рейс пролетарской солидарности.....	
Людмила Бойко	47
Присягнувшие дважды.....	
Роман Талдыкин, Мария Рощина	52
Девушки отряда майора Куникова.....	
Лиля Афанасьева	56
Чтобы не разлучаться.....	
<i>Письма Владимира Маркова матери</i>	59

...ИЗ НИХ СОСТОИТ НОВОРОССИЙСК

Лариса Дьячкова	61
Павел Афанасьевич Чернышев.....	

Петр Козьмин	63
Им такая судьба.....	
Сергей Новиков	67
Пал жертвой интриг	
Вячеслав Губарь	71
Нефтяная обитель.....	
Людмила Попова	74
Личная клятва врача.....	
Евгений Рожанский	77
Музыку, маэстро!.....	
Анатолий Нилов	81
Когда я въезжаю в Новороссийск.....	
Леонид Зеленый	86
Шашки – это просто!?!.....	
Содержание	90

Истоки

История. Культура. Краеведение

Альманах № 8

Выпускающий и технический редактор:
А.Ю. Коновалова
Редактор: Л.Б. Бойко

Если вы творческий человек и вам есть чем поделиться с читателем, ваша работа может быть размещена на страницах нашего альманаха независимо от возраста.

Редколлегия рассмотрит каждую работу индивидуально.

Email: konovalova-ala@mail.ru
milano8@mail.ru

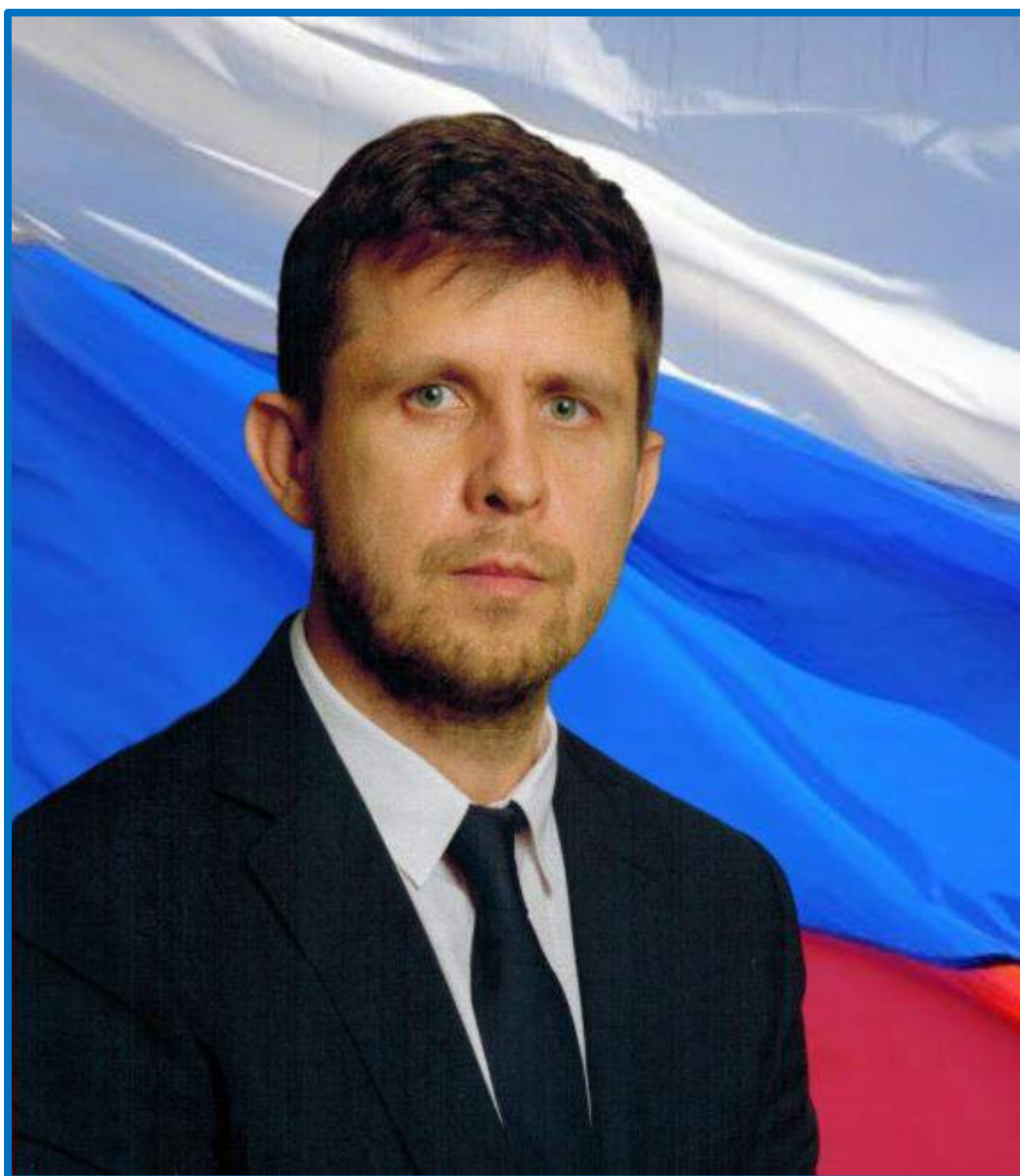
Идея создания альманаха А.Ю. Коноваловой и А.П. Беловой

Подписано в печать 15. 05.2023. Формат 69х90/16. Усл. печ. л. 7,6. Тираж – 150.

Издательство «Одиссей». 353907, Краснодарский край, г. Новороссийск.

Отпечатано в типографии ИП Кобылинский В.Н.: 353907,
Краснодарский край,

г. Новороссийск, ул. Козлова, 47, тел: 8 (8617) 64 41 54



БАРИНОВ

Дмитрий Владимирович

Депутат городской думы Новороссийска VII созыва
по одномандатному избирательному округу № 3,
спонсор выпуска альманаха «Истоки» № 8

